

Марина Тейн

**Империя крови и
обещаний**

Марина Тейн

Империя крови и обещаний

«Автор»

2026

Тейн М.

Империя крови и обещаний / М. Тейн — «Автор», 2026

Краткое описание книги Ая — девушка из бедного квартала Низины — внезапно попадает в элитную Академию Люминар, цитадель магии и аристократического блеска. Как это случилось? Тайна... В мире хрустальных залов и магических камертонов Ая — чужая: её сила дикая, необузданная, её прошлое — как шрам. Получив алую метку резонанса после прохода через Арку, она становится связующим звеном между миром живых и «Сломанными» — тенями Академии. Ей предстоит: • выдержать испытание Первого Света, сохранив дорогие образы; • раскрыть тайну метки и связь со «Сломанными»; • противостоять интригам Селесты; • балансировать в игре взглядов с Адрианом де Мором — холодным, безупречным. Между ними искрит недосказанное: симпатия или опасная зависимость? Его взгляды — как шифр: «Ты либо разрушишь этот мир, либо станешь его королевой». Ая не знает, какой сценарий ему ближе... Её путь — лабиринт из зеркал, где страх сменяется силой. Она учится писать правила сама.

© Тейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
ГЛАВА 4 — Испытание Первого Света	13
ГЛАВА 5 — Тень расколотого круга	21
Глава 6 - Тень в серебре	30
Глава 7: «Эхо забытых ветров»	38
Глава 8: «Шёпот ветра»	47
Глава 9: «Грани слуха»	55
Глава 10: «Тени забытой памяти»	66
Глава 11: «Шаг за грань тишины»	70
Глава 12. Тонкий лед и пепел памяти	74
Глава 13. Сумрачный Предел	78
Глава 14. Шепот застывших имен	81
Глава 15. «Резонанс безмолвия»	85
Глава 16 «Зеркало Души»	88
Глава 17 «Тень Кодекса»	91
Глава 18. «Резонанс крови»	95
Глава 19	98
Глава 20	101
Глава 21 «Страшная правда»	105
Глава 22 «Невидимые пути»	109
Глава 23 «На грани небытия»	113
Глава 24. «Два полюса»	117
Глава 25 «Загадочный шифр»	121
Глава 26 «По тонкому льду»	125
Глава 27 «Союз бури и света»	129
Глава 28 «Голос древней кладки»	132
Глава 29 «На волосок от Бездны»	136
Глава 30 «Маска долга»	139
Глава 31 «Печать силы»	143
Глава 32 «Сквозь расстояние»	147
Глава 33 «Там, где затихает эхо»	151

Марина Тейн

Империя крови и обещаний

Глава 1

Она не должна была выжить

Утро в Низине всегда пахло одинаково: прогорклым жиром, сточными водами и заста- релым, ввевшимся в поры страхом. Но сегодня к этому привычному букету добавился новый, пугающий оттенок — озон. Воздух звенел, предвещая бурю, которая рождалась не в небесах, а в черных недрах Академии Люминар. Жатва пришла за своей данью.

Ая проснулась от того, что по крыше их лачуги забарабанил град. Но это не был лед. Это были крошечные магические искры — побочный эффект пробуждения Арки, которая начинала свою жадную переключку. Искры шипели, соприкасаясь с гнилой соломой кровли, оставляя после себя крошечные черные дыры, из которых струился едкий, горький дымок.

— Лука, вставай, — прошептала она, нащупывая в темноте костлявое плечо брата. — Живо в подпол. И не смей дышать, пока не позову. Помнишь? Три стука.

Мальчик, которому едва исполнилось семь, не задавал вопросов. В Низине дети учились молчать раньше, чем ходить. Быстро скатился с тюфяка, прижимая к груди облезлого тряпич- ного зайца, и исчез в узкой щели между гнилыми досками пола. Ая задвинула над ним тяжелый сундук с тряпьем, чувствуя, как сердце колотится о ребра, словно пойманная птица в железной клетке.

Снаружи раздался первый крик — пронзительный, оборвавшийся на самой высокой ноте. Затем — размеренный, тяжелый топот кованых сапог по раскисшей грязи.

Дверь их лачуги содрогнулась от удара. Петли, изъеденные ржавчиной, жалобно скрип- нули и сдались. В проеме вырос офицер «Серебряных гончих». Его доспехи из небесной стали сияли так ярко, что слепили глаза, отражая в своих полированных пластинах нищету комнаты: колченогий стол, пустые миски и Аю, сжимающую в руке старый кухонный нож.

— Имя? — голос офицера был лишен интонаций, как звук падающего в колодец камня.

— Мой отец отдал долг два года назад, — Ая не отступила, хотя её пальцы побелели от напряжения. — Мы свободны от Жатвы на три поколения. У нас есть грамота Совета с печатью магистра!

Офицер даже не взглянул на бумагу, поднял небольшую стеклянную сферу — детектор резонанса. Она вспыхнула тревожным, голодным фиолетовым светом, как только оказалась рядом с девушкой.

— Правила изменились, — холодно бросил он. — Арке нужно больше «чистого сырья». У тебя редкий фон. Ты идешь с нами.

Он схватил девушку за локоть. Хватка была такой сильной, что Ая услышала хруст соб- ственного сустава. Нож выпал из ослабевших пальцев, вонзившись в пол всего в сантиметре от того места, где под досками, затаив дыхание, замер Лука.

Её волокли через город, и мир менялся с пугающей быстротой. Грязь Низины сменилась брусчаткой Среднего круга, а затем — ослепительным мрамором Верхнего города. Здесь всё было пропитано магией. Фонтаны извергали жидкое золото, в воздухе парили сады, а по широ- ким проспектам прогуливались люди в шелках. Они останавливались, чтобы посмотреть на процессию «изъятых». Дамы прикрывали носы надушенными платками, глядя на оборванную Аю с брезгливым любопытством.

Наконец, они вышли на Площадь Жертвы. В центре, окруженная кольцом безмолвных стражей, возвышалась Арка. Огромный монолит из обсидиана, который, казалось, вибрировал

в такт биению сердца самой земли. Камень не отражал солнце, а впитывал его, создавая вокруг себя зону вечных сумерек. По поверхности змеились трещины, в которых пульсировала густая, как деготь, тьма.

Над площадью нависла тишина, нарушаемая лишь гулом самого камня. Тысячи горожан заполнили трибуны.

— Начинаем испытание, — раздался голос, усиленный магией.

Ая стояла в очереди, дрожа от холода и ужаса. Перед ней подтолкнули рослого юношу — судя по одежде, это был подмастерье кузнеца. Он пытался сопротивляться, кричал, что у него дома больная мать, но стража была неумолима. Парня швырнули прямо в пасть Арки.

Произошло то, что Ая никогда не сможет забыть. Юноша не упал, не сгорел, просто... исчез. Сначала тело стало прозрачным, как туман, а затем Арка издала жадный, хлюпающий звук, и он втянулся внутрь, словно его высосало невидимым насосом. На камне осталась лишь горсть серой, безжизненной пыли, которую тут же подхватил ледяной ветер.

Толпа на трибунах восторженно вздохнула. Для них это было всего лишь топливо для комфортной жизни.

И в этот момент, среди пёстрой толпы аристократов, стоявших у самого подножия трибун, Ая увидела юношу лет восемнадцати, в чьей осанке читалось вековое превосходство древнего рода. Он выделялся среди всех, это был Герцог Адриан Де Мор. Благородный юноша не сидел на трибунах, а стоял внизу, почти у самой черты смерти, скрестив руки на груди. Точное, вызывающе красивое лицо казалось высеченным из того же холодного мрамора, что и статуи в Академии. Прямой, гордый профиль, четко очерченные скулы и губы, тронутые печатью легкой, почти незаметной скуки.

Герцог не смеялся и не шептался с соседями, как другие. Взгляд, серых и пронзительных глаз, был прикован исключительно к Ае. Он разглядывал её так внимательно, словно мог проникнуть насквозь — сквозь грязные лохмотья, сквозь страх, прямо в её пылающую, испуганную душу. В этом взгляде было не сочувствие, а странная, пугающая сосредоточенность. Адриан словно изучал новый вид опасного зверя.

— Следующая! — страж толкнул Аю в спину.

Адриан не шелохнулся, лишь чуть сузил глаза, когда она споткнулась о край мраморного постамента.

Холод пришел первым, ворвался в её легкие, превращая дыхание в лед. Затем пришли голоса. Миллионы голосов тех, кто был «стерт» до неё. — Отдай нам свою боль. Забудь своё имя. Стань частью нас.

Ая почувствовала, как что-то невидимое впивается в разум, вырывая куски памяти. Лицо Луки начало тускнеть. Вкус чёрствого хлеба стал пылью. Девушка почувствовала, как её искру — саму жизнь — тянут наружу, чтобы скормить золотым лампам города.

— Нет! — закричала внутри себя. — Я не отдам!

Вцепилась в образ брата с яростью, о которой не знала, Она не просто сопротивлялась, а начала тянуть обратно. Ая чувствовала, как сила Арки, древняя и голодная, наткнулась на сопротивление, как на стальной щит.

Произошло невозможное. По площади пронесся звук, похожий на стон ломающегося хребта. Обсидиан Арки под её руками покрылся сетью ослепительно белых трещин. Тьма внутри проема на мгновение вспыхнула, став ярко-красной, а затем с грохотом вытолкнула девушку назад.

Ая упала на колени, хватая ртом воздух, который теперь казался расплавленным свинцом. Она была жива и всё помнила.

На трибунах воцарилась гробовая тишина. Люди вскакивали с мест. Магистры засуетились, обмениваясь тревожными фразами.

Ая подняла голову, утирая кровь с разбитой губы. Адриан де Мор всё так же стоял в толпе. Гордый профиль не дрогнул, в глазах цвета грозового неба появилась чуть заметная искра интереса. На красивом лице промелькнула тень той самой улыбки, которую она позже научится ненавидеть и ждать. Адриан единственный не отвел взгляда. Он видел, как она сломала порядок вещей. И, кажется как будто всё увиденное его забавляло.

— Имя, — раздался над ней голос магистра Вариана.

— Ая, — выдохнула она.

Когда стража подхватила испуганную девушку под руки, уводя в сторону Академии, она в последний раз оглянулась. Адриан провожал её взглядом, пока толпа не скрыла его точеное лицо. Она ещё не знала, что с этого мгновения стала для него самой интересной загадкой.

Глава 2

Осколок в шёлке

Карета, в которую затолкали Аю, была чудовищно роскошной, словно портал в иной мир, где правила игры диктовала магия, а не нищета низины. Каждый дюйм пространства кричал о богатстве и власти. Внутри пахло старой пудрой, сухой лавандой и чем-то неуловимо металлическим — так пахла магия, когда её запирали в ограниченном пространстве. Сиденья были обиты бархатом цвета свернувшейся крови, таким мягким, что Ая боялась пошевелиться, будто любое прикосновение могло осквернить эту роскошь. Она вжималась в сидения чувствуя себя грязной каплей на полотне королевского гобелена. В голове кружилась тревожная мысль: «что же будет с маленьким и беззащитным братом, как он сможет выжить без нее»

Напротив, сидел магистр Вариан — воплощение ледяной отстраненности. Поза была расслабленной почти небрежной, но девушка чувствовала скрытое напряжение, будто под поверхностью спокойствия бурлила магма. Он не смотрел на неё, а листал книгу, страницы которой были сделаны из прозрачного слюдяного камня. При каждом повороте страницы по карете пробегала синяя искра.

— Почему я жива? — голос Аи прозвучал хрипло, как скрежет камня о камень.

Вариан наконец поднял глаза, зрачки были необычайно узкими, как у рептилии. — Потому что ты не просто прошла через Арку, а «укусила» её. — Он захлопнул книгу с резким щелчком. — Арка берет плату памятью и светом. Ты же умудрилась вернуть себе и то, и другое, да еще и прихватить кусок чужой силы. Для Совета ты — либо величайшее достижение, либо опасный сорняк.

Карета качнулась, въезжая на мост. За окном проплывали шпили Академии Люминар. Они вонзались в небо, как костяные иглы, а на вершинах дрожали сферы вечного огня. Это было красиво и жутко одновременно. Ая прижалась лбом к холодному стеклу. Где-то там, внизу, в сером мареве Низины, остался Лука. Один. В холодном подполе.

«Жди меня, маленький брат. Только жди», — пульсировало у неё в висках.

Карета остановилась девушку вывели к дверям академии. Величественные арки, выточенные из белого камня, напоминали челюсти исполинского существа, готового поглотить любого, кто переступит порог. Воздух звенел от магии, пахло озоном и чем-то древним, забытым — будто само это место хранило секреты способные свести с ума.

Академия встретила Аю оглушительной тишиной. Её вели по бесконечным коридорам, где пол был выложен мозаикой из драгоценных камней, изображающей созвездия. Слуги-тени — безмолвные фигуры в серых ливреях — вжимались в стены при её приближении. Они не поднимали глаз, но Ая чувствовала их страх.

Девушку привели в «Зал Омовения». Это была огромная комната с бассейном из белого мрамора, в котором вода светилась мягким жемчужным светом.

— Раздевайся, — приказала пожилая женщина с лицом, похожим на застывшую маску. — Мы должны смыть с тебя грязь Низины.

Вода оказалась не просто теплой — она покалывала кожу, словно тысячи крошечных игл впивались в поры. Ая видела, как грязь и копоть прежней жизни стекают в стоки, но вместе с ними, казалось, уходит и последняя защита. Когда её вытащили, кожа сияла неестественной белизной, а волосы стали мягкими, как шелк.

Ей выдали платье. Тяжелое, темно-синее, с тугим корсетом, который перехватывал дыхание. — Теперь ты — ученица первого круга, — сказала женщина, затягивая шнуровку на спине. — У тебя нет прошлого, есть только долг перед Светом.

Первый выход в общий зал был подобен казни. Студенты — дети аристократов, которые готовились к этому дню годами — уже собрались у фонтана. Они выглядели как стая райских

птиц: золото, шелк, драгоценные камни. На фоне всех выделялась Селеста Ван Торн. Платиновые волосы сверкали, как льдинки, каждое движение было отточенным, безупречным — будто она танцевала на лезвии ножа. Ая заметила, как платиновая блондинка бросает на неё короткие взгляды, полные ледяного презрения. В эти моменты глаза Селесты напоминали осколки зеркала, в которых можно увидеть лишь собственную тень.

— Она пахнет гарью, — громкий шепот Селесты разрезал тишину, как нож. — Вы только посмотрите на эти руки. Магия не должна доставаться тем, кто копается в навозе.

Селеста сделала несколько шагов вперед. — Говорят, ты сломала Арку, — прошипела она, подходя вплотную. — Моя семья строила этот город триста лет. Мы вкладывали в Арку свою кровь. А потом приходишь ты... и портишь вековой механизм своей грязной волей. Ты не избранная, а просто ошибка, которую мы скоро исправим.

Ая сжала кулаки. Ткань нового платья затрещала под мышками. Хотелось ударить эту фарфоровую куклу, но она вовремя заметила его.

Адриан Де Мор стоял на балконе второго этажа, опершись о перила. Величественный юноша с глазами цвета грозового неба, не смеялся вместе с остальными, а просто наблюдал.

Взгляд Адриана встретился со взглядом Аи. В этом контакте не было ни сочувствия, ни ненависти. Только холодное, расчетливое любопытство.

— Имя! — крикнула Селеста, толкая Аю в плечо. — Отвечай, когда к тебе обращается леди!

Девушка медленно повернула голову к Селесте. Глаза, всё еще хранившие отблеск черного пламени Арки, заставили блондинку на секунду отшатнуться. — Меня зовут Ая, — голос был тихим, но в нём звенела сталь, заставляя воду в фонтане за спиной, на мгновение замереть, будто сама стихия прислушалась к словам. — И, если я сломала вашу Арку, представь, что могу сделать с тобой.

В зале воцарилась гробовая тишина. Время будто остановилось, сжавшись в один ослепительный миг. Глаза окружающих метались между Аей и фонтаном, словно пытаясь уловить магические колебания в застывшем воздухе. В этих взглядах читалось любопытство — впервые они видели, как «пустой сосуд» обретает голос, как тень превращается в живую фигуру.

Лицо Селесты искажилось на долю секунды, прежде чем маска ледяного превосходства вернулась на место.

Ая успела заметить вспышку неподдельного шока и это очень ободряло, в то время как, одиночество — холодное как, дыхание смерти, пускало свои корни глубоко в сердце. Она ощущала, как каждая клеточка тела вибрирует от напряжения, словно натянутая тетива, готовая выпустить стрелу. Сердце колотилось так громко, что, казалось, стук эхом разносится по мраморным стенам. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони — боль стала якорем в океане кипящих эмоций. Из глубины души медленно, почти неощутимо, поднялась уверенность — тихая, но неумолимая как прилив, вытесняя сомнения, смывая страх как морская вода стирает следы на песке. Ая чувствовала, как магия пульсирует под кожей, готовая вырваться наружу. Взгляд прежде робкий, пылал внутренним огнём. В нём читалось «Я не жертва. Я — буря».

На балконе Адриан Де Мор едва заметно наклонил голову, изучая её с холодным любопытством. На его губах промелькнула тень усмешки — не презрительной, а почти заинтересованной. Игра началась.

Глава 3

Утро стертых имен

Утро в Академии Люминар не приносило облегчения. Оно начиналось не с мягкого света солнца, а со звенящего, монотонного гула магических камертонов, установленных в каждом углу жилого крыла. Этот звук проникал сквозь череп, выметая остатки снов, оставляя после себя стерильную, пугающую чистоту мыслей.

Ая проснулась в своей келье задолго до того, как гул стал невыносимым. Слово «комната» здесь не подходило: высокие своды из белого камня, узкое окно-бойница, в которое заглядывало холодное бледное солнце, и кровать, застеленная бельем из такого тонкого льна.

Она села на постели, и первое, что сделала — прижала ладони к лицу. В голове, словно испуганные птицы, бились обрывки вчерашнего дня. Площадь. Арка. Холод. Но стоило сделать вдох разреженного, напоенного благовониями воздуха Академии, как образы начали подергиваться дымкой. Память сопротивлялась этому месту, как живая плоть сопротивляется кислоте.

На прикроватном столике, инкрустированном перламутром, лежал предмет, который здесь ценился выше золота — Дневник Памяти. Переплет был сделан из кожи неизвестного существа, теплой на ощупь, словно всё еще хранящей остаточное дыхание.

Ая схватила перо так сильно, что костяшки пальцев побелели. Она знала: если не записать это сейчас, к вечеру от прошлого останутся лишь серые пятна.

«Меня зовут Ая. У моего брата Луки на коленке шрам в форме полумесяца — он упал с забора, когда мы воровали яблоки в Верхнем городе. Мама пахла лавандой и дешевым щелочным мылом. Я сломала Арку. Я ненавижу это место за то, что оно пахнет чистотой и смертью».

Писала лихорадочно, заполняя страницу за страницей. Буквы выходили неровными, злыми. Ая описывала вкус черствого хлеба, который они с Лукой делили на двоих, и то, как кусался мороз в их дырявой лачуге. Каждое слово было гвоздем, забитым в фундамент её личности.

Внезапно дверь кельи бесшумно отворилась. На пороге возникла слуга-тень — безликая фигура в сером, чье присутствие выдавал лишь легкий запах озона. Поставила на столик поднос с прозрачным нектаром и картой, на которой было показано, как добраться до Зала Созерцания. Безмолвно указала на часы, время личного уединения закончилось.

Переход из тишины кельи в шум коридоров был подобен нырянию в ледяную воду. Ая чувствовала себя самозванкой в своем синем шелковом платье. Ткань казалась чужеродной — словно тонкая оболочка, натянутая поверх настоящей кожи. Каждая складка напоминала о том, что она здесь лишняя, случайная гостья в мире, где всё подчинялось строгим законам магии и иерархии. Дневник, спрятанный в глубоком кармане, жег бедро, словно раскаленный уголь.

Девушка шла по коридорам Академии, оглушённая величием. По обе стороны тянулись галереи с мраморными статуями древних магов — каменные глаза будто следили за ней. Вокруг сновали студенты — их плавные движения, звонкие перешёптывания, блеск драгоценных камней в украшениях создавали какофонию, от которой у Аи кружилась голова.

Свернула в крыло с высокими стрельчатыми окнами. Стены были инкрустированы пластинками лунного камня — они мягко светились, отбрасывая призрачные блики на шёлк её платья. В воздухе витал тонкий аромат благовонных смол и редких цветов — будто сама Академия дышала ароматами забытых садов.

Далее путь лежал через Галерею Отражений — сводчатый зал, где зеркальные панели множили каждый звук, превращая обычный шёпот в многоголосие. Ая заметила, как в зеркалах мелькают отблески её тени, будто Академия изучала её со всех сторон.

Последний отрезок пути проходил по лестнице из чёрного обсидиана. Ступени переливались внутренним светом, а перила были выточены в форме магических рун. Здесь шум коридоров окончательно стих. Наконец Ая достигла высоких резных дверей. Над входом мерцала эмблема Зала Созерцания.

Общий зал для занятий поражал воображение. Стены были заменены гигантскими аквариумами, в светящейся лазурной воде плавали эфирные скаты. Их медленные движения гипнотизировали. Студенты сидели за длинными столами из прозрачного кварца. Тишина стояла такая, что было слышно, как перо скрипит по бумаге. Это был час тишины — время, когда каждый заново собирал свою личность по кусочкам.

— Посмотрите на свои руки, — раздался резкий, сухой голос.

Магистр Кассиан вошел в зал бесшумно. Мантия, сотканная из нитей чистого серебра, переливалась при каждом шаге, создавая иллюзию, что он окружен ореолом. Лицо было бледным, с глазами, которые видели слишком много пустоты.

— Вы видите плоть и кровь, — продолжал Кассиан, прохаживаясь между рядами. — Но для Академии вы — лишь сосуды. И если сосуд полон грязной воды мелких обид, воспоминаний о неудачах — чистая магия будет не управляемой и просто разорвет вас.

Он остановился прямо за спиной Селесты Ван Торн. Та сидела идеально прямо, дневник был заполнен каллиграфическим почерком. — Леди Селеста, — мягко произнес магистр. — Что вы сегодня закрепили?

— Имя своего рода и верность Свету, магистр, — ответила она, не оборачиваясь. Голос был чистым и холодным, как горный ручей. — Я стерла воспоминание о вчерашнем дожде. Оно было лишним.

— Похвально, — кивнул Кассиан и двинулся дальше.

Ая затаила дыхание. Она видела, как другие ученики дети герцогов и князей — добровольно вычеркивали из своей жизни целые дни, чтобы стать «чище». Это было добровольное безумие.

Кассиан остановился у стола Аи. Воздух вокруг него пах озоном и старой бумагой. — А ты, дева из Арки? — в голосе послышалась ирония. — Твой дневник, должно быть, пуст? Ведь Арка забирает всё.

Ая медленно подняла на него глаза. Внутри бушевал пожар, но заставила свои губы сомкнуться в тонкую линию. Она знала, что должна лгать. Если они узнают, что Арка не тронула память, её сочтут ересью.

— Я... я ничего не помню, магистр, — голос дрогнул.

Кассиан прищурился и наклонился так близко, что Ая увидела сеть мелких морщин у его глаз. — Ложь в этих стенах имеет свойство светиться, дитя. Не пытайся обмануть Дневник. Он — часть тебя. Если лжешь ему, то лжешь своей душе. — Сегодня мы будем учиться Концентрации. Ваша задача — вызвать искру. Но не из воздуха, а из памяти. Самое яркое воспоминание должно стать топливом.

Ая видела, как у Селесты над ладонью расцвел золотой цветок. У другого юноши вспыхнул ослепительный белый шар. Они превращали свои жизни в свет.

Ая закрыла глаза и вызвала в памяти лицо брата. Его смех, маленькие грязные ручонки. В ту же секунду почувствовала, как между ладонями начинает рождаться не свет, а гул. Тяжелый, низкий, вибрирующий звук. Метка на руке начала жечь.

Она испугалась и не хотела показывать им свою силу, к которой не могла еще привыкнуть. Девушка быстро «захлопнула» воспоминание, обрывая контакт. Искра так и не появилась.

— Пусто, — констатировал Кассиан с разочарованием. — Как я и думал. Ты — просто разбитый кувшин. Живой, но бесполезный.

После занятия студентов отпустили в Сады Отражений на созерцание. Это был огромный парк, где деревья были сделаны из хрусталя, а вместо листьев на них дрожали магические сферы, меняющие цвет в зависимости от времени суток.

Ая брела по Саду Отражений, погружённая в тяжёлые мысли. Искала уголок, где можно было бы укрыться от пристальных взглядов и немой оценки окружающих. Сворачивала то вправо, то влево, следуя за изгибами тропинок. Внезапно путь Аи преградило тёмное зеркало воды. Это было не обычное озеро — поверхность напоминала полированный обсидиан, без единого блика, без намёка на отражение окружающего мира. Вода казалась живой: едва заметно пульсировала, будто дышала в медленном, размеренном ритме.

Ая подошла ближе, заворожённая этим зрелищем. По краям водоёма росли искривлённые чёрные лилии с лепестками, похожими на застывший дым. Бутоны медленно пульсировали, будто в такт неведомому сердцебиению. Лёгкий туман висел над водой, сотканный из мельчайших светящихся частиц, которые складывались в призрачные символы, неуловимо меняющие форму.

Зачарованная, Ая присела на каменную скамью у берега. Тишина здесь была особенной — не мёртвой, а насыщенной невыразимыми звуками, будто сама земля шептала древние заклинания. Она закрыла глаза, пытаясь уловить этот шёпот, и на мгновение почувствовала, как тревоги Академии растворяются в магическом покое этого места.

Когда вновь открыла глаза, её охватило странное ощущение чужого присутствия. Воздух будто сгустился, а тишина стала натянутой, как струна. Она медленно повернула голову, следуя за невидимым импульсом, — и замерла.

Адриан Де Мор стоял у самой кромки воды. Черный камзол делал фигуру еще более высокой и властной. Профиль на фоне светящихся деревьев казался идеальным, высеченным из камня, в позе было столько одиночества и скрытой мощи, что Ая невольно замерла, боясь шелохнуться.

Она уже хотела тихо уйти, не нарушая его сосредоточенности, но в этот миг Адриан заговорил, голос — глубокий, бархатный и пугающе спокойный — разрезал тишину:

— Ты зря пытаешься их обмануть.

Слова ударили по нервам, будто капли расплавленного металла. Ая невольно подняла взгляд, встретившись с его изучающим взором. В серых глазах не было ни насмешки, ни презрения — только холодное, безжалостное понимание.

На секунду время остановилось. Между ними повисла тяжёлая, звенящая пауза — как миг перед грозой, когда воздух насыщен электричеством, а мир затаил дыхание.

— О чем вы... господин Де Мор?

Серые глаза, в которых отражались огни хрустального сада, изучали её лицо с тем же жадным вниманием, что и на площади. — Кассиан видит только то, что ему позволяют правила. Я же видел, как ты смотрела на свою ладонь. Ты не разбитый кувшин. Ты — тот кувшин, в котором заперт шторм.

Де Мор сделал шаг к ней. Воздух вокруг был холодным, пропитанным силой такого уровня, от которой у Аи закружилась голова. — Не трать свои силы на дневник, — сказал он, проходя мимо так близко, что плащ задел её руку. — Бумага терпит всё, но Академия — нет. Если действительно хочешь сохранить себя, научись прятать правду там, где её никто не станет искать. В своей ненависти.

Адриан ушел, не дождавшись ответа, оставив Аю одну у черной воды. Она посмотрела на свои руки. Метка под тканью перчатки пульсировала. Он знал. Этот идеальный юноша с глазами цвета смерти видел её насквозь. И это пугало больше, чем все угрозы Селесты и магистра Кассиана вместе взятые.

ГЛАВА 4 — Испытание Первого Света

Испытание Первого Света

Ночь не принесла облегчения: сны обрывались кошмарами, в которых чёрное озеро поглощало её, а голос Адриана звучал со дна бездонной воды — «Научись прятать правду там, где её никто не станет искать. В своей ненависти».

Утро следующего дня началось с монотонного гула магических камертонов, пронзившего сонную тишину жилого крыла. Ая заставила себя подняться, игнорируя тяжесть в груди и дрожь в пальцах. Одеваясь, мельком взглянула в зеркало и увидела бледное, напряжённое лицо — отражение той самой «разбитой куклы», о которой шептались за её спиной. Но где-то глубоко внутри тлел упрямый огонёк: она не позволит сломить себя.

Занятия тянулись бесконечно. После утренней медитации в Зале Созерцания Ая вместе с другими первокурсниками отправилась на краткий инструктаж в Малый Аудиториум. Магистр Кассиан, возвышаясь у кафедры, объявил:

— Сегодня вы сделаете шаг к пониманию собственной сути. Путь лежит в Зал Света. Будьте готовы. — Голос, холодный и чёткий, эхом отразился от мраморных стен.

Затем их повели не знакомым Ае маршрутом: сначала через галерею Древних Знаний. Галерея поразила её с первого шага. Пространство было вытянутым, с высоким сводчатым потолком, украшенным барельефами, изображающими сцены из легенд о первых магах Люминара. Стены, выложенные из блоков тёмного мрамора с серебристыми прожилками, казались бесконечными. Вдоль них тянулись ниши, в каждой из которых находился древний артефакт, окутанный мерцающим магическим сиянием.

Ая шла, затаив дыхание, взгляд жадно впитывал каждую деталь. Кристаллические сферы, пульсирующие мягким голубым светом. Казалось, внутри бурлит миниатюрная вселенная, где рождаются и гаснут звёзды. Древние свитки, свисающие с золотых держателей. Их пергамент был испещрён рунами, которые переливались, будто живые. Старинные фолианты в кожаных переплётах, чьи корешки были украшены тиснением в виде магических символов. Некоторые книги слегка светились, другие оставались тёмными, словно хранили самые мрачные тайны. Магические зеркала, в которых отражались не стены галереи, а размытые образы далёких мест — горные вершины, подводные царства, древние руины.

Пол галереи был выложен мозаикой из драгоценных камней, образующей сложный узор, напоминающий карту неизвестных земель. Каждый шаг по этому полу сопровождался приглушённым звоном, будто сама земля отзывалась на присутствие учеников. Воздух здесь был густым, насыщенным смесью ароматов: сухой древесный запах древнего пергамента смешивался с металлическим привкусом магии и лёгким ароматом лаванды.

Время в галерее словно остановилось. Ая ощущала себя песчинкой в потоке тысячелетней истории, каждым нервом впитывая величие и таинственность этого места. Сердце билось в такт с пульсацией магических артефактов, а в голове крутились обрывки древних заклинаний, будто эхо забытых голосов.

Наконец, очнувшись от оцепенения, она двинулась дальше, вслед за остальными первокурсниками. Путь плавно поднимался вверх — лестницы с невысокими ступенями вели к верхним уровням Академии, постепенно сужая пространство вокруг. Коридоры становились уже, стены — выше, а воздух — более разрежённым.

Вскоре маршрут свернул в узкий проход из тёмного камня, уводя прочь от основных путей Академии. Ая заметила, что стены здесь были испещрены древними рунами, слабо светящимися голубоватым светом. Каждый шаг отдавался глухим эхом, будто сам камень хранил секреты прошедших веков.

Коридор вылился в винтовую лестницу. Спиральные ступени из чёрного обсидиана плавно поднимались вверх, следуя естественному изгибу башни. Лестница была настолько крутой, что приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не оступиться. Когда лестница закончилась, группа оказалась в Зале Света.

Это была самая высокая точка Академии, в башне, которая, казалось, пронзала облака. Стены были возведены из чистого горного хрусталя, отшлифованного до зеркального блеска. Солнце, преломляясь сквозь тысячи граней, превращало пространство в пылающий лабиринт, где каждый блик резал глаза, как острое лезвие. Здесь не было теней. В Люминаре считали, что истина не терпит укромных уголков.

Ая стояла в кругу других первокурсников, чувствуя, как пот катится по спине под тяжёлым шёлком платья. Воздух в зале был сухим и наэлектризованным, пахнувшим озоном и раскалённым металлом. В каждом звуке и движении вокруг ощущалось не просто испытание, а суд, где вердикт уже почти вынесен. Но память о встрече у чёрного озера, пронзительный взгляд Адриана и его слова, придавала ей жёсткую решимость.

Магистр Кассиан возвышался на пьедестале, его серебряная мантия сливалась с сиянием стен. В руках держал Сферу Первозданного Света — артефакт, который, по легенде, был осколком самого солнца.

— Сегодня вы пройдёте через Очищение, — голос, усиленный эхом хрусталя, вибрировал в грудной клетке Аи. — Испытание Первого Света выжжет из вашего разума всё наносное. Если вы отказались от ненужных воспоминаний, свет пройдет сквозь, не встретив преград. Но если утаили хотя бы каплю «мусора» — старых привязанностей, имен из прошлого, ненужных чувств — свет зацепится за них. И тогда... — он сделал паузу, и в зале стало слышно, как бьются сердца тридцати испуганных студентов. — Ваша голова превратится в костер.

Ая невольно бросила взгляд в сторону. У массивной колонны, стоял Адриан Де Мор, который не участвовал в испытании, а был здесь как высший наблюдатель, как эталон, к которому они все должны стремиться. Лицо было неподвижным, застывшим, словно высеченным из холодного лунного камня. Ни один мускул не дрогнул на точеном лице, когда их взгляды встретились на долю секунды. В серых глазах не было ни поддержки, ни сочувствия — только ледяное, безэмоциональное созерцание. Он был похож на изваяние древнего бога, которому безразличны страдания смертных.

«Прячь правду в своей ненависти», — вчерашний шепот всплыл в сознании, как ядовитый цветок.

— Начнем, — скомандовал Кассиан.

Поднял Сферу, и из неё ударил сноп ослепительно белого пламени. Свет не обжигал кожу, а врывался прямо в зрачки, проникая в самые глубокие слои сознания. Ая зажмурилась, но это не помогло. Сияние было внутри черепа и начало рыскать. Оно было живым, это Первое Пламя, нащупало образ Луки. Ая почувствовала, как свет впивается в воспоминание о том, как брат смеялся, когда она щекотала ему пятки. Пламя начало обглаживать этот образ, превращая его в пепел.

«Нem!» — разум закричал от боли. Потерять это было всё равно что лишиться конечности.

Свет потянулся дальше — к лицу матери. Девушка видела, как сияние обволакивает тонкие черты лица, собираясь стереть их навсегда. В зале раздался истошный крик — кто-то из учеников не выдержал давления, его магия вспыхнула серым дымом, и он рухнул на пол, содрогаясь в конвульсиях.

Ая поняла: еще секунда, и она станет пустой оболочкой, либо мозг сгорит от сопротивления. И тогда вспомнила совет Адриана и не стала прятать образы за стеной, а бросила их в костер своего гнева. Вызвала в памяти не лицо Луки, а тот момент, когда страж толкнул ее в

Арку на площади. Вспомнила брезгливое лицо дамы с веером. Вспомнила холодный, изучающий взгляд самого Адриана, который смотрел на её унижение как на научный опыт.

Начала раздувать это пламя. Ярость, черная и густая, начала подниматься из самых низов души. Обволокла воспоминания о семье этим гневом, пряча их внутри своей ненависти к Академии, к Кассиану, к этому ослепительному залу.

Свет Первого Пламени ударился об эту преграду. Для магического ока Кассиана, это выглядело не как сопротивление памяти, а как «темная пустота» — отсутствие всякого содержания. Свет соскальзывал с разума, не находя зацепок. Она превратилась в зеркало, отражающее ярость обратно в пространство.

Ая чувствовала, как метка на руке пульсирует, выпивая излишки магического давления. Было не больно — только едкая горечь трепетала внутри. Горько от того, что теперь любовь к брату и образ матери были закованы в броню из ненависти.

— Достаточно, — произнес Кассиан.

Сияние погасло так же резко, как и появилось. В зале воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Несколько учеников лежали на полу, их дневники дымились. Селеста стояла бледная, пальцы дрожали, а на лбу выступили капли пота. Она прошла испытание, но оно не было лёгким — взгляд стал еще более пустым, чем прежде.

Магистр Кассиан медленно спустился с пьедестала и подошел к Ае. Долго всматривался в её лицо. — Поразительно, — прошептал он, и в голосе послышался страх, смешанный с интересом. — Твой разум... как выжженная земля. Ни единого всплеска. Ни единой тени прошлого. Ты либо самая чистая из всех, кого я видел, либо... — он осекся.

Ая не ответила. Лицо было такой же маской, как у Адриана. Она победила и сохранила воспоминания, спрятав их в самой темной глубине сердца, куда свету Люминара не было хода.

Девушка подняла глаза на Адриана, который всё так же стоял у колонны. Лицо-изваяние не изменилось, но он едва заметно, почти неуловимо, сузил глаза. Де Мор видел, что она сделала, видел, как превратила свою боль в оружие. И на мгновение Ае показалось, что в ледяном спокойствии промелькнуло нечто пугающее — признание того, что он создал противника, равного себе.

— Урок окончен, — бросил Кассиан. — И не забудьте обновить свои дневники. Сегодня вы стали на шаг ближе к совершенству.

Ая выходила из зала последней, чувствовала, как внутри дрожит этот спрятанный груз памяти. Она справилась сама. Но цена этого спасения была страшной: теперь, чтобы помнить любовь, нужно было постоянно кормить свою ненависть.

Ночь не принесла облегчения: сны обрывались кошмарами, в которых чёрное озеро поглощало её, а голос Адриана звучал со дна бездонной воды — «Научись прятать правду там, где её никто не станет искать. В своей ненависти».

Утро следующего дня началось с монотонного гула магических камертонов, пронзившего сонную тишину жилого крыла. Ая заставила себя подняться, игнорируя тяжесть в груди и дрожь в пальцах. Одеваясь, мельком взглянула в зеркало и увидела бледное, напряжённое лицо — отражение той самой «разбитой куклы», о которой шептались за её спиной. Но где-то глубоко внутри тлел упрямый огонёк: она не позволит сломить себя.

Занятия тянулись бесконечно. После утренней медитации в Зале Созерцания Ая вместе с другими первокурсниками отправилась на краткий инструктаж в Малый Аудиториум. Магистр Кассиан, возвышаясь у кафедры, объявил:

— Сегодня вы сделаете шаг к пониманию собственной сути. Путь лежит в Зал Света. Будьте готовы. — Голос, холодный и чёткий, эхом отразился от мраморных стен.

Затем их повели не знакомым Ае маршрутом: сначала через галерею Древних Знаний. Галерея поразила её с первого шага. Пространство было вытянутым, с высоким сводчатым

потолком, украшенным барельефами, изображающими сцены из легенд о первых магах Люминара. Стены, выложенные из блоков тёмного мрамора с серебристыми прожилками, казались бесконечными. Вдоль них тянулись ниши, в каждой из которых находился древний артефакт, окутанный мерцающим магическим сиянием.

Ая шла, затаив дыхание, взгляд жадно впитывал каждую деталь. Кристаллические сферы, пульсирующие мягким голубым светом. Казалось, внутри бурлит миниатюрная вселенная, где рождаются и гаснут звёзды. Древние свитки, свисающие с золотых держателей. Их пергамент был испещрён рунами, которые переливались, будто живые. Старинные фолианты в кожаных переплётах, чьи корешки были украшены тиснением в виде магических символов. Некоторые книги слегка светились, другие оставались тёмными, словно хранили самые мрачные тайны. Магические зеркала, в которых отражались не стены галереи, а размытые образы далёких мест — горные вершины, подводные царства, древние руины.

Пол галереи был выложен мозаикой из драгоценных камней, образующей сложный узор, напоминающий карту неизвестных земель. Каждый шаг по этому полу сопровождался приглушённым звоном, будто сама земля отзывалась на присутствие учеников. Воздух здесь был густым, насыщенным смесью ароматов: сухой древесный запах древнего пергамента смешивался с металлическим привкусом магии и лёгким ароматом лаванды.

Время в галерее словно остановилось. Ая ощущала себя песчинкой в потоке тысячелетней истории, каждым нервом впитывая величие и таинственность этого места. Сердце билось в такт с пульсацией магических артефактов, а в голове крутились обрывки древних заклинаний, будто эхо забытых голосов.

Наконец, очнувшись от оцепенения, она двинулась дальше, вслед за остальными первокурсниками. Путь плавно поднимался вверх — лестницы с невысокими ступенями вели к верхним уровням Академии, постепенно сужая пространство вокруг. Коридоры становились уже, стены — выше, а воздух — более разрежённым.

Вскоре маршрут свернул в узкий проход из тёмного камня, уводя прочь от основных путей Академии. Ая заметила, что стены здесь были испещрены древними рунами, слабо светящимися голубоватым светом. Каждый шаг отдавался глухим эхом, будто сам камень хранил секреты прошедших веков.

Коридор вылился в винтовую лестницу. Спиральные ступени из чёрного обсидиана плавно поднимались вверх, следуя естественному изгибу башни. Лестница была настолько крутой, что приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не оступиться. Когда лестница закончилась, группа оказалась в Зале Света.

Это была самая высокая точка Академии, в башне, которая, казалось, пронзала облака. Стены были возведены из чистого горного хрусталя, отшлифованного до зеркального блеска. Солнце, преломляясь сквозь тысячи граней, превращало пространство в пылающий лабиринт, где каждый блик резал глаза, как острое лезвие. Здесь не было теней. В Люминаре считали, что истина не терпит укромных уголков.

Ая стояла в кругу других первокурсников, чувствуя, как пот катится по спине под тяжёлым шёлком платья. Воздух в зале был сухим и наэлектризованным, пахнувшим озоном и раскалённым металлом. В каждом звуке и движении вокруг ощущалось не просто испытание, а суд, где вердикт уже почти вынесен. Но память о встрече у чёрного озера, пронзительный взгляд Адриана и его слова, придавала ей жёсткую решимость.

Магистр Кассиан возвышался на пьедестале, его серебряная мантия сливалась с сиянием стен. В руках держал Сферу Первозданного Света — артефакт, который, по легенде, был осколком самого солнца.

— Сегодня вы пройдёте через Очищение, — голос, усиленный эхом хрусталя, вибрировал в грудной клетке Аи. — Испытание Первого Света выжжет из вашего разума всё наносное. Если вы отказались от ненужных воспоминаний, свет пройдет сквозь, не встретив преград. Но

если утаили хотя бы каплю «мусора» — старых привязанностей, имен из прошлого, ненужных чувств — свет зацепится за них. И тогда... — он сделал паузу, и в зале стало слышно, как бьются сердца тридцати испуганных студентов. — Ваша голова превратится в костер.

Ая невольно бросила взгляд в сторону. У массивной колонны, стоял Адриан Де Мор, который не участвовал в испытании, а был здесь как высший наблюдатель, как эталон, к которому они все должны стремиться. Лицо было неподвижным, застывшим, словно высеченным из холодного лунного камня. Ни один мускул не дрогнул на точеном лице, когда их взгляды встретились на долю секунды. В серых глазах не было ни поддержки, ни сочувствия — только ледяное, безэмоциональное созерцание. Он был похож на изваяние древнего бога, которому безразличны страдания смертных.

«*Прячь правду в своей ненависти*», — вчерашний шепот всплыл в сознании, как ядовитый цветок.

— Начнем, — скомандовал Кассиан.

Поднял Сферу, и из неё ударил сноп ослепительно белого пламени. Свет не обжигал кожу, а врывался прямо в зрачки, проникая в самые глубокие слои сознания. Ая зажмурилась, но это не помогло. Сияние было внутри черепа и начало рыскать. Оно было живым, это Первое Пламя, нащупало образ Луки. Ая почувствовала, как свет впивается в воспоминание о том, как брат смеялся, когда она щекотала ему пятки. Пламя начало обглаживать этот образ, превращая его в пепел.

«*Нем!*» — разум закричал от боли. Потерять это было всё равно что лишиться конечности.

Свет потянулся дальше — к лицу матери. Девушка видела, как сияние обволакивает тонкие черты лица, собираясь стереть их навсегда. В зале раздался истошный крик — кто-то из учеников не выдержал давления, его магия вспыхнула серым дымом, и он рухнул на пол, содрогаясь в конвульсиях.

Ая поняла: еще секунда, и она станет пустой оболочкой, либо мозг сгорит от сопротивления. И тогда вспомнила совет Адриана и не стала прятать образы за стеной, а бросила их в костер своего гнева. Вызвала в памяти не лицо Луки, а тот момент, когда страж толкнул ее в Арку на площади. Вспомнила брезгливое лицо дамы с веером. Вспомнила холодный, изучающий взгляд самого Адриана, который смотрел на её унижение как на научный опыт.

Начала раздувать это пламя. Ярость, черная и густая, начала подниматься из самых низов души. Обволокла воспоминания о семье этим гневом, пряча их внутри своей ненависти к Академии, к Кассиану, к этому ослепительному залу.

Свет Первого Пламени ударился об эту преграду. Для магического ока Кассиана, это выглядело не как сопротивление памяти, а как «темная пустота» — отсутствие всякого содержания. Свет соскальзывал с разума, не находя зацепок. Она превратилась в зеркало, отражающее ярость обратно в пространство.

Ая чувствовала, как метка на руке пульсирует, выпивая излишки магического давления. Было не больно — только едкая горечь трепетала внутри. Горько от того, что теперь любовь к брату и образ матери были закованы в броню из ненависти.

— Достаточно, — произнес Кассиан.

Сияние погасло так же резко, как и появилось. В зале воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Несколько учеников лежали на полу, их дневники дымились. Селеста стояла бледная, пальцы дрожали, а на лбу выступили капли пота. Она прошла испытание, но оно не было лёгким — взгляд стал еще более пустым, чем прежде.

Магистр Кассиан медленно спустился с пьедестала и подошел к Ае. Долго всматривался в её лицо. — Поразительно, — прошептал он, и в голосе послышался страх, смешанный с интересом. — Твой разум... как выжженная земля. Ни единого всплеска. Ни единой тени прошлого. Ты либо самая чистая из всех, кого я видел, либо... — он осекся.

Ая не ответила. Лицо было такой же маской, как у Адриана. Она победила и сохранила воспоминания, спрятав их в самой темной глубине сердца, куда свету Люминара не было хода.

Девушка подняла глаза на Адриана, который всё так же стоял у колонны. Лицо-изваяние не изменилось, но он едва заметно, почти неуловимо, сузил глаза. Де Мор видел, что она сделала, видел, как превратила свою боль в оружие. И на мгновение Ае показалось, что в ледяном спокойствии промелькнуло нечто пугающее — признание того, что он создал противника, равного себе.

— Урок окончен, — бросил Кассиан. — И не забудьте обновить свои дневники. Сегодня вы стали на шаг ближе к совершенству.

Ая выходила из зала последней, чувствовала, как внутри дрожит этот спрятанный груз памяти. Она справилась сама. Но цена этого спасения была страшной: теперь, чтобы помнить любовь, нужно было постоянно кормить свою ненависть.

Ночь не принесла облегчения: сны обрывались кошмарами, в которых чёрное озеро поглощало её, а голос Адриана звучал со дна бездонной воды — «Научись прятать правду там, где её никто не станет искать. В своей ненависти».

Утро следующего дня началось с монотонного гула магических камертонов, пронзившего сонную тишину жилого крыла. Ая заставила себя подняться, игнорируя тяжесть в груди и дрожь в пальцах. Одеваясь, мельком взглянула в зеркало и увидела бледное, напряжённое лицо — отражение той самой «разбитой куклы», о которой шептались за её спиной. Но где-то глубоко внутри тлел упрямый огонёк: она не позволит сломить себя.

Занятия тянулись бесконечно. После утренней медитации в Зале Созерцания Ая вместе с другими первокурсниками отправилась на краткий инструктаж в Малый Аудиториум. Магистр Кассиан, возвышаясь у кафедры, объявил:

— Сегодня вы сделаете шаг к пониманию собственной сути. Путь лежит в Зал Света. Будьте готовы. — Голос, холодный и чёткий, эхом отразился от мраморных стен.

Затем их повели не знакомым Ае маршрутом: сначала через галерею Древних Знаний. Галерея поразила её с первого шага. Пространство было вытянутым, с высоким сводчатым потолком, украшенным барельефами, изображающими сцены из легенд о первых магах Люминара. Стены, выложенные из блоков тёмного мрамора с серебристыми прожилками, казались бесконечными. Вдоль них тянулись ниши, в каждой из которых находился древний артефакт, окутанный мерцающим магическим сиянием.

Ая шла, затаив дыхание, взгляд жадно впитывал каждую деталь. Кристаллические сферы, пульсирующие мягким голубым светом. Казалось, внутри бурлит миниатюрная вселенная, где рождаются и гаснут звёзды. Древние свитки, свисающие с золотых держателей. Их пергамент был испещрён рунами, которые переливались, будто живые. Старинные фолианты в кожаных переплётках, чьи корешки были украшены тиснением в виде магических символов. Некоторые книги слегка светились, другие оставались тёмными, словно хранили самые мрачные тайны. Магические зеркала, в которых отражались не стены галереи, а размытые образы далёких мест — горные вершины, подводные царства, древние руины.

Пол галереи был выложен мозаикой из драгоценных камней, образующей сложный узор, напоминающий карту неизвестных земель. Каждый шаг по этому полу сопровождался приглушённым звоном, будто сама земля отзывалась на присутствие учеников. Воздух здесь был густым, насыщенным смесью ароматов: сухой древесный запах древнего пергамента смешивался с металлическим привкусом магии и лёгким ароматом лаванды.

Время в галерее словно остановилось. Ая ощущала себя песчинкой в потоке тысячелетней истории, каждым нервом впитывая величие и таинственность этого места. Сердце билось в такт с пульсацией магических артефактов, а в голове крутились обрывки древних заклинаний, будто эхо забытых голосов.

Наконец, очнувшись от оцепенения, она двинулась дальше, вслед за остальными первокурсниками. Путь плавно поднимался вверх — лестницы с невысокими ступенями вели к верхним уровням Академии, постепенно сужая пространство вокруг. Коридоры становились уже, стены — выше, а воздух — более разрежённым.

Вскоре маршрут свернул в узкий проход из тёмного камня, уводя прочь от основных путей Академии. Ая заметила, что стены здесь были испещрены древними рунами, слабо светящимися голубоватым светом. Каждый шаг отдавался глухим эхом, будто сам камень хранил секреты прошедших веков.

Коридор вылился в винтовую лестницу. Спиральные ступени из чёрного обсидиана плавно поднимались вверх, следуя естественному изгибу башни. Лестница была настолько крутой, что приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не оступиться. Когда лестница закончилась, группа оказалась в Зале Света.

Это была самая высокая точка Академии, в башне, которая, казалось, пронзала облака. Стены были возведены из чистого горного хрусталя, отшлифованного до зеркального блеска. Солнце, преломляясь сквозь тысячи граней, превращало пространство в пылающий лабиринт, где каждый блик резал глаза, как острое лезвие. Здесь не было теней. В Люминаре считали, что истина не терпит укромных уголков.

Ая стояла в кругу других первокурсников, чувствуя, как пот катится по спине под тяжёлым шёлком платья. Воздух в зале был сухим и наэлектризованным, пахнувшим озоном и раскалённым металлом. В каждом звуке и движении вокруг ощущалось не просто испытание, а суд, где вердикт уже почти вынесен. Но память о встрече у чёрного озера, пронзительный взгляд Адриана и его слова, придавала ей жёсткую решимость.

Магистр Кассиан возвышался на пьедестале, его серебряная мантия сливалась с сиянием стен. В руках держал Сферу Первозданного Света — артефакт, который, по легенде, был осколком самого солнца.

— Сегодня вы пройдёте через Очищение, — голос, усиленный эхом хрусталя, вибрировал в грудной клетке Аи. — Испытание Первого Света выжжет из вашего разума всё наносное. Если вы отказались от ненужных воспоминаний, свет пройдет сквозь, не встретив преград. Но если утаили хотя бы каплю «мусора» — старых привязанностей, имен из прошлого, ненужных чувств — свет зацепится за них. И тогда... — он сделал паузу, и в зале стало слышно, как бьются сердца тридцати испуганных студентов. — Ваша голова превратится в костер.

Ая невольно бросила взгляд в сторону. У массивной колонны, стоял Адриан Де Мор, который не участвовал в испытании, а был здесь как высший наблюдатель, как эталон, к которому они все должны стремиться. Лицо было неподвижным, застывшим, словно высеченным из холодного лунного камня. Ни один мускул не дрогнул на точеном лице, когда их взгляды встретились на долю секунды. В серых глазах не было ни поддержки, ни сочувствия — только ледяное, безэмоциональное созерцание. Он был похож на изваяние древнего бога, которому безразличны страдания смертных.

«Прячь правду в своей ненависти», — вчерашний шепот всплыл в сознании, как ядовитый цветок.

— Начнем, — скомандовал Кассиан.

Поднял Сферу, и из неё ударил сноп ослепительно белого пламени. Свет не обжигал кожу, а врывался прямо в зрачки, проникая в самые глубокие слои сознания. Ая зажмурилась, но это не помогло. Сияние было внутри черепа и начало рыскать. Оно было живым, это Первое Пламя, нащупало образ Луки. Ая почувствовала, как свет впивается в воспоминание о том, как брат смеялся, когда она щекотала ему пятки. Пламя начало обглаживать этот образ, превращая его в пепел.

«Нem!» — разум закричал от боли. Потерять это было всё равно что лишиться конечности.

Свет потянулся дальше — к лицу матери. Девушка видела, как сияние обволакивает тонкие черты лица, собираясь стереть их навсегда. В зале раздался истошный крик — кто-то из учеников не выдержал давления, его магия вспыхнула серым дымом, и он рухнул на пол, содрогаясь в конвульсиях.

Ая поняла: еще секунда, и она станет пустой оболочкой, либо мозг сгорит от сопротивления. И тогда вспомнила совет Адриана и не стала прятать образы за стеной, а бросила их в костер своего гнева. Вызвала в памяти не лицо Луки, а тот момент, когда страж толкнул ее в Арку на площади. Вспомнила брезгливое лицо дамы с веером. Вспомнила холодный, изучающий взгляд самого Адриана, который смотрел на её унижение как на научный опыт.

Начала раздувать это пламя. Ярость, черная и густая, начала подниматься из самых низов души. Обволокла воспоминания о семье этим гневом, пряча их внутри своей ненависти к Академии, к Кассиану, к этому ослепительному залу.

Свет Первого Пламени ударился об эту преграду. Для магического ока Кассиана, это выглядело не как сопротивление памяти, а как «темная пустота» — отсутствие всякого содержания. Свет соскальзывал с разума, не находя зацепок. Она превратилась в зеркало, отражающее ярость обратно в пространство.

Ая чувствовала, как метка на руке пульсирует, выпивая излишки магического давления. Было не больно — только едкая горечь трепетала внутри. Горько от того, что теперь любовь к брату и образ матери были закованы в броню из ненависти.

— Достаточно, — произнес Кассиан.

Сияние погасло так же резко, как и появилось. В зале воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Несколько учеников лежали на полу, их дневники дымились. Селеста стояла бледная, пальцы дрожали, а на лбу выступили капли пота. Она прошла испытание, но оно не было лёгким — взгляд стал еще более пустым, чем прежде.

Магистр Кассиан медленно спустился с пьедестала и подошел к Ае. Долго всматривался в её лицо. — Поразительно, — прошептал он, и в голосе послышался страх, смешанный с интересом. — Твой разум... как выжженная земля. Ни единого всплеска. Ни единой тени прошлого. Ты либо самая чистая из всех, кого я видел, либо... — он осекся.

Ая не ответила. Лицо было такой же маской, как у Адриана. Она победила и сохранила воспоминания, спрятав их в самой темной глубине сердца, куда свету Люминара не было хода.

Девушка подняла глаза на Адриана, который всё так же стоял у колонны. Лицо-изваяние не изменилось, но он едва заметно, почти неуловимо, сузил глаза. Де Мор видел, что она сделала, видел, как превратила свою боль в оружие. И на мгновение Ае показалось, что в ледяном спокойствии промелькнуло нечто пугающее — признание того, что он создал противника, равного себе.

— Урок окончен, — бросил Кассиан. — И не забудьте обновить свои дневники. Сегодня вы стали на шаг ближе к совершенству.

Ая выходила из зала последней, чувствовала, как внутри дрожит этот спрятанный груз памяти. Она справилась сама. Но цена этого спасения была страшной: теперь, чтобы помнить любовь, нужно было постоянно кормить свою ненависть.

ГЛАВА 5 — Тень расколотого круга

Ая вышла из пылающего лабиринта хрустальных стен, охваченная противоречивыми чувствами: с одной стороны — ликование, она сумела сохранить самые дорогие воспоминания вопреки всем ожиданиям Академии; с другой — горькое осознание цены этой победы. Теперь, чтобы помнить о родных, ей приходилось постоянно подпитывать в себе злость — словно подерживать огонь в очаге.

Следующие часы тянулись невыносимо медленно. Магистр Кассиан монотонно вещал о тонкостях магического резонанса, пергамент скрипел под пером однокурсников. Ая сидела в дальнем углу зала, разум будто завис между двумя мирами — между недавним испытанием и текущей реальностью, где монотонный голос наставника сливался с гулом невысказанных вопросов.

Она рассеянно водила пером по пергаменту, но буквы не складывались в строки. Мысли ускользали, как дым сквозь пальцы, унося прочь от монотонного голоса магистра Кассиана. Вокруг царила атмосфера упорядоченной энергии: магические светильники излучали мягкий, но яркий свет, переливаясь оттенками лазури и золота, а солнечные лучи, проникающие через высокие витражные окна, создавали на столах причудливые узоры из цветных бликов.

Взгляд сам собой скользил по фигурам, у окна сидел Адриан де Мор. Его поза была воплощением аристократического спокойствия: скрещённые ноги, ладонь, небрежно опирающаяся о подлокотник кресла. Но даже в этом спокойствии таилось что-то тревожное — будто под поверхностью хрустального озера бурлила тёмная бездна.

«Как же так вышло, — размышляла Ая, — что этот родовитый дворянин, словно сотканный из древних преданий, раз за разом оказывается рядом и оказывал поддержку?»

Она ни разу не видела, чтобы Адриан искренне общался с кем-то. Если он и оказывался в окружении знатных студентов, то лицо неизменно выражало скуку — взгляд блуждал по сторонам, будто чужие разговоры были не громче шороха.

Когда их глаза встречались, в серых глубинах глаз не читалось ни сочувствия, ни открытого интереса. Взгляд Адриана оставался холодным, словно поверхность замёрзшего озера — непроницаемый, отстранённый, лишённый даже намёка на тепло. Лишь тень чего-то неуловимого проскальзывала в этом безмолвном созерцании — будто он наблюдал за редким магическим феноменом, желая разгадать его природу. Ая пыталась сложить этот пазл, но кусочки не желали соединиться: то он бросал фразы, которые спасали в самые тёмные моменты; то стоял в стороне, словно её существование было незначительной деталью пейзажа.

Был ли этот загадочный юноша тайным союзником, играющим по неведомым правилам? Или просто наблюдал за ней из скуки, как кошка следит за мышью в пустой комнате? А может, преследовал какую-то собственную цель, о которой она не могла даже догадываться?

Вопросы кружились в голове, как листья в осеннем вихре. Но сейчас, сидя среди сияния магических огней и разноцветных бликов на столах, Ая понимала одно: в этом мире, где каждый жест мог быть ловушкой, а каждое слово — зашифрованным посланием, придётся идти вперёд, не доверяя никому — даже собственным догадкам о мотивах Адриана Де Мора.

Постепенно аудитория начала пустеть. Шелест переворачиваемых страниц, приглушённые голоса, скрежет отодвигаемых стульев — калейдоскоп будничных звуков Академии вытеснил размышления, возвращая Аю к реальности. Последние лучи дневного света угасали за витражами, уступая место мягкому сиянию магических светильников.

Академия расцветала сотнями огней: хрустальные люстры переливались всеми оттенками радуги, магические светильники танцевали у стен, отбрасывая причудливые тени.

В этом мерцающем лабиринте света девушка почувствовала, как метка на ладони не просто горела — она пела. Тонкий, едва уловимый звон в ушах, похожий на гудение растрево-

женного улья, звал за собой, через анфилады пустых коридоров. Академия в этот час напоминала спящего хищника: стены дышали едва уловимым теплом, а факелы в золотых держателях горели ровным, неподвижным пламенем.

Зов привел к винтовой лестнице в самом старом крыле, где камни поросли сизым лишайником, а воздух стал тяжелым и пыльным. На вершине находилась Обсерватория Стекланных Слез.

Ая толкнула тяжёлую дверь из мореного дуба. Внутри было прохладно. Огромный купол обсерватории был выложен не стеклом, а застывшими каплями магической росы. Сквозь них звезды казались огромными, размытыми пятнами света, похожими на глаза неведомых существ. Телескопы, покрытые патиной, застыли в нелепых позах, нацеленные в пустоту.

Среди застывших созвездий и преломленного стеклом света, стоял человек. Фигура незнакомца, проступившая из полумрака Обсерватории, отозвалась в сознании Аи странным чувством — так узнают соседа по улице или прохожего из далекого детства в Низине. В этом образе не было магического изящества, лишь приземленная основательность простого работника, чье присутствие вызывало необъяснимый отклик души.

Широкие плечи и крупные узловатые ладони выдавали человека, привыкшего к тяжелому физическому труду. Однако облик был лишен плотности: лицо казалось нарисованным дымом — черты то проступали отчетливо, являя сеть морщин у глаз и глубокие складки у рта, то размывались. Темные, тронутые густой проседью волосы, короткими прядями рассыпались в воздухе, словно хлопья пепла.

Мягкий, открытый взгляд глаз цвета живой ртути светился спокойным, почти отеческим теплом. Несмотря на полупрозрачность и подернутую дымкой одежду, в мужчине чувствовалась усталая мудрость жертвы, принявшей свою долю без злобы. На запястье, под призрачным рукавом, виднелась черная метка — выжженный круг, внутри которого вместо алого пламени пульсировала холодная пустота.

Голос прозвучал низко, с привычной хрипотцой, пробиваясь сквозь пелену забвения:

— Ты пришла, — негромко произнес незнакомец. Голос звучал низко, с легкой хрипотцой, будто он долго хранил молчание. — Я ждал тебя.

Она сделала шаг вперед, ведомая этим странным чувством узнавания. — Кто ты? — прошептала Ая, глядя на то, как серебряные глаза вспыхивают алыми искрами в ответ на свет её метки.

Он едва заметно улыбнулся — горько и в то же время облегченно. — Илай.

— Илай... — задумчиво повторила Ая. — Что с тобой случилось? Почему ты... такой?

— Я — один из «Сломанных», — силуэт плавно приблизился, и от него повеяло могильным холодом, смешанным с запахом дождя. — Арка высасывает плоть, превращая в тени и «шёпоты». Мы — изнанка этой Академии, чистим залы, готовим еду и подслушиваем их секреты, оставаясь невидимыми. Мы те, кто исчез для мира, но остался в его фундаменте.

Он протянул свою прозрачную руку, и Ая почувствовала, как волоски на коже встали дыбом от статического электричества.

— Алая метка, — призрак указал на её ладонь, — это знак резонанса. Пройдя через Арку и оставшись живой, ты больше не принадлежишь миру людей. Теперь ты одна из нас, но в теле из плоти, как — мост, между двумя мирами. Сломанные по всей Академии чувствуют этот ритм. Мы ждали тебя десятилетиями.

— Зачем? — Ая почувствовала, как страх мешается с надеждой.

— Чтобы открыть дверь с той стороны. Арка — не просто инструмент, это тюрьма для миллионов душ, чей свет питает этот город. Мы хотим вернуться, хотим, чтобы «мельница» остановилась.

Внезапно Илай замер, очертания стали еще более зыбкими, резко обернулся к выходу. — Идет тот, кто ходит в тених рядом с тобой. Берегись, — Илай начал рассыпаться серым

пеплом, который тут же подхватил сквозняк. — Его кровь древнее Академии. Род Де Моров веками следит за тем, чтобы Сломанные не поднимали головы. Он не твой союзник. И помни: память — это единственное оружие. Не дай им забрать её.

С этими словами Илай окончательно растворился, оставив после себя лишь легкий запах озона.

Дверь Обсерватории распахнулась с тяжелым стоном. На пороге стоял Адриан.

Выглядел как всегда безупречно — черный камзол, ни единой складки, лицо-изваяние, не выражающее ничего, кроме холодного высокомерия. Лунный свет, преломляясь сквозь капли росы в куполе, падал на него, создавая вокруг ореол из мертвого серебра.

Де Мор не вошел внутрь, а просто замер на пороге, глядя на кружащийся в воздухе пепел, который еще секунду назад был Илаем. Взгляд скользнул по Ае, задержавшись на пылающей ладони.

— Ты разговариваешь с пустотой, — голос был сухим и резким, как щелчок кнута. — Или пустота начала отвечать тебе?

Он сделал шаг вперед, и тени в углах обсерватории испуганно метнулись прочь, словно спасаясь от его света. Присутствие Адриана давило, заставляя Аю чувствовать себя крошечной и незащищенной.

— Здесь нет никого, кроме пыли и старых инструментов, — продолжал Де Мор, подходя ближе. От него веяло таким холодом, что пар от дыхания Аи стал видимым. — Не ищи здесь ответов. Обитающие среди этой пыли, — лишь эхо былых ошибок. Они завидуют твоему телу и жизни, потянут за собой вниз, если ты позволишь.

Адриан подошёл и остановился в шаге от девушки, глаза, серые и глубокие, изучали её лицо с такой пугающей внимательностью, что Ае захотелось закрыться руками.

— Иди к себе, — приказал он, и в голосе прозвучало нечто большее, чем просто высокомерие. Это было предупреждение. — Академия не прощает тех, кто тратит ночи на беседы с призраками.

Де Мор развернулся и ушел, не дожидаясь ответа. Шаги по каменной лестнице звучали как удары молота.

Ая осталась одна в полумраке, задумчиво посмотрела на свои руки. Метка всё ещё пульсировала, будто отсчитывая удары сердца. Встреча с Илаем оставила в душе противоречивый след — он казался одновременно опорой и призрачной иллюзией, зыбким маяком в тумане, который то манил, то растворялся в дымке сомнений.

Девушка пыталась упорядочить мысли, но образы смешивались. Всё вокруг будто состояло из полуправды и теней — даже воздух Академии хранил секреты, которые не спешили раскрываться.

Взгляд скользнул к окну, где сумрак сливался с багряными отблесками заката. В этой игре света и тени чудилось отражение её собственного состояния: границы между реальностью и призрачным миром размывались, заставляя сомневаться в каждом очертании, взгляде и намёке на союзничество или угрозу.

Ая глубоко вдохнула, пытаясь уловить хоть отголосок определённости в этом вихре неопределённости. Но мир вокруг молчал — лишь метка напоминала о себе мерным биением.

Девушка открыла тяжёлую дверь и шагнула в сгущающуюся тьму коридора. Каждый шаг отзывался эхом невысказанных «если» и «зачем», а впереди расстилалась дорога, сотканная из теней и проблесков надежды — зыбкая, как грани между явью и сном.

Ая вышла из пылающего лабиринта хрустальных стен, охваченная противоречивыми чувствами: с одной стороны — ликование, она сумела сохранить самые дорогие воспоминания вопреки всем ожиданиям Академии; с другой — горькое осознание цены этой победы. Теперь,

чтобы помнить о родных, ей приходилось постоянно подпитывать в себе злость — словно поддерживать огонь в очаге.

Следующие часы тянулись невыносимо медленно. Магистр Кассиан монотонно вещал о тонкостях магического резонанса, пергамент скрипел под пером однокурсников. Ая сидела в дальнем углу зала, разум будто завис между двумя мирами — между недавним испытанием и текущей реальностью, где монотонный голос наставника сливался с гулом невысказанных вопросов.

Она рассеянно водила пером по пергаменту, но буквы не складывались в строки. Мысли ускользали, как дым сквозь пальцы, унося прочь от монотонного голоса магистра Кассиана. Вокруг царил атмосфера упорядоченной энергии: магические светильники излучали мягкий, но яркий свет, переливаясь оттенками лазури и золота, а солнечные лучи, проникающие через высокие витражные окна, создавали на столах причудливые узоры из цветных бликов.

Взгляд сам собой скользил по фигурам, у окна сидел Адриан де Мор. Его поза была воплощением аристократического спокойствия: скрещённые ноги, ладонь, небрежно опирающаяся о подлокотник кресла. Но даже в этом спокойствии таилось что-то тревожное — будто под поверхностью хрустального озера бурлила тёмная бездна.

«Как же так вышло, — размышляла Ая, — что этот родовитый дворянин, словно сотканный из древних преданий, раз за разом оказывается рядом и оказывал поддержку?»

Она ни разу не видела, чтобы Адриан искренне общался с кем-то. Если он и оказывался в окружении знатных студентов, то лицо неизменно выражало скуку — взгляд блуждал по сторонам, будто чужие разговоры были не громче шороха.

Когда их глаза встречались, в серых глубинах глаз не читалось ни сочувствия, ни открытого интереса. Взгляд Адриана оставался холодным, словно поверхность замёрзшего озера — непроницаемый, отстранённый, лишённый даже намёка на тепло. Лишь тень чего-то неуловимого проскальзывала в этом безмолвном созерцании — будто он наблюдал за редким магическим феноменом, желая разгадать его природу. Ая пыталась сложить этот пазл, но кусочки не желали соединиться: то он бросал фразы, которые спасали в самые тёмные моменты; то стоял в стороне, словно её существование было незначительной деталью пейзажа.

Был ли этот загадочный юноша тайным союзником, играющим по неведомым правилам? Или просто наблюдал за ней из скуки, как кошка следит за мышью в пустой комнате? А может, преследовал какую-то собственную цель, о которой она не могла даже догадываться?

Вопросы кружились в голове, как листья в осеннем вихре. Но сейчас, сидя среди сияния магических огней и разноцветных бликов на столах, Ая понимала одно: в этом мире, где каждый жест мог быть ловушкой, а каждое слово — зашифрованным посланием, придётся идти вперёд, не доверяя никому — даже собственным догадкам о мотивах Адриана Де Мора.

Постепенно аудитория начала пустеть. Шелест переворачиваемых страниц, приглушённые голоса, скрежет отодвигаемых стульев — калейдоскоп будничных звуков Академии вытеснил размышления, возвращая Аю к реальности. Последние лучи дневного света угасали за витражами, уступая место мягкому сиянию магических светильников.

Академия расцветала сотнями огней: хрустальные люстры переливались всеми оттенками радуги, магические светильники танцевали у стен, отбрасывая причудливые тени.

В этом мерцающем лабиринте света девушка почувствовала, как метка на ладони не просто горела — она пела. Тонкий, едва уловимый звон в ушах, похожий на гудение растревоженного улья, звал за собой, через анфилады пустых коридоров. Академия в этот час напоминала спящего хищника: стены дышали едва уловимым теплом, а факелы в золотых держателях горели ровным, неподвижным пламенем.

Зов привел к винтовой лестнице в самом старом крыле, где камни поросли сизым лишайником, а воздух стал тяжелым и пыльным. На вершине находилась Обсерватория Стекланных Слез.

Ая толкнула тяжёлую дверь из мореного дуба. Внутри было прохладно. Огромный купол обсерватории был выложен не стеклом, а застывшими каплями магической росы. Сквозь них звезды казались огромными, размытыми пятнами света, похожими на глаза неведомых существ. Телескопы, покрытые патиной, застыли в нелепых позах, нацеленные в пустоту.

Среди застывших созвездий и преломленного стеклом света, стоял человек. Фигура незнакомца, проступившая из полумрака Обсерватории, отозвалась в сознании Аи странным чувством — так узнают соседа по улице или прохожего из далекого детства в Низине. В этом образе не было магического изящества, лишь приземленная основательность простого работника, чье присутствие вызывало необъяснимый отклик души.

Широкие плечи и крупные узловатые ладони выдавали человека, привыкшего к тяжелому физическому труду. Однако облик был лишен плотности: лицо казалось нарисованным дымом — черты то проступали отчетливо, являя сеть морщин у глаз и глубокие складки у рта, то размывались. Темные, тронутые густой проседью волосы, короткими прядями рассыпались в воздухе, словно хлопья пепла.

Мягкий, открытый взгляд глаз цвета живой ртути светился спокойным, почти отеческим теплом. Несмотря на полупрозрачность и подернутую дымкой одежду, в мужчине чувствовалась усталая мудрость жертвы, принявшей свою долю без злобы. На запястье, под призрачным рукавом, виднелась черная метка — выжженный круг, внутри которого вместо алого пламени пульсировала холодная пустота.

Голос прозвучал низко, с привычной хрипотцой, пробиваясь сквозь пелену забвения:

— Ты пришла, — негромко произнес незнакомец. Голос звучал низко, с легкой хрипотцой, будто он долго хранил молчание. — Я ждал тебя.

Она сделала шаг вперед, ведомая этим странным чувством узнавания. — Кто ты? — прошептала Ая, глядя на то, как серебряные глаза вспыхивают алыми искрами в ответ на свет её метки.

Он едва заметно улыбнулся — горько и в то же время облегченно. — Илай.

— Илай... — задумчиво повторила Ая. — Что с тобой случилось? Почему ты... такой?

— Я — один из «Сломанных», — силуэт плавно приблизился, и от него повеяло могильным холодом, смешанным с запахом дождя. — Арка высасывает плоть, превращая в тени и «шёпоты». Мы — изнанка этой Академии, чистим залы, готовим еду и подслушиваем их секреты, оставаясь невидимыми. Мы те, кто исчез для мира, но остался в его фундаменте.

Он протянул свою прозрачную руку, и Ая почувствовала, как волоски на коже встали дыбом от статического электричества.

— Алая метка, — призрак указал на её ладонь, — это знак резонанса. Пройдя через Арку и оставшись живой, ты больше не принадлежишь миру людей. Теперь ты одна из нас, но в теле из плоти, как — мост, между двумя мирами. Сломанные по всей Академии чувствуют этот ритм. Мы ждали тебя десятилетиями.

— Зачем? — Ая почувствовала, как страх мешается с надеждой.

— Чтобы открыть дверь с той стороны. Арка — не просто инструмент, это тюрьма для миллионов душ, чей свет питает этот город. Мы хотим вернуться, хотим, чтобы «мельница» остановилась.

Внезапно Илай замер, очертания стали еще более зыбкими, резко обернулся к выходу. — Идет тот, кто ходит в тенях рядом с тобой. Берегись, — Илай начал рассыпаться серым пеплом, который тут же подхватил сквозняк. — Его кровь древнее Академии. Род Де Морев веками следит за тем, чтобы Сломанные не поднимали головы. Он не твой союзник. И помни: память — это единственное оружие. Не дай им забрать её.

С этими словами Илай окончательно растворился, оставив после себя лишь легкий запах озона.

Дверь Обсерватории распахнулась с тяжелым стоном. На пороге стоял Адриан.

Выглядел как всегда безупречно — черный камзол, ни единой складки, лицо-изваяние, не выражающее ничего, кроме холодного высокомерия. Лунный свет, преломляясь сквозь капли росы в куполе, падал на него, создавая вокруг ореол из мертвого серебра.

Де Мор не вошел внутрь, а просто замер на пороге, глядя на кружащийся в воздухе пепел, который еще секунду назад был Илаем. Взгляд скользнул по Ае, задержавшись на пылающей ладони.

— Ты разговариваешь с пустотой, — голос был сухим и резким, как щелчок кнута. — Или пустота начала отвечать тебе?

Он сделал шаг вперед, и тени в углах обсерватории испуганно метнулись прочь, словно спасаясь от его света. Присутствие Адриана давило, заставляя Аю чувствовать себя крошечной и незащищенной.

— Здесь нет никого, кроме пыли и старых инструментов, — продолжал Де Мор, подходя ближе. От него веяло таким холодом, что пар от дыхания Аи стал видимым. — Не ищи здесь ответов. Обитающие среди этой пыли, — лишь эхо былых ошибок. Они завидуют твоему телу и жизни, потянут за собой вниз, если ты позволишь.

Адриан подошёл и остановился в шаге от девушки, глаза, серые и глубокие, изучали её лицо с такой пугающей внимательностью, что Ае захотелось закрыться руками.

— Иди к себе, — приказал он, и в голосе прозвучало нечто большее, чем просто высокомерие. Это было предупреждение. — Академия не прощает тех, кто тратит ночи на беседы с призраками.

Де Мор развернулся и ушел, не дожидаясь ответа. Шаги по каменной лестнице звучали как удары молота.

Ая осталась одна в полумраке, задумчиво посмотрела на свои руки. Метка всё ещё пульсировала, будто отсчитывая удары сердца. Встреча с Илаем оставила в душе противоречивый след — он казался одновременно опорой и призрачной иллюзией, зыбким маяком в тумане, который то манил, то растворялся в дымке сомнений.

Девушка пыталась упорядочить мысли, но образы смешивались. Всё вокруг будто состояло из полуправды и теней — даже воздух Академии хранил секреты, которые не спешили раскрываться.

Взгляд скользнул к окну, где сумрак сливался с багряными отблесками заката. В этой игре света и тени чудилось отражение её собственного состояния: границы между реальностью и призрачным миром размывались, заставляя сомневаться в каждом очертании, взгляде и намёке на союзничество или угрозу.

Ая глубоко вдохнула, пытаясь уловить хоть отголосок определённости в этом вихре неопределённости. Но мир вокруг молчал — лишь метка напоминала о себе мерным биением.

Девушка открыла тяжёлую дверь и шагнула в сгущающуюся тьму коридора. Каждый шаг отзывался эхом невысказанных «если» и «зачем», а впереди расстилалась дорога, сотканная из теней и проблесков надежды — зыбкая, как грани между явью и сном.

Ая вышла из пылающего лабиринта хрустальных стен, охваченная противоречивыми чувствами: с одной стороны — ликование, она сумела сохранить самые дорогие воспоминания вопреки всем ожиданиям Академии; с другой — горькое осознание цены этой победы. Теперь, чтобы помнить о родных, ей приходилось постоянно подпитывать в себе злость — словно поддерживать огонь в очаге.

Следующие часы тянулись невыносимо медленно. Магистр Кассиан монотонно вещал о тонкостях магического резонанса, пергамент скрипел под пером однокурсников. Ая сидела в дальнем углу зала, разум будто завис между двумя мирами — между недавним испытанием и текущей реальностью, где монотонный голос наставника сливался с гулом невысказанных вопросов.

Она рассеянно водила пером по пергаменту, но буквы не складывались в строки. Мысли ускользали, как дым сквозь пальцы, унося прочь от монотонного голоса магистра Кассиана. Вокруг царила атмосфера упорядоченной энергии: магические светильники излучали мягкий, но яркий свет, переливаясь оттенками лазури и золота, а солнечные лучи, проникающие через высокие витражные окна, создавали на столах причудливые узоры из цветных бликов.

Взгляд сам собой скользил по фигурам, у окна сидел Адриан де Мор. Его поза была воплощением аристократического спокойствия: скрещённые ноги, ладонь, небрежно опирающаяся о подлокотник кресла. Но даже в этом спокойствии таилось что-то тревожное — будто под поверхностью хрустального озера бурлила тёмная бездна.

«Как же так вышло, — размышляла Ая, — что этот родовитый дворянин, словно сотканный из древних преданий, раз за разом оказывается рядом и оказывал поддержку?»

Она ни разу не видела, чтобы Адриан искренне общался с кем-то. Если он и оказывался в окружении знатных студентов, то лицо неизменно выражало скуку — взгляд блуждал по сторонам, будто чужие разговоры были не громче шороха.

Когда их глаза встречались, в серых глубинах глаз не читалось ни сочувствия, ни открытого интереса. Взгляд Адриана оставался холодным, словно поверхность замёрзшего озера — непроницаемый, отстранённый, лишённый даже намёка на тепло. Лишь тень чего-то неуловимого проскальзывала в этом безмолвном созерцании — будто он наблюдал за редким магическим феноменом, желая разгадать его природу. Ая пыталась сложить этот пазл, но кусочки не желали соединиться: то он бросал фразы, которые спасали в самые тёмные моменты; то стоял в стороне, словно её существование было незначительной деталью пейзажа.

Был ли этот загадочный юноша тайным союзником, играющим по неведомым правилам? Или просто наблюдал за ней из скуки, как кошка следит за мышью в пустой комнате? А может, преследовал какую-то собственную цель, о которой она не могла даже догадываться?

Вопросы кружились в голове, как листья в осеннем вихре. Но сейчас, сидя среди сияния магических огней и разноцветных бликов на столах, Ая понимала одно: в этом мире, где каждый жест мог быть ловушкой, а каждое слово — зашифрованным посланием, придётся идти вперёд, не доверяя никому — даже собственным догадкам о мотивах Адриана Де Мора.

Постепенно аудитория начала пустеть. Шелест переворачиваемых страниц, приглушённые голоса, скрежет отодвигаемых стульев — калейдоскоп будничных звуков Академии вытеснил размышления, возвращая Аю к реальности. Последние лучи дневного света угасали за витражами, уступая место мягкому сиянию магических светильников.

Академия расцветала сотнями огней: хрустальные люстры переливались всеми оттенками радуги, магические светильники танцевали у стен, отбрасывая причудливые тени.

В этом мерцающем лабиринте света девушка почувствовала, как метка на ладони не просто горела — она пела. Тонкий, едва уловимый звон в ушах, похожий на гудение растревоженного улья, звал за собой, через анфилады пустых коридоров. Академия в этот час напоминала спящего хищника: стены дышали едва уловимым теплом, а факелы в золотых держателях горели ровным, неподвижным пламенем.

Зов привел к винтовой лестнице в самом старом крыле, где камни поросли сизым лишайником, а воздух стал тяжелым и пыльным. На вершине находилась Обсерватория Стекланных Слез.

Ая толкнула тяжёлую дверь из мореного дуба. Внутри было прохладно. Огромный купол обсерватории был выложен не стеклом, а застывшими каплями магической росы. Сквозь них звезды казались огромными, размытыми пятнами света, похожими на глаза неведомых существ. Телескопы, покрытые патиной, застыли в нелепых позах, нацеленные в пустоту.

Среди застывших созвездий и преломленного стеклом света, стоял человек. Фигура незнакомца, проступившая из полумрака Обсерватории, отозвалась в сознании Аи странным чувством — так узнают соседа по улице или прохожего из далекого детства в Низине. В этом

образе не было магического изящества, лишь приземленная основательность простого работника, чье присутствие вызывало необъяснимый отклик души.

Широкие плечи и крупные узловатые ладони выдавали человека, привыкшего к тяжелому физическому труду. Однако облик был лишен плотности: лицо казалось нарисованным дымом — черты то проступали отчетливо, являя сеть морщин у глаз и глубокие складки у рта, то размывались. Темные, тронутые густой проседью волосы, короткими прядями рассыпались в воздухе, словно хлопья пепла.

Мягкий, открытый взгляд глаз цвета живой ртути светился спокойным, почти отеческим теплом. Несмотря на полупрозрачность и подернутую дымкой одежду, в мужчине чувствовалась усталая мудрость жертвы, принявшей свою долю без злобы. На запястье, под прозрачным рукавом, виднелась черная метка — выжженный круг, внутри которого вместо алого пламени пульсировала холодная пустота.

Голос прозвучал низко, с привычной хрипотцой, пробиваясь сквозь пелену забвения:

— Ты пришла, — негромко произнес незнакомец. Голос звучал низко, с легкой хрипотцой, будто он долго хранил молчание. — Я ждал тебя.

Она сделала шаг вперед, ведомая этим странным чувством узнавания. — Кто ты? — прошептала Ая, глядя на то, как серебряные глаза вспыхивают алыми искрами в ответ на свет её метки.

Он едва заметно улыбнулся — горько и в то же время облегченно. — Илай.

— Илай... — задумчиво повторила Ая. — Что с тобой случилось? Почему ты... такой?

— Я — один из «Сломанных», — силуэт плавно приблизился, и от него повеяло могильным холодом, смешанным с запахом дождя. — Арка высасывает плоть, превращая в тени и «шёпоты». Мы — изнанка этой Академии, чистим залы, готовим еду и подслушиваем их секреты, оставаясь невидимыми. Мы те, кто исчез для мира, но остался в его фундаменте.

Он протянул свою прозрачную руку, и Ая почувствовала, как волоски на коже встали дыбом от статического электричества.

— Алая метка, — призрак указал на её ладонь, — это знак резонанса. Пройдя через Арку и оставшись живой, ты больше не принадлежишь миру людей. Теперь ты одна из нас, но в теле из плоти, как — мост, между двумя мирами. Сломанные по всей Академии чувствуют этот ритм. Мы ждали тебя десятилетиями.

— Зачем? — Ая почувствовала, как страх мешается с надеждой.

— Чтобы открыть дверь с той стороны. Арка — не просто инструмент, это тюрьма для миллионов душ, чей свет питает этот город. Мы хотим вернуться, хотим, чтобы «мельница» остановилась.

Внезапно Илай замер, очертания стали еще более зыбкими, резко обернулся к выходу. — Идет тот, кто ходит в тени рядом с тобой. Берегись, — Илай начал рассыпаться серым пеплом, который тут же подхватил сквозняк. — Его кровь древнее Академии. Род Де Моров веками следит за тем, чтобы Сломанные не поднимали головы. Он не твой союзник. И помни: память — это единственное оружие. Не дай им забрать её.

С этими словами Илай окончательно растворился, оставив после себя лишь легкий запах озона.

Дверь Обсерватории распахнулась с тяжелым стоном. На пороге стоял Адриан.

Выглядел как всегда безупречно — черный камзол, ни единой складки, лицо-изваяние, не выражающее ничего, кроме холодного высокомерия. Лунный свет, преломляясь сквозь капли росы в куполе, падал на него, создавая вокруг ореол из мертвого серебра.

Де Мор не вошел внутрь, а просто замер на пороге, глядя на кружащийся в воздухе пепел, который еще секунду назад был Илаем. Взгляд скользнул по Ае, задержавшись на пылающей ладони.

— Ты разговариваешь с пустотой, — голос был сухим и резким, как щелчок кнута. — Или пустота начала отвечать тебе?

Он сделал шаг вперед, и тени в углах обсерватории испуганно метнулись прочь, словно спасаясь от его света. Присутствие Адриана давило, заставляя Аю чувствовать себя крошечной и незащищенной.

— Здесь нет никого, кроме пыли и старых инструментов, — продолжал Де Мор, подходя ближе. От него веяло таким холодом, что пар от дыхания Аи стал видимым. — Не ищи здесь ответов. Обитающие среди этой пыли, — лишь эхо былых ошибок. Они завидуют твоему телу и жизни, потянут за собой вниз, если ты позволишь.

Адриан подошёл и остановился в шаге от девушки, глаза, серые и глубокие, изучали её лицо с такой пугающей внимательностью, что Ае захотелось закрыться руками.

— Иди к себе, — приказал он, и в голосе прозвучало нечто большее, чем просто высокомерие. Это было предупреждение. — Академия не прощает тех, кто тратит ночи на беседы с призраками.

Де Мор развернулся и ушел, не дожидаясь ответа. Шаги по каменной лестнице звучали как удары молота.

Ая осталась одна в полумраке, задумчиво посмотрела на свои руки. Метка всё ещё пульсировала, будто отсчитывая удары сердца. Встреча с Илаем оставила в душе противоречивый след — он казался одновременно опорой и призрачной иллюзией, зыбким маяком в тумане, который то манил, то растворялся в дымке сомнений.

Девушка пыталась упорядочить мысли, но образы смешивались. Всё вокруг будто состояло из полуправды и теней — даже воздух Академии хранил секреты, которые не спешили раскрываться.

Взгляд скользнул к окну, где сумрак сливался с багряными отблесками заката. В этой игре света и тени чудилось отражение её собственного состояния: границы между реальностью и призрачным миром размывались, заставляя сомневаться в каждом очертании, взгляде и намёке на союзничество или угрозу.

Ая глубоко вдохнула, пытаясь уловить хоть отголосок определённости в этом вихре неопределённости. Но мир вокруг молчал — лишь метка напоминала о себе мерным биением.

Девушка открыла тяжёлую дверь и шагнула в сгущающуюся тьму коридора. Каждый шаг отзывался эхом невысказанных «если» и «зачем», а впереди расстилалась дорога, сотканная из теней и проблесков надежды — зыбкая, как грани между явью и сном.

Глава 6 - Тень в серебре

Ая проснулась, когда первые лучи рассвета прокрались сквозь витражи кельи, окрашивая каменные стены в причудливые оттенки розового и лилового. Потянувшись, ещё не до конца вынырнув из сна, в котором тени шептали загадочные слова, а эхо шагов вело по бесконечным коридорам. Она села на кровати и тут же заметила на столике у изголовья серебряную брошь в форме листа. Руны на металле пульсировали, словно живые, и Ая невольно сжала артефакт в ладони — поверхность оказалась тёплой, будто брошь ждала именно этого прикосновения.

Мысли кружились вихрем: откуда взялся этот предмет? Что он значил? Вопросы роились в голове, как беспокойные пчёлы в потревоженном улье.

После утреннего туалета, Ая спрятала брошь в потайном кармане платья и отправилась на занятия, чувствуя, как артефакт будто пульсирует в такт её неровному дыханию.

Лекции тянулись бесконечно. Магистр Морган, чей голос звучал, как звон хрустальных колокольчиков, вещал о тонкостях взаимодействия стихий. Но слова наставника сливались в монотонный гул. Ая никак не могла сосредоточиться на занятии, разум то и дело возвращался к броши, миллион вопросов и предположений, кружились в голове.

После встречи с Илаем, реальность будто размывалась по краям, а его слова звучали как обрывки древних заклинаний. Девушка пыталась собрать воедино все фрагменты, но мозаика не складывалась. Она чувствовала себя путником в зачарованном лесу, где каждый шаг ведёт к новым загадкам, а тропы меняются, как только решаешь, куда идти дальше.

Пальцы непроизвольно сжимались в кулаки — то ли от волнения, то ли от бессилия перед лицом всех этих тайн. Почему Адриан, этот холёный дворянин с высокомерным взглядом и скучающим выражением лица, порой помогал ей? Между ними лежала пропасть: простая девушка из Низины, и воплощение аристократического совершенства. И всё же в его действиях Ая улавливала что-то необъяснимое, будто он играл в игру, правила которой оставались ей неведомы.

Магистр Морган объявил, что занятие закончено, девушка вернулась к реальности.

Путь к практическому занятию лежал через сад хрустальных фонтанов. Вода в них переливалась всеми оттенками радуги, а струи сплетались в причудливые фигуры — то лики древних магов, то мифические звери, рождённые из алмазной пыли. Отражаясь в зеркальной глади, небо смешивалось с землёй, стирая границы между мирами.

От сада нужно было свернуть в левое крыло Академии — там, за резной аркой, украшенной рунами перехода, ждал Зал Вечного Дыхания.

Когда Ая вошла в зал, её охватило ощущение благоговейного трепета. Своды, выложенные из полупрозрачного кварца, переливались, словно облака на закате — от нежно-розового до глубокого аметистового. Пол из чёрного обсидиана отражал мерцание магических огней, создавая иллюзию бездонного озера, по которому плыли тени древних ритуалов.

В центре возвышался алтарь из лунного камня, окружённый двенадцатью колоннами. Каждая колонна пульсировала энергией своего элемента, излучая мягкое свечение. Между колоннами витали золотистые нити магической энергии, сплетаясь в узоры забытых заклинаний. Воздух дрожал от напряжения, будто сам зал затаил дыхание ожидая чуда.

Магистр Кассиан стоял у алтаря, его серебряная мантия мерцала в такт с дыханием магии.

— Сегодня вы научитесь чувствовать первородную стихию, — произнёс он, и голос разнёсся по залу, как шёпот древних рун. — Ваша задача — стать проводником для чистой силы, дать ей форму и смысл. Помните: ключ к успеху — в абсолютной ясности сознания. Над Алтарем вспыхнул вихрь серебряного света.

Селеста ван Торн закрыла глаза, пальцы плавно двигались, будто дирижируя невидимым оркестром. Когда она открыла глаза, перед ней парил идеальный феникс — перья переливались, как закатное небо, а взгляд пылающих глаз казался живым. Магистр Кассиан одобрительно кивнул:

— Прекрасно, леди Селеста. Ваша гармония с первородной стихией вызывает восхищение.

Другие студенты тоже демонстрировали впечатляющие результаты. Элеонора Де Клер создала белоснежного лебедя, чьи крылья мерцали, как звёздная пыль. Алистер Талбот воплотил могучего грифона — его рык эхом разнёсся по залу, а когти сверкали, будто выкованные из молний.

Ая закрыла глаза, сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и растворилась в потоке первородной силы. Все тревоги, все вопросы этого дня отступили, будто смытые волной. Осталась только чистота момента, биение магического пульса, которое она чувствовала каждой клеточкой своего существа.

Сознание стало зеркалом, отражающим суть стихий. И тогда, из самой глубины этого зеркала, начал проявляться образ — чёрный волк, воплощение её внутренней силы. Глаза горели алым огнём, а шерсть переливалась оттенками ночного неба. Он сделал шаг вперёд, будто изучая её, а затем замер, утвердившись в реальности.

Кассиан внимательно посмотрел на Аю. В его взгляде читалось не просто одобрение, а нечто большее — будто он видел в её успехе отблеск грядущих испытаний.

После занятия Ая направилась в библиотеку — место, где грани между прошлым и настоящим стирались, время текло по своим законам. Пространство дышало величием и тайной. Высокие своды терялись в лазурном сиянии, а хрустальные люстры излучали мягкий свет, который окутывал пространство, как тёплое одеяло. Стены украшали светящиеся кристаллы в великолепных оправках из лунного серебра, пульсирующие, словно живые сердца. Резные стеллажи из красного дерева, высившиеся до самого потолка, казались бесконечными.

Каждая книга была настоящим произведением искусства: переплёты из кожи редких животных, украшенные тиснением в виде магических символов. Обложки, инкрустированные полудрагоценными камнями, которые пульсировали мягким светом. Закладки из шёлковых лент, сотканых из нитей лунного света. Корешки, выгравированные древними рунами, которые мерцали, адаптируясь к магическому фону приближающегося читателя.

Ая шла вдоль рядов, её пальцы скользили по корешкам, ощущая пульсацию магических полей. Каждая книга шептала свою историю, и девушке казалось, что она слышит эхо древних эпох. Но вдруг брошь в руке кольнула кожу — будто сигнал, призыв, напоминание.

Она остановилась, внимательно разглядывая книги. Взгляд упал на фолиант, который резко контрастировал с окружающим великолепием: обложка из потемневшего дерева, покрытая трещинами; буквы, выгравированные на корешке, казались выжженными, от книги исходило ощущение древнего холода, будто она хранила секреты, забытые даже временем.

Ая вытащила фолиант и открыла его. Страницы были испещрены рунами, которые пульсировали, адаптируясь к её магическому фону. Нашла раздел, посвящённый артефактам с «живыми» рунами. Согласно тексту, для расшифровки посланий таких предметов требовался магический кристалл — резонатор, способный усилить связь между артефактом и читающим.

Ая вернулась к светящимся кристаллам на стенах. И начала подносить брошь к каждому из них, ощущая слабый отклик. И вдруг один кристалл — прозрачный, как горный хрусталь, с вкраплениями алого — вспыхнул ярче, окутав брошь ореолом малинового света. Руны на артефакте замерцали, складываясь в чёткие фразы на древнем языке стихий: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени. Но помни: каждое прочтение — это жертва. Отдай часть себя, чтобы узнать больше».

Слова отозвались холодом в груди. Ая осознала: брошь не просто раскрывала тайны, а требовала платы. Но что именно она должна была отдать?

Девушка направилась в читальную комнату — оазис спокойствия в сердце магического лабиринта. Стены украшали бесценные полотна в изящных резных рамах из красного дерева. Картины, созданные самыми искусными художниками, чье мастерство было больше похоже на волшебство: пейзажи, в которых реки текли вспять, а деревья шептали на забытых языках, портреты магов, чьи глаза казалось следили за каждым твоим движением, сцены древних ритуалов, где реальность переплеталась с фантазией.

Мебель была воплощением роскоши: мягкие кресла с обивкой из бархата цвета ночного неба, украшенные вышивкой в виде созвездий, столики из тёмного дуба, инкрустированные лунными камнями и магическими символами, полки из резного чёрного дерева, хрустальные витрины с древними свитками, мерцающими всеми оттенками фиолетового, будто хранящими в себе ступки магической энергии.

Ая устроилась в кресле у камина, в котором пылал магический огонь, не дающий дыма, но излучающий тепло, проникающее до самых костей. Перечитывая послание на броши, пыталась разгадать его смысл. Что значили «эхо забытых ветров»? Была ли это метафора, или указание на конкретный артефакт, ритуал, место? И что подразумевалась под «жертвой»? Физическая боль? Отречение от части себя? Потеря памяти?

Мысли кружились, как снежинки в вихре зимнего ветра. Она закрыла глаза, представляя, как эхо забытых ветров шепчет ответы, но слова ускользали, растворяясь в тумане.

Когда Девушка уже собралась уходить, в дверях читальной комнаты появился Адриан. Тёмный камзол мерцал в свете магического пламени, а серые глаза, как всегда, хранили непроницаемую глубину.

— Заблудились в лабиринте знаний? — голос прозвучал сухо, но в нём проскользнула нотка, которую Ая не могла определить — то ли насмешка, то ли искренний интерес.

— Пытаюсь понять, что говорит мне этот мир, — ответила девушка, сжимая фолиант в руках.

Адриан медленно приблизился.

— Некоторые книги пишут сами себя, — произнёс он. — А некоторые читатели становятся частью текста. Ищи то, что не имеет формы, но оставляет след в вечности.

Слова повисли в воздухе, как намёк на нечто большее. Ая хотела задать вопрос, но он уже развернулся, его плащ прошелестел по полу, унося с собой шлейф загадки.

Ая осталась в тишине читальной комнаты, сжимая в руке брошь, которая пульсировала в такт с биением сердца. Лабиринт тайн становился всё запутаннее, но она знала: каждый шаг приближает к разгадке — или к новой пропасти.

Мысли кружились вихрем: откуда взялся этот предмет? Что он значил? Вопросы роились в голове, как беспокойные пчёлы в потревоженном улье.

После утреннего туалета, Ая спрятала брошь в потайном кармане платья и отправилась на занятия, чувствуя, как артефакт будто пульсирует в такт её неровному дыханию.

Лекции тянулись бесконечно. Магистр Морган, чей голос звучал, как звон хрустальных колокольчиков, вещал о тонкостях взаимодействия стихий. Но слова наставника сливались в монотонный гул. Ая никак не могла сосредоточиться на занятии, разум то и дело возвращался к броши, миллион вопросов и предположений, кружились в голове.

После встречи с Илаем, реальность будто размывалась по краям, а его слова звучали как обрывки древних заклинаний. Девушка пыталась собрать воедино все фрагменты, но мозаика не складывалась. Она чувствовала себя путником в зачарованном лесу, где каждый шаг ведёт к новым загадкам, а тропы меняются, как только решаешь, куда идти дальше.

Пальцы непроизвольно сжимались в кулаки — то ли от волнения, то ли от бессилия перед лицом всех этих тайн. Почему Адриан, этот холёный дворянин с высокомерным взгля-

дом и скучающим выражением лица, порой помогал ей? Между ними лежала пропасть: простая девушка из Низины, и воплощение аристократического совершенства. И всё же в его действиях Ая улавливала что-то необъяснимое, будто он играл в игру, правила которой оставались ей неведомы.

Магистр Морган объявил, что занятие закончено, девушка вернётся к реальности.

Путь к практическому занятию лежал через сад хрустальных фонтанов. Вода в них переливалась всеми оттенками радуги, а струи сплетались в причудливые фигуры — то лики древних магов, то мифические звери, рождённые из алмазной пыли. Отражаясь в зеркальной глади, небо смешивалось с землёй, стирая границы между мирами.

От сада нужно было свернуть в левое крыло Академии — там, за резной аркой, украшенной рунами перехода, ждал Зал Вечного Дыхания.

Когда Ая вошла в зал, её охватило ощущение благоговейного трепета. Своды, выложенные из полупрозрачного кварца, переливались, словно облака на закате — от нежно-розового до глубокого аметистового. Пол из чёрного обсидиана отражал мерцание магических огней, создавая иллюзию бездонного озера, по которому плыли тени древних ритуалов.

В центре возвышался алтарь из лунного камня, окружённый двенадцатью колоннами. Каждая колонна пульсировала энергией своего элемента, излучая мягкое свечение. Между колоннами витали золотистые нити магической энергии, сплетаясь в узоры забытых заклинаний. Воздух дрожал от напряжения, будто сам зал затаил дыхание ожидая чуда.

Магистр Кассиан стоял у алтаря, его серебряная мантия мерцала в такт с дыханием магии.

— Сегодня вы научитесь чувствовать первородную стихию, — произнёс он, и голос разнёсся по залу, как шёпот древних рун. — Ваша задача — стать проводником для чистой силы, дать ей форму и смысл. Помните: ключ к успеху — в абсолютной ясности сознания. Над Алтарем вспыхнул вихрь серебристого света.

Селеста ван Торн закрыла глаза, пальцы плавно двигались, будто дирижируя невидимым оркестром. Когда она открыла глаза, перед ней парил идеальный феникс — перья переливались, как закатное небо, а взгляд пылающих глаз казался живым. Магистр Кассиан одобрительно кивнул:

— Прекрасно, леди Селеста. Ваша гармония с первородной стихией вызывает восхищение.

Другие студенты тоже демонстрировали впечатляющие результаты. Элеонора Де Клер создала белоснежного лебедя, чьи крылья мерцали, как звёздная пыль. Алистер Талбот воплотил могучего грифона — его рык эхом разнёсся по залу, а когти сверкали, будто выкованные из молний.

Ая закрыла глаза, сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и растворилась в потоке первородной силы. Все тревоги, все вопросы этого дня отступили, будто смытые волной. Осталась только чистота момента, биение магического пульса, которое она чувствовала каждой клеточкой своего существа.

Сознание стало зеркалом, отражающим суть стихий. И тогда, из самой глубины этого зеркала, начал проявляться образ — чёрный волк, воплощение её внутренней силы. Глаза горели алым огнём, а шерсть переливалась оттенками ночного неба. Он сделал шаг вперёд, будто изучая её, а затем замер, утвердившись в реальности.

Кассиан внимательно посмотрел на Аю. В его взгляде читалось не просто одобрение, а нечто большее — будто он видел в её успехе отблеск грядущих испытаний.

После занятия Ая направилась в библиотеку — место, где грани между прошлым и настоящим стирались, время текло по своим законам. Пространство дышало величием и тайной. Высокие своды терялись в лазурном сиянии, а хрустальные люстры излучали мягкий свет, который окутывал пространство, как тёплое одеяло. Стены украшали светящиеся кристаллы в

великолепных оправках из лунного серебра, пульсирующие, словно живые сердца. Резные стеллажи из красного дерева, высившиеся до самого потолка, казались бесконечными.

Каждая книга была настоящим произведением искусства: переплёты из кожи редких животных, украшенные тиснением в виде магических символов. Обложки, инкрустированные полудрагоценными камнями, которые пульсировали мягким светом. Закладки из шёлковых лент, сотканных из нитей лунного света. Корешки, выгравированные древними рунами, которые мерцали, адаптируясь к магическому фону приближающегося читателя.

Ая шла вдоль рядов, её пальцы скользили по корешкам, ощущая пульсацию магических полей. Каждая книга шептала свою историю, и девушке казалось, что она слышит эхо древних эпох. Но вдруг брошь в руке кольнула кожу — будто сигнал, призыв, напоминание.

Она остановилась, внимательно разглядывая книги. Взгляд упал на фолиант, который резко контрастировал с окружающим великолепием: обложка из потемневшего дерева, покрытая трещинами; буквы, выгравированные на корешке, казались выжженными, от книги исходило ощущение древнего холода, будто она хранила секреты, забытые даже временем.

Ая вытащила фолиант и открыла его. Страницы были испещрены рунами, которые пульсировали, адаптируясь к её магическому фону. Нашла раздел, посвящённый артефактам с «живыми» рунами. Согласно тексту, для расшифровки посланий таких предметов требовался магический кристалл — резонатор, способный усилить связь между артефактом и читающим.

Ая вернулась к светящимся кристаллам на стенах. И начала подносить брошь к каждому из них, ощущая слабый отклик. И вдруг один кристалл — прозрачный, как горный хрусталь, с вкраплениями алого — вспыхнул ярче, окутав брошь ореолом малинового света. Руны на артефакте замерцали, складываясь в чёткие фразы на древнем языке стихий: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени. Но помни: каждое прочтение — это жертва. Отдай часть себя, чтобы узнать больше».

Слова отозвались холодом в груди. Ая осознала: брошь не просто раскрывала тайны, а требовала платы. Но что именно она должна была отдать?

Девушка направилась в читальную комнату — оазис спокойствия в сердце магического лабиринта. Стены украшали бесценные полотна в изящных резных рамах из красного дерева. Картины, созданные самыми искусными художниками, чье мастерство было больше похоже на волшебство: пейзажи, в которых реки текли вспять, а деревья шептали на забытых языках, портреты магов, чьи глаза казалось следили за каждым твоим движением, сцены древних ритуалов, где реальность переплеталась с фантазией.

Мебель была воплощением роскоши: мягкие кресла с обивкой из бархата цвета ночного неба, украшенные вышивкой в виде созвездий, столики из тёмного дуба, инкрустированные лунными камнями и магическими символами, полки из резного чёрного дерева, хрустальные витрины с древними свитками, мерцающими всеми оттенками фиолетового, будто хранящими в себе сгустки магической энергии.

Ая устроилась в кресле у камина, в котором пылал магический огонь, не дающий дыма, но излучающий тепло, проникающее до самых костей. Перечитывая послание на броши, пыталась разгадать его смысл. Что значили «эхо забытых ветров»? Была ли это метафора, или указание на конкретный артефакт, ритуал, место? И что подразумевалась под «жертвой»? Физическая боль? Отречение от части себя? Потеря памяти?

Мысли кружились, как снежинки в вихре зимнего ветра. Она закрыла глаза, представляя, как эхо забытых ветров шепчет ответы, но слова ускользали, растворяясь в тумане.

Когда Девушка уже собралась уходить, в дверях читальной комнаты появился Адриан. Тёмный камзол мерцал в свете магического пламени, а серые глаза, как всегда, хранили непроницаемую глубину.

— Заблудились в лабиринте знаний? — голос прозвучал сухо, но в нём проскользнула нотка, которую Ая не могла определить — то ли насмешка, то ли искренний интерес.

— Пытаюсь понять, что говорит мне этот мир, — ответила девушка, сжимая фолиант в руках.

Адриан медленно приблизился.

— Некоторые книги пишут сами себя, — произнёс он. — А некоторые читатели становятся частью текста. Ищи то, что не имеет формы, но оставляет след в вечности.

Слова повисли в воздухе, как намёк на нечто большее. Ая хотела задать вопрос, но он уже развернулся, его плащ прошелестел по полу, унося с собой шлейф загадки.

Ая осталась в тишине читальной комнаты, сжимая в руке брошь, которая пульсировала в такт с биением сердца. Лабиринт тайн становился всё запутаннее, но она знала: каждый шаг приближает к разгадке — или к новой пропасти.

Мысли кружились вихрем: откуда взялся этот предмет? Что он значил? Вопросы роились в голове, как беспокойные пчёлы в потревоженном улье.

После утреннего туалета, Ая спрятала брошь в потайном кармане платья и отправилась на занятия, чувствуя, как артефакт будто пульсирует в такт её неровному дыханию.

Лекции тянулись бесконечно. Магистр Морган, чей голос звучал, как звон хрустальных колокольчиков, вещал о тонкостях взаимодействия стихий. Но слова наставника сливались в монотонный гул. Ая никак не могла сосредоточиться на занятии, разум то и дело возвращался к броши, миллион вопросов и предположений, кружились в голове.

После встречи с Илаем, реальность будто размывалась по краям, а его слова звучали как обрывки древних заклинаний. Девушка пыталась собрать воедино все фрагменты, но мозаика не складывалась. Она чувствовала себя путником в зачарованном лесу, где каждый шаг ведёт к новым загадкам, а тропы меняются, как только решаешь, куда идти дальше.

Пальцы непроизвольно сжимались в кулаки — то ли от волнения, то ли от бессилия перед лицом всех этих тайн. Почему Адриан, этот холёный дворянин с высокомерным взглядом и скучающим выражением лица, порой помогал ей? Между ними лежала пропасть: простая девушка из Низины, и воплощение аристократического совершенства. И всё же в его действиях Ая улавливала что-то необъяснимое, будто он играл в игру, правила которой оставались ей неведомы.

Магистр Морган объявил, что занятие закончено, девушка вернулась к реальности.

Путь к практическому занятию лежал через сад хрустальных фонтанов. Вода в них переливалась всеми оттенками радуги, а струи сплетались в причудливые фигуры — то лики древних магов, то мифические звери, рождённые из алмазной пыли. Отражаясь в зеркальной глади, небо смешивалось с землёй, стирая границы между мирами.

От сада нужно было свернуть в левое крыло Академии — там, за резной аркой, украшенной рунами перехода, ждал Зал Вечного Дыхания.

Когда Ая вошла в зал, её охватило ощущение благоговейного трепета. Своды, выложенные из полупрозрачного кварца, переливались, словно облака на закате — от нежно-розового до глубокого аметистового. Пол из чёрного обсидиана отражал мерцание магических огней, создавая иллюзию бездонного озера, по которому плыли тени древних ритуалов.

В центре возвышался алтарь из лунного камня, окружённый двенадцатью колоннами. Каждая колонна пульсировала энергией своего элемента, излучая мягкое свечение. Между колоннами витали золотистые нити магической энергии, сплетаясь в узоры забытых заклинаний. Воздух дрожал от напряжения, будто сам зал затаил дыхание ожидая чуда.

Магистр Кассиан стоял у алтаря, его серебристая мантия мерцала в такт с дыханием магии.

— Сегодня вы научитесь чувствовать первородную стихию, — произнёс он, и голос разнёсся по залу, как шёпот древних рун. — Ваша задача — стать проводником для чистой силы, дать ей форму и смысл. Помните: ключ к успеху — в абсолютной ясности сознания. Над Алтарем вспыхнул вихрь серебристого света.

Селеста ван Торн закрыла глаза, пальцы плавно двигались, будто дирижируя невидимым оркестром. Когда она открыла глаза, перед ней парил идеальный феникс — перья переливались, как закатное небо, а взгляд пылающих глаз казался живым. Магистр Кассиан одобрительно кивнул:

— Прекрасно, леди Селеста. Ваша гармония с первородной стихией вызывает восхищение.

Другие студенты тоже демонстрировали впечатляющие результаты. Элеонора Де Клер создала белоснежного лебедя, чьи крылья мерцали, как звёздная пыль. Алистер Талбот воплотил могучего грифона — его рык эхом разнёсся по залу, а когти сверкали, будто выкованные из молний.

Ая закрыла глаза, сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и растворилась в потоке первородной силы. Все тревоги, все вопросы этого дня отступили, будто смытые волной. Осталась только чистота момента, биение магического пульса, которое она чувствовала каждой клеточкой своего существа.

Сознание стало зеркалом, отражающим суть стихий. И тогда, из самой глубины этого зеркала, начал проявляться образ — чёрный волк, воплощение её внутренней силы. Глаза горели алым огнём, а шерсть переливалась оттенками ночного неба. Он сделал шаг вперёд, будто изучая её, а затем замер, утвердившись в реальности.

Кассиан внимательно посмотрел на Аю. В его взгляде читалось не просто одобрение, а нечто большее — будто он видел в её успехе отблеск грядущих испытаний.

После занятия Ая направилась в библиотеку — место, где грани между прошлым и настоящим стирались, время текло по своим законам. Пространство дышало величием и тайной. Высокие своды терялись в лазурном сиянии, а хрустальные люстры излучали мягкий свет, который окутывал пространство, как тёплое одеяло. Стены украшали светящиеся кристаллы в великолепных оправках из лунного серебра, пульсирующие, словно живые сердца. Резные стеллажи из красного дерева, высившиеся до самого потолка, казались бесконечными.

Каждая книга была настоящим произведением искусства: переплёты из кожи редких животных, украшенные тиснением в виде магических символов. Обложки, инкрустированные полудрагоценными камнями, которые пульсировали мягким светом. Закладки из шёлковых лент, сотканых из нитей лунного света. Корешки, выгравированные древними рунами, которые мерцали, адаптируясь к магическому фону приближающегося читателя.

Ая шла вдоль рядов, её пальцы скользили по корешкам, ощущая пульсацию магических полей. Каждая книга шептала свою историю, и девушке казалось, что она слышит эхо древних эпох. Но вдруг брошь в руке кольнула кожу — будто сигнал, призыв, напоминание.

Она остановилась, внимательно разглядывая книги. Взгляд упал на фолиант, который резко контрастировал с окружающим великолепием: обложка из потемневшего дерева, покрытая трещинами; буквы, выгравированные на корешке, казались выжженными, от книги исходило ощущение древнего холода, будто она хранила секреты, забытые даже временем.

Ая вытащила фолиант и открыла его. Страницы были испещрены рунами, которые пульсировали, адаптируясь к её магическому фону. Нашла раздел, посвящённый артефактам с «живыми» рунами. Согласно тексту, для расшифровки посланий таких предметов требовался магический кристалл — резонатор, способный усилить связь между артефактом и читающим.

Ая вернулась к светящимся кристаллам на стенах. И начала подносить брошь к каждому из них, ощущая слабый отклик. И вдруг один кристалл — прозрачный, как горный хрусталь, с вкраплениями алого — вспыхнул ярче, окутав брошь ореолом малинового света. Руны на артефакте замерцали, складываясь в чёткие фразы на древнем языке стихий: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени. Но помни: каждое прочтение — это жертва. Отдай часть себя, чтобы узнать больше».

Слова отозвались холодом в груди. Ая осознала: брошь не просто раскрывала тайны, а требовала платы. Но что именно она должна была отдать?

Девушка направилась в читальную комнату — оазис спокойствия в сердце магического лабиринта. Стены украшали бесценные полотна в изящных резных рамах из красного дерева. Картины, созданные самыми искусными художниками, чье мастерство было больше похоже на волшебство: пейзажи, в которых реки текли вспять, а деревья шептали на забытых языках, портреты магов, чьи глаза казалось следили за каждым твоим движением, сцены древних ритуалов, где реальность переплеталась с фантазией.

Мебель была воплощением роскоши: мягкие кресла с обивкой из бархата цвета ночного неба, украшенные вышивкой в виде созвездий, столики из тёмного дуба, инкрустированные лунными камнями и магическими символами, полки из резного чёрного дерева, хрустальные витрины с древними свитками, мерцающими всеми оттенками фиолетового, будто хранящими в себе ступки магической энергии.

Ая устроилась в кресле у камина, в котором пылал магический огонь, не дающий дыма, но излучающий тепло, проникающее до самых костей. Перечитывая послание на броши, пыталась разгадать его смысл. Что значили «эхо забытых ветров»? Была ли это метафора, или указание на конкретный артефакт, ритуал, место? И что подразумевалась под «жертвой»? Физическая боль? Отречение от части себя? Потеря памяти?

Мысли кружились, как снежинки в вихре зимнего ветра. Она закрыла глаза, представляя, как эхо забытых ветров шепчет ответы, но слова ускользали, растворяясь в тумане.

Когда Девушка уже собралась уходить, в дверях читальной комнаты появился Адриан. Тёмный камзол мерцал в свете магического пламени, а серые глаза, как всегда, хранили непроницаемую глубину.

— Заблудились в лабиринте знаний? — голос прозвучал сухо, но в нём проскользнула нотка, которую Ая не могла определить — то ли насмешка, то ли искренний интерес.

— Пытаюсь понять, что говорит мне этот мир, — ответила девушка, сжимая фолиант в руках.

Адриан медленно приблизился.

— Некоторые книги пишут сами себя, — произнёс он. — А некоторые читатели становятся частью текста. Ищи то, что не имеет формы, но оставляет след в вечности.

Слова повисли в воздухе, как намёк на нечто большее. Ая хотела задать вопрос, но он уже развернулся, его плащ прошелестел по полу, унося с собой шлейф загадки.

Ая осталась в тишине читальной комнаты, сжимая в руке брошь, которая пульсировала в такт с биением сердца. Лабиринт тайн становился всё запутаннее, но она знала: каждый шаг приближает к разгадке — или к новой пропасти.

Глава 7: «Эхо забытых ветров»

Вечер опустился на Академию, окутав её сумеречным сиянием. Ая медленно брела по коридорам, вдыхая густой аромат древних знаний, смешанный с лёгким запахом озона — будто сама магия дышала вокруг. Мраморные стены, украшенные барельефами, изображающими битвы стихий, казалось, шептались между собой. Витражи, раскрашенные закатным светом, рисовали на полу причудливые узоры, напоминающие карты забытых земель.

Мысли кружились в диком танце, послание с броши пульсировало в сознании, как будто пытаюсь пробиться сквозь толщу воды. Слова Адриана звучали, как эхо в заброшенном храме, многообещающе и пугающе одновременно.

Ая направлялась к Обсерватории Стеклянных Слёз — месту, где границы между мирами казались особенно тонкими. Её тянуло сюда в надежде найти ответы, встретить Илая и разгадать хотя бы часть навалившихся загадок.

Воздух в обсерватории был иным — будто соткан из переливов света и мерцания стеклянных сфер, подвешенных под куполом. Каждая сфера отражала фрагменты иных измерений, создавая калейдоскоп магических образов. Пол из полированного чёрного камня поглощал звуки шагов, усиливая ощущение тишины, пронизанной шёпотом древних заклинаний.

Илай возник перед ней беззвучно, словно материализовался из сгустка лунного света. Его очертания мерцали, а глаза светились живым ртутным блеском.

— Я рад видеть тебя. — голос звучал мягко, как шелест тысячеклетных свитков.

Ая достала брошь из потайного кармана платья — ту самую, которую обнаружила утром на столике у своей кровати. Металл был тёплым, будто живым

— Вот что, я нашла на столике, когда проснулась. Ты знаешь, откуда она могла взяться? — девушка протянула артефакт Илаю, её пальцы слегка дрожали.

Илай принял брошь, пальцы скользнули по рунам, которые замерцали в ответ. Он вернул артефакт Ае, его взгляд оставался непроницаемым.

— Пути магии неисповедимы, дитя, — произнёс он. — Иногда вещи находят нас сами, когда наступает нужный час.

— Мне удалось расшифровать часть послания на ней. Оно гласит: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени. Но помни: каждое прочтение — это жертва отдай часть себя». Что означают эти слова, Илай? Что за «жертва» имеется в виду? Что именно я должна отдать?

Илай замер на мгновение, его фигура будто растворилась в переливах магического света, а затем вновь обрела чёткость. Посмотрел на Аю долгим, пронзительным взглядом.

— Послание на броши — как ключ, который открывает двери лишь избранному. «Эхо забытых ветров» — не просто метафора. Это голоса древних заклинаний, сплетённые с самой тканью реальности. Тот, кто научится их слышать, обретёт силу, превосходящую любые чары. Жертва — это не обязательно кровь или боль. Порой платой становится часть души, забытая в прошлом. Или воспоминание, которое ты считала неважным. Или вера, которую ты похоронила. Истинная цена — в том, что ты сама не осознаёшь.

Его слова падали в сознание Аи, как тяжёлые капли ртути. Она сглотнула ком в горле.

— Но как понять, что я избранная? Как услышать эти ветры?

Илай улыбнулся, и его улыбка была похожа на проблеск далёкой звезды.

— Ты уже слышишь. Просто пока не различаешь мелодии среди шума. Продолжай искать. Но помни: некоторые двери открываются только изнутри. Не доверяй отражениям — они могут быть ловушками.

С этими словами он растворился в серебристом тумане, оставив после себя лишь запах озона и ощущение неотвратимости грядущих событий.

Ая вернулась в свою келью, чувствуя, как усталость и тревога сплетаются в тяжёлый комок в груди. Рухнула на кровать, и сон накрыл её, как тяжёлое покрывало.

Но сон был беспокойным. Аю затянуло в туманную, липкую жижу, где реальность смешивалась с кошмарами. Вокруг кружились обрывки фраз: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров», «найдёт путь сквозь тени», «Ищи то, что не имеет формы», «но оставляет след в вечности»

Голоса множились, переплетались, топили в вязкой глубине. Тени вытягивались, превращаясь в искажённые лица — Адриан с его непроницаемым взглядом, Илай, мерцающий, как мираж, незнакомые фигуры в древних одеяниях.

Каждый раз, когда Ая пыталась ухватиться за смысл, туман поглощал его, оставляя лишь ощущение надвигающейся катастрофы.

Проснулась она от стука в дверь. Слугатень бесшумно скользнула в комнату, неся поднос с утренним нектаром — напитком, заряженным бодростью и лёгким магическим импульсом.

— Магистр Кассиан ожидает вас на занятии через полчаса, — произнесла слуга, голосом лишённым эмоций.

Ая села на кровати, чувствуя, как остатки сна цепляются за сознание, словно водоросли за ноги пловца. Заставила себя встать, натянуть платье, дрожащими пальцами уложить волосы. Быстро выпила нектар — его вкус смешался с привкусом ночного кошмара. Но напиток придал ей сил и наполнил мышцы пружинящей энергией.

Не теряя времени, выбежала в коридор, её шаги эхом отдавались в пустоте галерей.

На занятии магистр объявил о новом испытании — «Испытании Шепчущих Границ». Суть заключалась в том, чтобы проникнуть в пограничное состояние между реальностью и магическим измерением, найти там эхо забытого заклинания и принести его фрагмент в виде ментального отпечатка.

Студенты собрались в Зале Вечного Дыхания. Воздух гудел от предвкушения. Магистр Кассиан произнёс слова активации, и пространство вокруг дрогнуло. Пол под ногами стал прозрачным, открывая вид на вихри магических потоков, а стены растворились, обнажив пульсирующие контуры иных реальностей.

Каждый студент должен был погрузиться в этот лабиринт, доверившись своей интуиции.

Селеста Ван Торн, изящная, как тень вечернего ветра, легко скользила между измерениями, собирая фрагменты древних заклинаний, как цветы в саду. Её ментальный отпечаток сиял, как звезда, — свидетельство абсолютной гармонии с магическим потоком. Магистр Элиандар одобрительно кивнул, отметив её безупречную технику.

Друзья из свиты Селесты тоже делали успехи. Элионора Де Клер, использовала потоки воздуха, чтобы ускорять своё продвижение. Её движения были плавными, будто танец на грани реальности. Извлекала фрагменты заклинаний, окутанные мерцающей дымкой, — каждый из них пульсировал, как пойманный светляк.

Алистер Таблот применял мощные защитные руны, пробиваясь сквозь зоны магического противодействия. Его доспехи из света вспыхивали при каждом столкновении с барьерами, а ментальный отпечаток напоминал узор кристаллической решётки — строгий, геометрически совершенный.

Другие студенты тоже демонстрировали впечатляющие результаты: кто-то сплетал энергетические сети, кто-то использовал зеркальные иллюзии, а кто-то погружался в глубины собственного сознания, извлекая оттуда отголоски забытых ритуалов.

Ая же двигалась иначе. Её вела не сила, а чутье — способность улавливать едва заметные колебания магического поля. Она следовала за шёпотом забытых ветров, который становился всё явственнее.

В одной из зон, где реальность сливалась с иллюзией, она обнаружила забытый алтарь, покрытый руническими надписями. В центре лежал кристалл памяти, пульсирующий голубым светом. Когда Ая коснулась его, перед внутренним взором вспыхнули обрывки древнего заклинания — не слова, а ритмы, вибрации, образы.

Она сумела уловить ключевой фрагмент — призыв к пробуждению скрытых сил — и вернулась в реальность, держа в сознании этот ментальный отпечаток.

Магистр Кассиан кивнул, его взгляд задержался на Ае дольше обычного.

— Вы нашли не просто фрагмент, — произнёс он. — Вы нашли ключ. Но помните: знание — это семя. Оно может прорасти как в плодородную почву, так и в ядовитую мглу.

После занятий Ая направилась к чёрному озеру — месту, которое уже не раз становилось для неё точкой опоры.

Она опустила на прохладную каменную скамью у кромки воды, обхватив колени руками. Закрывает глаза, пытаясь уловить хоть малейшее дуновение ветра — но вокруг царит абсолютная тишина. Ни шороха листьев, ни лёгкого колыхания воды. Напряжение сковывало её мысли, словно невидимые цепи.

Спустя какое-то время Ая поняла, что попытки силой услышать «эхо забытых ветров» не приносят результата. Она открыла глаза, вздохнула и решила оставить бесплодные усилия.

Но тут её взгляд упал на небо — и она замерла, заворожённая. Закат раскрасил небосклон невероятными оттенками: от нежно-розового у горизонта до глубокого пурпурного в вышине. Облака, подсвеченные снизу, напоминали застывшие волны расплавленного золота. Птицы в кронах деревьев нежно выводили свои вечерние песни — простые, но удивительно гармоничные мелодии, которые сливались с общим покоем мира.

Чёрные воды озера отражали эту феерию красок, создавая иллюзию бесконечного пространства, где небо плавно перетекало в землю. Гладкая поверхность озера, будто играла с границами реальности.

Ая сделала глубокий вдох, втягивая ароматы вечернего леса, смешанные с прохладой воды. Медленно выдохнула, отпуская напряжение и тревоги этого дня. Она позволила себе просто быть — здесь и сейчас, в объятиях тишины и красоты.

Минуты текли, сливаясь в вечность. И вдруг — почти неуловимое дуновение коснулось её волос, теребя выбившиеся локоны. Лёгкий, почти невесомый ветерок пробежал по поверхности озера, вызвав рябь на воде и тихий шелест прибрежных тростников.

Ая замерла, прислушиваясь. В этом дуновении ей почудились далёкие отзвуки — будто забытая песня, эхо забытых слов, сплетающихся в узор неведомых заклинаний. Девушка закрыла глаза, позволяя себе раствориться в этом моменте — между реальностью и грёзой, между прошлым и будущим.

Когда она снова открыла глаза, краски заката уже начали бледнеть, уступая место сумеречному полумраку. Но в глубине озера всё ещё тлел отблеск угасающего дня — как обещание новых открытий, новых испытаний, новых встреч.

Гдето вдалеке прокричала ночная птица, нарушив хрупкое равновесие тишины. Ая поднялась со скамьи, чувствуя, как в груди зреет странное предвкушение. Что ждёт её дальше в этом лабиринте тайн? Какие двери откроются перед ней завтра?

Вечер опустился на Академию, окутав её сумеречным сиянием. Ая медленно брела по коридорам, вдыхая густой аромат древних знаний, смешанный с лёгким запахом озона — будто сама магия дышала вокруг. Мраморные стены, украшенные барельефами, изображающими битвы стихий, казалось, шептались между собой. Витражи, раскрашенные закатным светом, рисовали на полу причудливые узоры, напоминающие карты забытых земель.

Мысли кружились в диком танце, послание с броши пульсировало в сознании, как будто пытаюсь пробиться сквозь толщу воды. Слова Адриана звучали, как эхо в заброшенном храме, многообещающе и пугающе одновременно.

Ая направлялась к Обсерватории Стеклянных Слёз — месту, где границы между мирами казались особенно тонкими. Её тянуло сюда в надежде найти ответы, встретить Илая и разгадать хотя бы часть навалившихся загадок.

Воздух в обсерватории был иным — будто соткан из переливов света и мерцания стеклянных сфер, подвешенных под куполом. Каждая сфера отражала фрагменты иных измерений, создавая калейдоскоп магических образов. Пол из полированного чёрного камня поглощал звуки шагов, усиливая ощущение тишины, пронизанной шёпотом древних заклинаний.

Илай возник перед ней беззвучно, словно материализовался из сгустка лунного света. Его очертания мерцали, а глаза светились живым ртутным блеском.

— Я рад видеть тебя. — голос звучал мягко, как шелест тысячелетних свитков.

Ая достала брошь из потайного кармана платья — ту самую, которую обнаружила утром на столике у своей кровати. Металл был тёплым, будто живым

— Вот что, я нашла на столике, когда проснулась. Ты знаешь, откуда она могла взяться? — девушка протянула артефакт Илаю, её пальцы слегка дрожали.

Илай принял брошь, пальцы скользнули по рунам, которые замерцали в ответ. Он вернул артефакт Ае, его взгляд оставался непроницаемым.

— Пути магии неисповедимы, дитя, — произнёс он. — Иногда вещи находят нас сами, когда наступает нужный час.

— Мне удалось расшифровать часть послания на ней. Оно гласит: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени. Но помни: каждое прочтение — это жертва отдай часть себя». Что означают эти слова, Илай? Что за «жертва» имеется в виду? Что именно я должна отдать?

Илай замер на мгновение, его фигура будто растворилась в переливах магического света, а затем вновь обрела чёткость. Посмотрел на Аю долгим, пронзительным взглядом.

— Послание на броши — как ключ, который откроет двери лишь избранному. «Эхо забытых ветров» — не просто метафора. Это голоса древних заклинаний, сплетённые с самой тканью реальности. Тот, кто научится их слышать, обретёт силу, превосходящую любые чары. Жертва — это не обязательно кровь или боль. Порой платой становится часть души, забытая в прошлом. Или воспоминание, которое ты считала неважным. Или вера, которую ты похоронила. Истинная цена — в том, что ты сама не осознаёшь.

Его слова падали в сознание Аи, как тяжёлые капли ртути. Она сглотнула ком в горле.

— Но как понять, что я избранная? Как услышать эти ветры?

Илай улыбнулся, и его улыбка была похожа на проблеск далёкой звезды.

— Ты уже слышишь. Просто пока не различаешь мелодии среди шума. Продолжай искать. Но помни: некоторые двери открываются только изнутри. Не доверяй отражениям — они могут быть ловушками.

С этими словами он растворился в серебристом тумане, оставив после себя лишь запах озона и ощущение неотвратимости грядущих событий.

Ая вернулась в свою келью, чувствуя, как усталость и тревога сплетаются в тяжёлый комок в груди. Рухнула на кровать, и сон накрыл её, как тяжёлое покрывало.

Но сон был беспокойным. Аю затянуло в туманную, липкую жижу, где реальность смешивалась с кошмарами. Вокруг кружились обрывки фраз: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров», «найдёт путь сквозь тени», «Ищи то, что не имеет формы», «но оставляет след в вечности»

Голоса множились, переплетались, топили в вязкой глубине. Тени вытягивались, превращаясь в искажённые лица — Адриан с его непроницаемым взглядом, Илай, мерцающий, как мираж, незнакомые фигуры в древних одеяниях.

Каждый раз, когда Ая пыталась ухватиться за смысл, туман поглощал его, оставляя лишь ощущение надвигающейся катастрофы.

Проснулась она от стука в дверь. Слугатень бесшумно скользнула в комнату, неся поднос с утренним нектаром — напитком, заряженным бодростью и лёгким магическим импульсом.

— Магистр Кассиан ожидает вас на занятии через полчаса, — произнесла слуга, голосом лишённым эмоций.

Ая села на кровати, чувствуя, как остатки сна цепляются за сознание, словно водоросли за ноги пловца. Заставила себя встать, натянуть платье, дрожащими пальцами уложить волосы. Быстро выпила нектар — его вкус смешался с привкусом ночного кошмара. Но напиток придал ей сил и наполнил мышцы пружинящей энергией.

Не теряя времени, выбежала в коридор, её шаги эхом отдавались в пустоте галерей.

На занятии магистр объявил о новом испытании — «Испытании Шепчущих Границ». Суть заключалась в том, чтобы проникнуть в пограничное состояние между реальностью и магическим измерением, найти там эхо забытого заклинания и принести его фрагмент в виде ментального отпечатка.

Студенты собрались в Зале Вечного Дыхания. Воздух гудел от предвкушения. Магистр Кассиан произнёс слова активации, и пространство вокруг дрогнуло. Пол под ногами стал прозрачным, открывая вид на вихри магических потоков, а стены растворились, обнажив пульсирующие контуры иных реальностей.

Каждый студент должен был погрузиться в этот лабиринт, доверившись своей интуиции.

Селеста Ван Торн, изящная, как тень вечернего ветра, легко скользила между измерениями, собирая фрагменты древних заклинаний, как цветы в саду. Её ментальный отпечаток сиял, как звезда, — свидетельство абсолютной гармонии с магическим потоком. Магистр Элиандар одобрительно кивнул, отметив её безупречную технику.

Друзья из свиты Селесты тоже делали успехи. Элионора Де Клер, использовала потоки воздуха, чтобы ускорять своё продвижение. Её движения были плавными, будто танец на грани реальности. Извлекала фрагменты заклинаний, окутанные мерцающей дымкой, — каждый из них пульсировал, как пойманный светляк.

Алистер Таблот применял мощные защитные руны, пробиваясь сквозь зоны магического противодействия. Его доспехи из света вспыхивали при каждом столкновении с барьерами, а ментальный отпечаток напоминал узор кристаллической решётки — строгий, геометрически совершенный.

Другие студенты тоже демонстрировали впечатляющие результаты: кто-то сплетал энергетические сети, кто-то использовал зеркальные иллюзии, а кто-то погружался в глубины собственного сознания, извлекая оттуда отголоски забытых ритуалов.

Ая же двигалась иначе. Её вела не сила, а чутье — способность улавливать едва заметные колебания магического поля. Она следовала за шёпотом забытых ветров, который становился всё явственнее.

В одной из зон, где реальность сливалась с иллюзией, она обнаружила забытый алтарь, покрытый руническими надписями. В центре лежал кристалл памяти, пульсирующий голубым светом. Когда Ая коснулась его, перед внутренним взором вспыхнули обрывки древнего заклинания — не слова, а ритмы, вибрации, образы.

Она сумела уловить ключевой фрагмент — призыв к пробуждению скрытых сил — и вернулась в реальность, держа в сознании этот ментальный отпечаток.

Магистр Кассиан кивнул, его взгляд задержался на Ае дольше обычного.

— Вы нашли не просто фрагмент, — произнёс он. — Вы нашли ключ. Но помните: знание — это семя. Оно может прорасти как в плодородную почву, так и в ядовитую мглу.

После занятий Ая направилась к чёрному озеру — месту, которое уже не раз становилось для неё точкой опоры.

Она опустила на прохладную каменную скамью у кромки воды, обхватив колени руками. Закрывает глаза, пытаясь уловить хоть малейшее дуновение ветра — но вокруг царит абсолютная тишина. Ни шороха листьев, ни лёгкого колыхания воды. Напряжение сковывало её мысли, словно невидимые цепи.

Спустя какое-то время Ая поняла, что попытки силой услышать «эхо забытых ветров» не приносят результата. Она открыла глаза, вздохнула и решила оставить бесплодные усилия.

Но тут её взгляд упал на небо — и она замерла, заворожённая. Закат раскрасил небосклон невероятными оттенками: от нежно-розового у горизонта до глубокого пурпурного в вышине. Облака, подсвеченные снизу, напоминали застывшие волны расплавленного золота. Птицы в кронах деревьев нежно выводили свои вечерние песни — простые, но удивительно гармоничные мелодии, которые сливались с общим покоем мира.

Чёрные воды озера отражали эту феерию красок, создавая иллюзию бесконечного пространства, где небо плавно перетекало в землю. Гладкая поверхность озера, будто играла с границами реальности.

Ая сделала глубокий вдох, втягивая ароматы вечернего леса, смешанные с прохладой воды. Медленно выдохнула, отпуская напряжение и тревоги этого дня. Она позволила себе просто быть — здесь и сейчас, в объятиях тишины и красоты.

Минуты текли, сливаясь в вечность. И вдруг — почти неуловимое дуновение коснулось её волос, теребя выбившиеся локоны. Лёгкий, почти невесомый ветерок пробежал по поверхности озера, вызвав рябь на воде и тихий шелест прибрежных тростников.

Ая замерла, прислушиваясь. В этом дуновении ей почудились далёкие отзвуки — будто забытая песня, эхо забытых слов, сплетающихся в узор неведомых заклинаний. Девушка закрыла глаза, позволяя себе раствориться в этом моменте — между реальностью и грёзой, между прошлым и будущим.

Когда она снова открыла глаза, краски заката уже начали бледнеть, уступая место сумеречному полумраку. Но в глубине озера всё ещё тлел отблеск угасающего дня — как обещание новых открытий, новых испытаний, новых встреч.

Где-то вдалеке прокричала ночная птица, нарушив хрупкое равновесие тишины. Ая поднялась со скамьи, чувствуя, как в груди зреет странное предвкушение. Что ждёт её дальше в этом лабиринте тайн? Какие двери откроются перед ней завтра?

Вечер опустился на Академию, окутав её сумеречным сиянием. Ая медленно брела по коридорам, вдыхая густой аромат древних знаний, смешанный с лёгким запахом озона — будто сама магия дышала вокруг. Мраморные стены, украшенные барельефами, изображающими битвы стихий, казалось, шептались между собой. Витражи, раскрашенные закатным светом, рисовали на полу причудливые узоры, напоминающие карты забытых земель.

Мысли кружились в диком танце, послание с броши пульсировало в сознании, как будто пытаясь пробиться сквозь толщу воды. Слова Адриана звучали, как эхо в заброшенном храме, многообещающе и пугающе одновременно.

Ая направлялась к Обсерватории Стекланных Слёз — месту, где границы между мирами казались особенно тонкими. Её тянуло сюда в надежде найти ответы, встретить Илая и разгадать хотя бы часть навалившихся загадок.

Воздух в обсерватории был иным — будто соткан из переливов света и мерцания стекланных сфер, подвешенных под куполом. Каждая сфера отражала фрагменты иных измере-

ний, создавая калейдоскоп магических образов. Пол из полированного чёрного камня поглощал звуки шагов, усиливая ощущение тишины, пронизанной шёпотом древних заклинаний.

Илай возник перед ней беззвучно, словно материализовался из сгустка лунного света. Его очертания мерцали, а глаза светились живым ртутным блеском.

— Я рад видеть тебя. — голос звучал мягко, как шелест тысячетных свитков.

Ая достала брошь из потайного кармана платья — ту самую, которую обнаружила утром на столике у своей кровати. Металл был тёплым, будто живым

— Вот что, я нашла на столике, когда проснулась. Ты знаешь, откуда она могла взяться? — девушка протянула артефакт Илаю, её пальцы слегка дрожали.

Илай принял брошь, пальцы скользнули по рунам, которые замерцали в ответ. Он вернул артефакт Ае, его взгляд оставался непроницаемым.

— Пути магии неисповедимы, дитя, — произнёс он. — Иногда вещи находят нас сами, когда наступает нужный час.

— Мне удалось расшифровать часть послания на ней. Оно гласит: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени. Но помни: каждое прочтение — это жертва отдай часть себя». Что означают эти слова, Илай? Что за «жертва» имеется в виду? Что именно я должна отдать?

Илай замер на мгновение, его фигура будто растворилась в переливах магического света, а затем вновь обрела чёткость. Посмотрел на Аю долгим, пронзительным взглядом.

— Послание на броши — как ключ, который откроет двери лишь избранному. «Эхо забытых ветров» — не просто метафора. Это голоса древних заклинаний, сплетённые с самой тканью реальности. Тот, кто научится их слышать, обретёт силу, превосходящую любые чары. Жертва — это не обязательно кровь или боль. Порой платой становится часть души, забытая в прошлом. Или воспоминание, которое ты считала неважным. Или вера, которую ты похоронила. Истинная цена — в том, что ты сама не осознаёшь.

Его слова падали в сознание Аи, как тяжёлые капли ртути. Она сглотнула ком в горле.

— Но как понять, что я избранная? Как услышать эти ветры?

Илай улыбнулся, и его улыбка была похожа на проблеск далёкой звезды.

— Ты уже слышишь. Просто пока не различаешь мелодии среди шума. Продолжай искать. Но помни: некоторые двери открываются только изнутри. Не доверяй отражениям — они могут быть ловушками.

С этими словами он растворился в серебристом тумане, оставив после себя лишь запах озона и ощущение неотвратимости грядущих событий.

Ая вернулась в свою келью, чувствуя, как усталость и тревога сплетаются в тяжёлый комок в груди. Рухнула на кровать, и сон накрыл её, как тяжёлое покрывало.

Но сон был беспокойным. Аю затащило в туманную, липкую жижу, где реальность смешивалась с кошмарами. Вокруг кружились обрывки фраз: «Тот, кто слышит эхо забытых ветров», «найдёт путь сквозь тени», «Ищи то, что не имеет формы», «но оставляет след в вечности»

Голоса множились, переплетались, топили в вязкой глубине. Тени вытягивались, превращаясь в искажённые лица — Адриан с его непроницаемым взглядом, Илай, мерцающий, как мираж, незнакомые фигуры в древних одеяниях.

Каждый раз, когда Ая пыталась ухватиться за смысл, туман поглощал его, оставляя лишь ощущение надвигающейся катастрофы.

Проснулась она от стука в дверь. Слугатень бесшумно скользнула в комнату, неся поднос с утренним нектаром — напитком, заряженным бодростью и лёгким магическим импульсом.

— Магистр Кассиан ожидает вас на занятии через полчаса, — произнесла слуга, голосом лишённым эмоций.

Ая села на кровати, чувствуя, как остатки сна цепляются за сознание, словно водоросли за ноги пловца. Заставила себя встать, натянуть платье, дрожащими пальцами уложить волосы. Быстро выпила нектар — его вкус смешался с привкусом ночного кошмара. Но напиток придал ей сил и наполнил мышцы пружинящей энергией.

Не теряя времени, выбежала в коридор, её шаги эхом отдавались в пустоте галерей.

На занятии магистр объявил о новом испытании — «Испытании Шепчущих Границ». Суть заключалась в том, чтобы проникнуть в пограничное состояние между реальностью и магическим измерением, найти там эхо забытого заклинания и принести его фрагмент в виде ментального отпечатка.

Студенты собрались в Зале Вечного Дыхания. Воздух гудел от предвкушения. Магистр Кассиан произнёс слова активации, и пространство вокруг дрогнуло. Пол под ногами стал прозрачным, открывая вид на вихри магических потоков, а стены растворились, обнажив пульсирующие контуры иных реальностей.

Каждый студент должен был погрузиться в этот лабиринт, доверившись своей интуиции.

Селеста Ван Торн, изящная, как тень вечернего ветра, легко скользила между измерениями, собирая фрагменты древних заклинаний, как цветы в саду. Её ментальный отпечаток сиял, как звезда, — свидетельство абсолютной гармонии с магическим потоком. Магистр Элиандар одобрительно кивнул, отметив её безупречную технику.

Друзья из свиты Селесты тоже делали успехи. Элионора Де Клер, использовала потоки воздуха, чтобы ускорять своё продвижение. Её движения были плавными, будто танец на грани реальности. Извлекала фрагменты заклинаний, окутанные мерцающей дымкой, — каждый из них пульсировал, как пойманный светляк.

Алистер Таблот применял мощные защитные руны, пробиваясь сквозь зоны магического противодействия. Его доспехи из света вспыхивали при каждом столкновении с барьерами, а ментальный отпечаток напоминал узор кристаллической решётки — строгий, геометрически совершенный.

Другие студенты тоже демонстрировали впечатляющие результаты: кто-то сплетал энергетические сети, кто-то использовал зеркальные иллюзии, а кто-то погружался в глубины собственного сознания, извлекая оттуда отголоски забытых ритуалов.

Ая же двигалась иначе. Её вела не сила, а чутье — способность улавливать едва заметные колебания магического поля. Она следовала за шёпотом забытых ветров, который становился всё явственнее.

В одной из зон, где реальность сливалась с иллюзией, она обнаружила забытый алтарь, покрытый руническими надписями. В центре лежал кристалл памяти, пульсирующий голубым светом. Когда Ая коснулась его, перед внутренним взором вспыхнули обрывки древнего заклинания — не слова, а ритмы, вибрации, образы.

Она сумела уловить ключевой фрагмент — призыв к пробуждению скрытых сил — и вернулась в реальность, держа в сознании этот ментальный отпечаток.

Магистр Кассиан кивнул, его взгляд задержался на Ае дольше обычного.

— Вы нашли не просто фрагмент, — произнёс он. — Вы нашли ключ. Но помните: знание — это семя. Оно может прорасти как в плодородную почву, так и в ядовитую мглу.

После занятий Ая направилась к чёрному озеру — месту, которое уже не раз становилось для неё точкой опоры.

Она опустилась на прохладную каменную скамью у кромки воды, обхватив колени руками. Закрыла глаза, пытаясь уловить хоть малейшее дуновение ветра — но вокруг царил абсолютная тишина. Ни шороха листьев, ни лёгкого колыхания воды. Напряжение сковывало её мысли, словно невидимые цепи.

Спустя какое-то время Ая поняла, что попытки силой услышать «эхо забытых ветров» не приносят результата. Она открыла глаза, вздохнула и решила оставить бесплодные усилия.

Но тут её взгляд упал на небо — и она замерла, заворожённая. Закат раскрасил небо-склон невероятными оттенками: от нежно-розового у горизонта до глубокого пурпурного в вышине. Облака, подсвеченные снизу, напоминали застывшие волны расплавленного золота. Птицы в кронах деревьев нежно выводили свои вечерние песни — простые, но удивительно гармоничные мелодии, которые сливались с общим покоем мира.

Чёрные воды озера отражали эту феерию красок, создавая иллюзию бесконечного пространства, где небо плавно перетекало в землю. Гладкая поверхность озера, будто играла с границами реальности.

Ая сделала глубокий вдох, втягивая ароматы вечернего леса, смешанные с прохладой воды. Медленно выдохнула, отпуская напряжение и тревоги этого дня. Она позволила себе просто быть — здесь и сейчас, в объятиях тишины и красоты.

Минуты текли, сливаясь в вечность. И вдруг — почти неуловимое дуновение коснулось её волос, теребя выбившиеся локоны. Лёгкий, почти невесомый ветерок пробежал по поверхности озера, вызвав рябь на воде и тихий шелест прибрежных тростников.

Ая замерла, прислушиваясь. В этом дуновении ей почудились далёкие отзвуки — будто забытая песня, эхо забытых слов, сплетающихся в узор неведомых заклинаний. Девушка закрыла глаза, позволяя себе раствориться в этом моменте — между реальностью и грёзой, между прошлым и будущим.

Когда она снова открыла глаза, краски заката уже начали бледнеть, уступая место сумеречному полумраку. Но в глубине озера всё ещё тлел отблеск угасающего дня — как обещание новых открытий, новых испытаний, новых встреч.

Гдето вдалеке прокричала ночная птица, нарушив хрупкое равновесие тишины. Ая поднялась со скамьи, чувствуя, как в груди зреет странное предвкушение. Что ждёт её дальше в этом лабиринте тайн? Какие двери откроются перед ней завтра?

Глава 8: «Шёпот ветра»

Академия бурлила, словно котёл, в котором закипала сама магия. Слухи носились по коридорам быстрее ветра: через два дня прибудет Верховный магистр Доминик Де Мор. Его визит, обещал стать самым ярким событием года.

Студенты шептались о грядущем бале — редком празднике в стенах Академии, где можно было забыть об учебниках и ощутить себя частью высшего магического общества.

Студенты превратились в бабочек, трепещущих крыльями у края волшебной чаши, каждый ловил момент, впитывая атмосферу грядущего торжества.

На лекциях мысли разбегались, как ручейки по склону холма. Юноши украдкой поглядывали на девушек, представляя, как будут вести их в танце под сводами бального зала. Девушки шептались о причёсках и оттенках мерцающих нитей, которые добавят изюминку их нарядам. В коридорах то и дело вспыхивали короткие разговоры о том, кто кого пригласит на первый танец.

Старшекурсники, уже вкусившие сладость придворных вечеров, делились секретами: как поймать взгляд нужного человека в толпе. Их глаза горели азартом, а смех звучал, как перезвон хрустальных колокольчиков.

Но для Аи вся эта феерия оставалась далёким сиянием — будто она смотрела на фейерверк сквозь мутное стекло. Чувствуя себя невидимой пылинкой в вихре чужого счастья и радости. Мысли, как заколдованный колодец, хранили лишь одно послание: *«Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени».*

Слова с броши пульсировали в сознании, требуя разгадки, требуя действий.

Ая ускользнула в библиотеку, словно нырнула в омут покоя посреди бушующего моря.

Внутри библиотеки была бархатная тишина, окутывающая теплым уютom. В этот час читальный зал был пуст, и время здесь текло по своим законам.

Знакомый фолиант ждал на полке. Потемневшая обложка мерцала, будто храня в себе дыхание древних тайн. Девушка провела пальцами по корешку — поверхность дрогнула, отзываясь на прикосновение, словно живая.

Устроившись в любимом кресле у окна, она открыла книгу. И мир перестал существовать. Страницы оживали под пальцами. Руны мерцали, сплетаясь в узоры, пульсирующие в такт с её дыханием. Текст рассказывал о древнем искусстве настройки на дыхание стихий — о том, как стать живым приёмником забытых заклинаний, резонатором магических вибраций.

Ая не столько читала, сколько проживала каждую строку. Сознание расширялось, сливаясь с ритмами, описанными в фолианте. Книга поглощала её, а она — впитывала мудрость забытых времён. Время растворилось. Остался только шелест страниц, мерцание рун и нарастающее ощущение близости разгадки.

Вдруг взгляд зацепился за последнюю строку главы — она пульсировала, выделяясь из общего текста:

«Ищи не в книгах, а в ветрах. Не в словах, а в паузах между ними. Ключ — в моменте, когда реальность сливается с грёзой. Но помни: те, кто слышат слишком ясно, часто теряют себя в шуме собственных эхо».

Сердце забилось чаще. Это было одновременно и откровение, и предостережение. Что это могло значить? Она закрыла глаза, пытаясь удержать ускользающие нити смысла.

Внезапно её пронзила дрожь. Не от холода — от чужого присутствия. Чтото неуловимое коснулось края её восприятия. Волосы на затылке встали дыбом.

«Кто-то наблюдает», — пронеслось в сознании.

Ая медленно повернула голову. В нескольких шагах от неё стоял Адриан Де Мор.

Его появление было подобно вспышке ледяной молнии в ясном небе. Чёрные волосы, будто сплетённые из сгустков сумерек, обрамляли лицо, высеченное из мрамора рукой гениального скульптора. В глазах холодный блеск полированной стали. Поза излучала холодную грацию хищника, он не просто стоял, а доминировал над пространством, превращая тёплый уют в декорацию для своего молчаливого, почти гипнотического присутствия.

— Что вы читаете? — произнёс он. Его голос звучал, как скрежет металла по стеклу — чистый, режущий, с привкусом вечного льда. В нём не было ни тепла, ни участия, лишь холодная заинтересованность коллекционера, обнаружившего редкий артефакт.

Ая с трудом оторвала взгляд от его глаз. Сердце колотилось, как пойманная птица в ладонях охотника. Мысли разбегались, будто мыши в разворошённом амбаре.

— Ищу способ — она запнулась, подбирая слова. — Пытаюсь понять, как настроиться на дыхание стихий. Как услышать то, о чём говорится в этом тексте.

Адриан шагнул ближе. Его присутствие давило, как магический купол, сковывающий дыхание.

— И что вас привело к этой книге? — голос оставался ровным, но в нём сквозила настороженность. В глубине глаз тлел немой вопрос, словно уголёк, занесённый ветром в ледяную пещеру.

Ая колебалась. Можно ли доверять сыну главного магистра? Илай предупреждал: *«Его мотивы скрыты глубже океанских впадин»*. Но сейчас она была загнана в угол.

Собравшись с духом, она вытасила брошь из кармана. Металл обжёг пальцы, будто предупреждая.

— Я нашла эту вещицу, — голос дрогнул, выдавая волнение. — Хочу понять, что это за артефакт и какую тайну он хранит.

Адриан взял брошь. Пальцы сомкнулись вокруг металла — руны вспыхнули алым, будто протестуя против чужого прикосновения. Он повертел артефакт, изучая гравировку. Лицо оставалось непроницаемым, лишь в глазах мелькнула тень острого любопытства — будто перед ним раскрылась дверь в неизведанную пещеру, полную древних сокровищ и неведомых опасностей.

— Любопытная находка, — наконец произнёс он, возвращая брошь Ае. Голос попрежнему звучал ровно, но в глубине зрачков плескалась волна невысказанных вопросов. — Будьте осторожны, Ая. Некоторые загадки лучше не разгадывать в одиночку.

Не сказав больше ни слова, развернулся и вышел, оставив после себя шлейф аромата дорогого одеколona и ощущение незавершённого разговора, как незаконченная мелодия, оборвавшаяся на полуноте.

Когда шаги Адриана затихли, Ая вновь осталась наедине со своими мыслями. Что скрывал Адриан? Был ли он ключом к разгадке или частью головоломки, которую ей предстояло решить? Его реакция на брошь — смесь настороженности и жгучего интереса — не давала покоя.

Ая закрыла книгу, пальцы дрожали. Она понимала: слова требуют действий.

Вернув фолиант на место, девушка вышла из библиотеки. Коридоры Академии встретили гулом предвкушения. Но она не замечала суеты. Сознание было сосредоточено на одной цели — услышать эхо забытых ветров. Новое послание как будто не приблизило к разгадке.

Ноги сами привели к чёрному озеру — её убежищу, месту силы, где мир будто замедлял своё дыхание.

Она опустила на прохладную каменную скамью у кромки воды. Закат, словно придворный художник, готовившийся к великому событию, одел небо в свой самый роскошный наряд: багряные, золотые, пурпурные оттенки сплетались в причудливый узор, бросая отблески на поверхность озера. Вода мерцала, отражая этот фейерверк красок, создавая иллюзию беско-

нечного пространства, где реальность сливалась с грёзой. Лёгкий ветерок играл с волосами, принося с собой ароматы вечернего леса и шёпот листвы.

Ая закрыла глаза, позволяя себе раствориться в моменте. Шум Академии, гул предвкушения бала — всё отступило, оставив её наедине с дыханием мира.

Сначала — тишина. Затем — слабый шёпот, будто далёкие голоса напевали незнакомую песню. Она пыталась уловить слова, но они ускользали, как капли росы на рассвете. Это было похоже на попытку разобрать иностранную речь — звуки складывались в узоры, но смысла не было.

«Я не слышу не чувствую» — паника начала закрадываться в сознание.

Но тут она вспомнила слова из фолианта: *«Ключ — в моменте, когда реальность сливается с грёзой»*.

Ая расслабилась, позволяя себе погрузиться в ощущения: тепло камня под спиной, лёгкое прикосновение ветра к коже, мерцание заката на закрытых веках, пульсация магического поля, обволакивающая её, как колыбель забытых снов.

И тогда Она услышала. Не слова. Не фразы. Ритмы. Мелодия, сотканная из вздохов ветра, шороха листьев, звона хрустальных капель. Она звучала не снаружи, а внутри её сознания. Ая пыталась удержать этот узор, но он ускользал, как туман на рассвете.

Ветер шептал, играл с её сознанием, будто пытаясь что-то донести. Голоса становились то громче, то тише, сплетались в причудливые узоры, распадались и возникали вновь. Это было похоже на танец забытых духов — завораживающий, но пугающий своей непостижимостью.

Каждая попытка уловить смысл приносила лишь крупинки ощущений — отголоски древних заклинаний, эхо забытых песен, шёпот стихий, сплетающийся в неразборчивую, но чарующую мелодию.

Когда первые звёзды зажглись на небе, Ая открыла глаза. Закат догорал, оставляя после себя пурпурные отблески на поверхности озера, будто художник случайно пролил краски на холст вечности.

Эхо забытых ветров ждало. И она должна была научиться его слышать.

Академия бурлила, словно котёл, в котором закипала сама магия. Слухи носились по коридорам быстрее ветра: через два дня прибудет Верховный магистр Доминик Де Мор. Его визит, обещал стать самым ярким событием года.

Студенты шептались о грядущем бале — редком празднике в стенах Академии, где можно было забыть об учебниках и ощутить себя частью высшего магического общества.

Студенты превратились в бабочек, трепещущих крыльями у края волшебной чаши, каждый ловил момент, впитывая атмосферу грядущего торжества.

На лекциях мысли разбегались, как ручейки по склону холма. Юноши украдкой поглядывали на девушек, представляя, как будут вести их в танце под сводами бального зала. Девушки шептались о причёсках и оттенках мерцающих нитей, которые добавят изюминку их нарядам. В коридорах то и дело вспыхивали короткие разговоры о том, кто кого пригласит на первый танец.

Старшекурсники, уже вкусившие сладость придворных вечеров, делились секретами: как поймать взгляд нужного человека в толпе. Их глаза горели азартом, а смех звучал, как перезвон хрустальных колокольчиков.

Но для Аи вся эта феерия оставалась далёким сиянием — будто она смотрела на фейерверк сквозь мутное стекло. Чувствуя себя невидимой пылинкой в вихре чужого счастья и радости. Мысли, как заколдованный колодец, хранили лишь одно послание: *«Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени»*.

Слова с броши пульсировали в сознании, требуя разгадки, требуя действий.

Ая ускользнула в библиотеку, словно нырнула в омут покоя посреди бушующего моря.

Внутри библиотеки была бархатная тишина, окутывающая теплым уютом. В этот час читальный зал был пуст, и время здесь текло по своим законам.

Знакомый фолиант ждал на полке. Потемневшая обложка мерцала, будто храня в себе дыхание древних тайн. Девушка провела пальцами по корешку — поверхность дрогнула, отзываясь на прикосновение, словно живая.

Устроившись в любимом кресле у окна, она открыла книгу. И мир перестал существовать. Страницы оживали под пальцами. Руны мерцали, сплетаясь в узоры, пульсирующие в такт с её дыханием. Текст рассказывал о древнем искусстве настройки на дыхание стихий — о том, как стать живым приёмником забытых заклинаний, резонатором магических вибраций.

Ая не столько читала, сколько проживала каждую строку. Сознание расширялось, сливаясь с ритмами, описанными в фолианте. Книга поглощала её, а она — впитывала мудрость забытых времён. Время растворилось. Остался только шелест страниц, мерцание рун и нарастающее ощущение близости разгадки.

Вдруг взгляд зацепился за последнюю строку главы — она пульсировала, выделяясь из общего текста:

«Ищи не в книгах, а в ветрах. Не в словах, а в паузах между ними. Ключ — в моменте, когда реальность сливается с грёзой. Но помни: те, кто слышат слишком ясно, часто теряют себя в шуме собственных эхо».

Сердце забило чаще. Это было одновременно и откровение, и предостережение. Что это могло значить? Она закрыла глаза, пытаясь удержать ускользающие нити смысла.

Внезапно её пронзила дрожь. Не от холода — от чужого присутствия. Чтото неуловимое коснулось края её восприятия. Волосы на затылке встали дыбом.

«Кто-то наблюдает», — пронеслось в сознании.

Ая медленно повернула голову. В нескольких шагах от неё стоял Адриан Де Мор.

Его появление было подобно вспышке ледяной молнии в ясном небе. Чёрные волосы, будто сплетённые из сгустков сумерек, обрамляли лицо, высеченное из мрамора рукой гениального скульптора. В глазах холодный блеск полированной стали. Поза излучала холодную грацию хищника, он не просто стоял, а доминировал над пространством, превращая теплый уют в декорацию для своего молчаливого, почти гипнотического присутствия.

— Что вы читаете? — произнёс он. Его голос звучал, как скрежет металла по стеклу — чистый, режущий, с привкусом вечного льда. В нём не было ни тепла, ни участия, лишь холодная заинтересованность коллекционера, обнаружившего редкий артефакт.

Ая с трудом оторвала взгляд от его глаз. Сердце колотилось, как пойманная птица в ладонях охотника. Мысли разбегались, будто мыши в разворошённом амбаре.

— Ищу способ — она запнулась, подбирая слова. — Пытаюсь понять, как настроиться на дыхание стихий. Как услышать то, о чём говорится в этом тексте.

Адриан шагнул ближе. Его присутствие давило, как магический купол, сковывающий дыхание.

— И что вас привело к этой книге? — голос оставался ровным, но в нём сквозила настороженность. В глубине глаз тлел немой вопрос, словно уголёк, занесённый ветром в ледяную пещеру.

Ая колебалась. Можно ли доверять сыну главного магистра? Илай предупреждал: *«Его мотивы скрыты глубже океанских впадин».* Но сейчас она была загнана в угол.

Собравшись с духом, она вытащила брошь из кармана. Металл обжёг пальцы, будто предупреждая.

— Я нашла эту вещицу, — голос дрогнул, выдавая волнение. — Хочу понять, что это за артефакт и какую тайну он хранит.

Адриан взял брошь. Пальцы сомкнулись вокруг металла — руны вспыхнули алым, будто протестуя против чужого прикосновения. Он повертел артефакт, изучая гравировку. Лицо

оставалось непроницаемым, лишь в глазах мелькнула тень острого любопытства — будто перед ним раскрылась дверь в неизведанную пещеру, полную древних сокровищ и неведомых опасностей.

— Любопытная находка, — наконец произнёс он, возвращая брошь Ае. Голос попрежнему звучал ровно, но в глубине зрачков плескалась волна невысказанных вопросов. — Будьте осторожны, Ая. Некоторые загадки лучше не разгадывать в одиночку.

Не сказав больше ни слова, развернулся и вышел, оставив после себя шлейф аромата дорогого одеколона и ощущение незавершённого разговора, как незаконченная мелодия, обрывающаяся на полуноте.

Когда шаги Адриана затихли, Ая вновь осталась наедине со своими мыслями. Что скрывал Адриан? Был ли он ключом к разгадке или частью головоломки, которую ей предстояло решить? Его реакция на брошь — смесь настороженности и жгучего интереса — не давала покоя.

Ая закрыла книгу, пальцы дрожали. Она понимала: слова требуют действий.

Вернув фолиант на место, девушка вышла из библиотеки. Коридоры Академии встретили гулом предвкушения. Но она не замечала суеты. Сознание было сосредоточено на одной цели — услышать эхо забытых ветров. Новое послание как будто не приблизило к разгадке.

Ноги сами привели к чёрному озеру — её убежищу, месту силы, где мир будто замедлял своё дыхание.

Она опустила на прохладную каменную скамью у кромки воды. Закат, словно придворный художник, готовившийся к великому событию, одел небо в свой самый роскошный наряд: багряные, золотые, пурпурные оттенки сплетались в причудливый узор, бросая отблески на поверхность озера. Вода мерцала, отражая этот фейерверк красок, создавая иллюзию бесконечного пространства, где реальность сливалась с грёзой. Лёгкий ветерок играл с волосами, принося с собой ароматы вечернего леса и шёпот листвы.

Ая закрыла глаза, позволяя себе раствориться в моменте. Шум Академии, гул предвкушения бала — всё отступило, оставив её наедине с дыханием мира.

Сначала — тишина. Затем — слабый шёпот, будто далёкие голоса напевали незнакомую песню. Она пыталась уловить слова, но они ускользали, как капли росы на рассвете. Это было похоже на попытку разобрать иностранную речь — звуки складывались в узоры, но смысла не было.

«Я не слышу не чувствую» — паника начала закрадываться в сознание.

Но тут она вспомнила слова из фолианта: *«Ключ — в моменте, когда реальность сливается с грёзой»*.

Ая расслабилась, позволяя себе погрузиться в ощущения: тепло камня под спиной, лёгкое прикосновение ветра к коже, мерцание заката на закрытых веках, пульсация магического поля, обволакивающая её, как колыбель забытых снов.

И тогда Она услышала. Не слова. Не фразы. Ритмы. Мелодия, сотканная из вздохов ветра, шороха листьев, звона хрустальных капель. Она звучала не снаружи, а внутри её сознания. Ая пыталась удержать этот узор, но он ускользал, как туман на рассвете.

Ветер шептал, играл с её сознанием, будто пытаясь что-то донести. Голоса становились то громче, то тише, сплетались в причудливые узоры, распадались и возникали вновь. Это было похоже на танец забытых духов — завораживающий, но пугающий своей непостижимостью.

Каждая попытка уловить смысл приносила лишь крупинки ощущений — отголоски древних заклинаний, эхо забытых песен, шёпот стихий, сплетающийся в неразборчивую, но чарующую мелодию.

Когда первые звёзды зажглись на небе, Ая открыла глаза. Закат догорал, оставляя после себя пурпурные отблески на поверхности озера, будто художник случайно пролил краски на холст вечности.

Эхо забытых ветров ждало. И она должна была научиться его слышать.

Академия бурлила, словно котёл, в котором закипала сама магия. Слухи носились по коридорам быстрее ветра: через два дня придёт Верховный магистр Доминик Де Мор. Его визит, обещал стать самым ярким событием года.

Студенты шептались о грядущем бале — редком празднике в стенах Академии, где можно было забыть об учебниках и ощутить себя частью высшего магического общества.

Студенты превратились в бабочек, трепещущих крыльями у края волшебной чаши, каждый ловил момент, впитывая атмосферу грядущего торжества.

На лекциях мысли разбегались, как ручейки по склону холма. Юноши украдкой поглядывали на девушек, представляя, как будут вести их в танце под сводами бального зала. Девушки шептались о причёсках и оттенках мерцающих нитей, которые добавят изюминку их нарядам. В коридорах то и дело вспыхивали короткие разговоры о том, кто кого пригласит на первый танец.

Старшекурсники, уже вкусившие сладость придворных вечеров, делились секретами: как поймать взгляд нужного человека в толпе. Их глаза горели азартом, а смех звучал, как перезвон хрустальных колокольчиков.

Но для Аи вся эта феерия оставалась далёким сиянием — будто она смотрела на фейерверк сквозь мутное стекло. Чувствуя себя невидимой пылинкой в вихре чужого счастья и радости. Мысли, как заколдованный колодец, хранили лишь одно послание: *«Тот, кто слышит эхо забытых ветров, найдёт путь сквозь тени».*

Слова с броши пульсировали в сознании, требуя разгадки, требуя действий.

Ая ускользнула в библиотеку, словно нырнула в омут покоя посреди бушующего моря.

Внутри библиотеки была бархатная тишина, окутывающая теплым уютом. В этот час читальный зал был пуст, и время здесь текло по своим законам.

Знакомый фолиант ждал на полке. Потемневшая обложка мерцала, будто храня в себе дыхание древних тайн. Девушка провела пальцами по корешку — поверхность дрогнула, отзываясь на прикосновение, словно живая.

Устроившись в любимом кресле у окна, она открыла книгу. И мир перестал существовать. Страницы оживали под пальцами. Руны мерцали, сплетаясь в узоры, пульсирующие в такт с её дыханием. Текст рассказывал о древнем искусстве настройки на дыхание стихий — о том, как стать живым приёмником забытых заклинаний, резонатором магических вибраций.

Ая не столько читала, сколько проживала каждую строку. Сознание расширялось, сливаясь с ритмами, описанными в фолианте. Книга поглощала её, а она — впитывала мудрость забытых времён. Время растворилось. Остался только шелест страниц, мерцание рун и нарастающее ощущение близости разгадки.

Вдруг взгляд зацепился за последнюю строку главы — она пульсировала, выделяясь из общего текста:

«Ищи не в книгах, а в ветрах. Не в словах, а в паузах между ними. Ключ — в моменте, когда реальность сливается с грёзой. Но помни: те, кто слышат слишком ясно, часто теряют себя в шуме собственных эхо».

Сердце забилось чаще. Это было одновременно и откровение, и предостережение. Что это могло значить? Она закрыла глаза, пытаясь удержать ускользающие нити смысла.

Внезапно её пронзила дрожь. Не от холода — от чужого присутствия. Чтото неуловимое коснулось края её восприятия. Волосы на затылке встали дыбом.

«Кто-то наблюдает», — пронеслось в сознании.

Ая медленно повернула голову. В нескольких шагах от неё стоял Адриан Де Мор.

Его появление было подобно вспышке ледяной молнии в ясном небе. Чёрные волосы, будто сплетённые из сгустков сумерек, обрамляли лицо, высеченное из мрамора рукой гениального скульптора. В глазах холодный блеск полированной стали. Поза излучала холодную

грацию хищника, он не просто стоял, а доминировал над пространством, превращая теплый уют в декорацию для своего молчаливого, почти гипнотического присутствия.

— Что вы читаете? — произнёс он. Его голос звучал, как скрежет металла по стеклу — чистый, режущий, с привкусом вечного льда. В нём не было ни тепла, ни участия, лишь холодная заинтересованность коллекционера, обнаружившего редкий артефакт.

Ая с трудом оторвала взгляд от его глаз. Сердце колотилось, как пойманная птица в ладонях охотника. Мысли разбегались, будто мыши в разворошённом амбаре.

— Ищу способ — она запнулась, подбирая слова. — Пытаюсь понять, как настроиться на дыхание стихий. Как услышать то, о чём говорится в этом тексте.

Адриан шагнул ближе. Его присутствие давило, как магический купол, сковывающий дыхание.

— И что вас привело к этой книге? — голос оставался ровным, но в нём сквозила настороженность. В глубине глаз тлел немой вопрос, словно уголёк, занесённый ветром в ледяную пещеру.

Ая колебалась. Можно ли доверять сыну главного магистра? Илай предупреждал: *«Его мотивы скрыты глубже океанских впадин»*. Но сейчас она была загнана в угол.

Собравшись с духом, она вытащила брошь из кармана. Металл обжёг пальцы, будто предупреждая.

— Я нашла эту вещицу, — голос дрогнул, выдавая волнение. — Хочу понять, что это за артефакт и какую тайну он хранит.

Адриан взял брошь. Пальцы сомкнулись вокруг металла — руны вспыхнули алым, будто протестуя против чужого прикосновения. Он повертел артефакт, изучая гравировку. Лицо оставалось непроницаемым, лишь в глазах мелькнула тень острого любопытства — будто перед ним раскрылась дверь в неизведанную пещеру, полную древних сокровищ и неведомых опасностей.

— Любопытная находка, — наконец произнёс он, возвращая брошь Ае. Голос попрежнему звучал ровно, но в глубине зрачков плескалась волна невысказанных вопросов. — Будьте осторожны, Ая. Некоторые загадки лучше не разгадывать в одиночку.

Не сказав больше ни слова, развернулся и вышел, оставив после себя шлейф аромата дорогого одеколona и ощущение незавершённого разговора, как незаконченная мелодия, оборвавшаяся на полуноте.

Когда шаги Адриана затихли, Ая вновь осталась наедине со своими мыслями. Что скрывал Адриан? Был ли он ключом к разгадке или частью головоломки, которую ей предстояло решить? Его реакция на брошь — смесь настороженности и жгучего интереса — не давала покоя.

Ая закрыла книгу, пальцы дрожали. Она понимала: слова требуют действий.

Вернув фолиант на место, девушка вышла из библиотеки. Коридоры Академии встретили гулом предвкушения. Но она не замечала суеты. Сознание было сосредоточено на одной цели — услышать эхо забытых ветров. Новое послание как будто не приблизило к разгадке.

Ноги сами привели к чёрному озеру — её убежищу, месту силы, где мир будто замедлял своё дыхание.

Она опустилась на прохладную каменную скамью у кромки воды. Закат, словно придворный художник, готовившийся к великому событию, одел небо в свой самый роскошный наряд: багряные, золотые, пурпурные оттенки сплетались в причудливый узор, бросая отблески на поверхность озера. Вода мерцала, отражая этот фейерверк красок, создавая иллюзию бесконечного пространства, где реальность сливалась с грёзой. Лёгкий ветерок играл с волосами, принося с собой ароматы вечернего леса и шёпот листвы.

Ая закрыла глаза, позволяя себе раствориться в моменте. Шум Академии, гул предвкушения бала — всё отступило, оставив её наедине с дыханием мира.

Сначала — тишина. Затем — слабый шёпот, будто далёкие голоса напевали незнакомую песню. Она пыталась уловить слова, но они ускользали, как капли росы на рассвете. Это было похоже на попытку разобрать иностранную речь — звуки складывались в узоры, но смысла не было.

«Я не слышу не чувствую» — паника начала закрадываться в сознание.

Но тут она вспомнила слова из фолианта: *«Ключ — в моменте, когда реальность сливается с грёзой»*.

Ая расслабилась, позволяя себе погрузиться в ощущения: тепло камня под спиной, лёгкое прикосновение ветра к коже, мерцание заката на закрытых веках, пульсация магического поля, обволакивающая её, как колыбель забытых снов.

И тогда Она услышала. Не слова. Не фразы. Ритмы. Мелодия, сотканная из вздохов ветра, шороха листьев, звона хрустальных капель. Она звучала не снаружи, а внутри её сознания. Ая пыталась удержать этот узор, но он ускользал, как туман на рассвете.

Ветер шептал, играл с её сознанием, будто пытаясь что-то донести. Голоса становились то громче, то тише, сплетались в причудливые узоры, распадались и возникали вновь. Это было похоже на танец забытых духов — завораживающий, но пугающий своей непостижимостью.

Каждая попытка уловить смысл приносила лишь крупинки ощущений — отголоски древних заклинаний, эхо забытых песен, шёпот стихий, сплетающийся в неразборчивую, но чарующую мелодию.

Когда первые звёзды зажглись на небе, Ая открыла глаза. Закат догорал, оставляя после себя пурпурные отблески на поверхности озера, будто художник случайно пролил краски на холст вечности.

Эхо забытых ветров ждало. И она должна была научиться его слышать.

Глава 9: «Грани слуха»

Утро выдалось ясным, будто само небо радовалось приближению великого события. Новый день вибрировал от напряжённого ожидания. Предстоящий Бал — событие столь редкое, что его ждали как великого парада планет, — наполнил древние стены пульсирующей жизнью. Это был не просто праздник; это был момент, когда магия переставала быть сухой дисциплиной и становилась чистым восторгом, облаченным в шелк и кружева.

Атмосфера в коридорах сделалась густой, как разогретый воск, и сладкой от предвкушения. Сдержанная строгость учебных будней рассыпалась, уступая место нарядному хаосу. Повсюду слышался торопливый шелест атласа, звонкий смех, взволнованное перешёптывание.

Нетерпение стало почти осязаемым — оно дрожало в кончиках пальцев, когда девушки практиковали заклинания невидимых румян, и горело в глазах юношей, втайне репетирующих сложные па старинных танцев.

Ожидание стало прекраснее самого торжества — то самое томительное, драгоценное мгновение перед тем, как первая скрипка коснется смычком струн и мир окончательно и бесповоротно превратится в сказку.

Даже самые суровые магистры сегодня выглядели чуть менее неприступными, а их серебряные мантии, казалось, сияли мягче под гнетом всеобщего ожидания.

Для Аи этот фон всеобщего возбуждения оставался далёким гулом. Сознание бережно хранило эхо новых открытий. Она пыталась уложить в голове обрывки знаний о пограничных состояниях, о настройке на дыхание стихий — но каждая попытка упорядочить мысли приводила лишь к новым вопросам.

На занятиях она сидела, внешне погружённая в учёбу, но внутри был вихрь образов и ощущений. Ая представляла, как звучит мир за пределами слышимого диапазона, как сплетаются мелодии ветра и теней, как пульсируют руны забытых заклинаний. Пальцы невольно сжимали край пергамента, а взгляд порой затухал, уплывая в глубины собственных размышлений.

На лекции по придворной магии обстановка достигла пика рассеянности. Магистр Кассиан, тщетно пытался собрать всеобщее внимание и вернуть студентов к теме занятия.

— Итак, сегодня мы разберём основы создания иллюзорных декораций для праздничных мероприятий, — начал он, но слова тонули в фоновом шуме перешёптываний и случайных смешков.

Студенты, рассеянно водили перьями по пергаменту, но строки не складывались в осмысленные фразы.

Магистр Кассиан вздохнул, провёл рукой по лицу, будто стирая усталость этого беспокойного дня, и внезапно объявил:

— Раз вы так воодушевлены предвкушением бала, выполните следующее задание: перепишите главу о придворных танцах из «Истории магических ритуалов». Может, хоть это вас займёт!

По аудитории пронёсся сдержанный вздох облегчения. Студенты переглянулись, и на их лицах расцвели улыбки. Никто всерьёз не собирался писать.

Ая рассеянно водила пером по пергаменту. Буквы расплывались перед глазами, сливаясь в причудливые узоры. Мысли кружились вихрем вокруг новых откровений: эхо забытых ветров, пограничные состояния, настройка на дыхание стихий. Время тянулось бесконечно, будто вязкая смола.

После занятий, когда солнце начало клониться к закату, Ая ускользнула к чёрному озеру — своему убежищу, месту, где мир будто замедлял дыхание.

Небо пылало, будто художник с безграничной фантазией и отменным вкусом разлил по холсту краски из драгоценных флаконов: багряные всполохи, золотые полосы, пурпурные раз-

воды, алые блики. Отражение заката в чёрной воде озера создавало иллюзию иного измерения — будто под поверхностью скрывался лабиринт из расплавленных драгоценных камней.

Ая опустилась на прохладную каменную скамью у берега. Взгляд скользил по переливам красок, впитывая великолепие момента. Она наблюдала, как меняются оттенки, а последние лучи солнца касаются водной глади, рождая причудливые узоры.

Постепенно внимание переключилось со зрительных впечатлений на слуховые. Она закрыла глаза, пытаясь уловить, как звучит эта красота — как поют краски заката, шепчет озеро и дышит сад. Сначала — лишь фоновый шум мира. Затем — тонкие переливы, будто далёкие струны арфы, едва уловимые шорохи листвы, приглушённые вздохи ветра.

Девушка позволила себе раствориться в этом хоре звуков, отпустив поток мыслей. И тогда реальность начала размываться по краям, как акварель под каплей воды. Границы между мирами истончились. Ая оказалась в странном пространстве, где законы привычной реальности теряли силу.

Вокруг кружились вихри из серебристой пыли, формируя арки и лестницы, ведущие в никуда. В воздухе висели обрывки фраз, звучащие на забытых языках. Тени древних магов бормотали заклинания, их силуэты мерцали, как отражения в кривом зеркале. Время то замирало, то ускорялось, сбивая с толку.

Ая услышала еле уловимый, как шелест ветра голос.

— Ты ищешь ключ, — прозвучал голос, будто исходящий отовсюду и ниоткуда. — Но ключ — это ты сама. Способность слышать — вот истинное сокровище.

Перед девушкой возникла развилка трёх путей:

— Выбери путь. Но помни: истинный путь — это не цель, а движение между крайностями.

В сознании Аи зазвучали три мелодии — каждая соответствовала одному из путей. Она прислушалась: мелодия Синего Пламени напоминала звон ледяных колокольчиков, пронзительный и одинокий. Мелодия Лунной Тени — шёпот теней, завораживающий, но леденящий кровь. Мелодия Гармоничного Дыхания — переливчатый хор ветра, листвы и ручьёв, полный живого, трепетного тепла.

Сердце откликнулось на третью мелодию. Она глубоко вдохнула, позволяя звукам наполнить себя. Мир вокруг замер. Когда девушка открыла глаза, вихри рассеялись, оставив после себя лишь лёгкое мерцание.

Ая ощутила, как в ладони формируется кристалл, пульсирующий всеми оттенками синего. Его поверхность была испещрена рунами, которые оживали, сплетаясь в мелодии.

— Камень Гармонии станет твоим проводником, — произнёс голос. — Он поможет тебе настраиваться на дыхание стихий. Но помни: сила требует равновесия. Слишком глубокое погружение в пограничные состояния может разорвать связь между мирами. Ты рискуешь потерять себя в шуме собственных эхо.

Вернувшись в реальность, Ая поднялась со скамьи. Луна уже взошла, заливая окрестности призрачным светом. Тени удлиннились, придавая пейзажу таинственность.

По пути она заметила Адриана. Лунный свет окутывал его, словно драгоценная вуаль, подчёркивая безупречные линии фигуры и резкие, но изысканные черты лица. Поза излучала холодную грацию.

Его красота в этот миг казалась воплощением ночной стихии — опасной, завораживающей, недостижимой. Лунный свет играл на поверхности его плаща, создавая иллюзию мерцания, а контуры лица будто размывались, сливаясь с окружающей тьмой. В этом призрачном сиянии он выглядел как живое олицетворение древних легенд — прекрасный и недоступный, хранящий тёмные тайны.

Ая хотела пройти мимо, затеряться в тени деревьев, но он окликнул её:

— Ая.

Голос звучал низко и ровно, лишённый какихлибо эмоций, но в нём таилась скрытая напряжённость. Он шагнул ближе, и лунный свет очертил его силуэт.

— Вы выглядите сосредоточенной, — заметил он, изучая её взглядом, в котором читалось что-то между любопытством и предостережением. — Будто носите в себе эхо забытых миров.

Ая сглотнула. Кристалл в кармане пульсировал, будто предупреждая о чём-то. Она не была готова делиться своими открытиями — особенно с ним.

— Я учусь слушать мир, — ответила она сдержанно, избегая прямого упоминания о камне. — Пытаюсь уловить дыхание стихий.

Адриан склонил голову набок, глаза впились в её лицо, будто пытаясь проникнуть в самые потаённые уголки сознания. В лунном свете его взгляд оставался ледяным, непроницаемым — как бездонная пропасть, скрытая за маской безупречной красоты.

— Любопытно, — произнёс он наконец. Тон был ровным, почти небрежным, но в нём чувствовалась скрытая настороженность. — Редкий дар. Но помните: такие способности привлекают внимание недоброжелателей.

Он помолчал, взвешивая слова, а затем добавил с оттенком ленивой небрежности:

— Если встретите трудности — найдите меня. Я помогу.

Слова повисли в воздухе, полные скрытого подтекста. Было ли это искренним предложением помощи или тонкой ловушкой? Ая не могла разгадать его истинных намерений.

Девушка попрощалась с Адрианом и продолжила путь. Его образ, окутанный лунным сиянием, ещё долго стоял перед её внутренним взором.

Роскошная комната в Академии встретила её мягким мерцанием магических светильников. В камине тихо потрескивали поленья, создавая уют. Но Ая не чувствовала покоя.

Она села у окна, глядя на тёмный сад. Лунный свет рисовал на стёклах причудливые узоры. В сознании пульсировали новые возможности. Ветер за окном шептал что-то неразборчивое. Кристалл в ладони слабо пульсировал, будто отвечая на этот шёпот.

Мир вокруг становился всё более зыбким, границы между реальностью и грёзой размывались. Впереди маячили очертания неведомых испытаний — но какие именно? Этого Ая не знала.

Ночь дышала тайной. Луна освещала путь к неведомым горизонтам. И Ая шагала вперёд — навстречу судьбе, сплетённой из грёз и реальности, навстречу тому, что ждало её за гранью слышимого.

Утро выдалось ясным, будто само небо радовалось приближению великого события. Новый день вибрировал от напряжённого ожидания. Предстоящий Бал — событие столь редкое, что его ждали как великого парада планет, — наполнил древние стены пульсирующей жизнью. Это был не просто праздник; это был момент, когда магия переставала быть сухой дисциплиной и становилась чистым восторгом, облаченным в шелк и кружева.

Атмосфера в коридорах сделалась густой, как разогретый воск, и сладкой от предвкушения. Сдержанная строгость учебных будней рассыпалась, уступая место нарядному хаосу. Повсюду слышался торопливый шелест атласа, звонкий смех, взволнованное перешёптывание.

Нетерпение стало почти осязаемым — оно дрожало в кончиках пальцев, когда девушки практиковали заклинания невидимых румян, и горело в глазах юношей, втайне репетирующих сложные па старинных танцев.

Ожидание стало прекраснее самого торжества — то самое томительное, драгоценное мгновение перед тем, как первая скрипка коснется смычком струн и мир окончательно и бесповоротно превратится в сказку.

Даже самые суровые магистры сегодня выглядели чуть менее неприступными, а их серебряные мантии, казалось, сияли мягче под гнетом всеобщего ожидания.

Для Аи этот фон всеобщего возбуждения оставался далёким гулом. Сознание бережно хранило эхо новых открытий. Она пыталась уложить в голове обрывки знаний о пограничных состояниях, о настройке на дыхание стихий — но каждая попытка упорядочить мысли приводила лишь к новым вопросам.

На занятиях она сидела, внешне погружённая в учёбу, но внутри был вихрь образов и ощущений. Ая представляла, как звучит мир за пределами слышимого диапазона, как сплетаются мелодии ветра и теней, как пульсируют руны забытых заклинаний. Пальцы невольно сжимали край пергамента, а взгляд порой затухал, уплывая в глубины собственных размышлений.

На лекции по придворной магии обстановка достигла пика рассеянности. Магистр Кассиан, тщетно пытался собрать всеобщее внимание и вернуть студентов к теме занятия.

— Итак, сегодня мы разберём основы создания иллюзорных декораций для праздничных мероприятий, — начал он, но слова тонули в фоновом шуме перешёптываний и случайных смешков.

Студенты, рассеянно водили перьями по пергаменту, но строки не складывались в осмысленные фразы.

Магистр Кассиан вздохнул, провёл рукой по лицу, будто стирая усталость этого беспокойного дня, и внезапно объявил:

— Раз вы так воодушевлены предвкушением бала, выполните следующее задание: перепишите главу о придворных танцах из «Истории магических ритуалов». Может, хоть это вас займёт!

По аудитории пронёсся сдержанный вздох облегчения. Студенты переглянулись, и на их лицах расцвели улыбки. Никто всерьёз не собирался писать.

Ая рассеянно водила пером по пергаменту. Буквы расплывались перед глазами, сливаясь в причудливые узоры. Мысли кружились вихрем вокруг новых откровений: эхо забытых ветров, пограничные состояния, настройка на дыхание стихий. Время тянулось бесконечно, будто вязкая смола.

После занятий, когда солнце начало клониться к закату, Ая ускользнула к чёрному озеру — своему убежищу, месту, где мир будто замедлял дыхание.

Небо пылало, будто художник с безграничной фантазией и отменным вкусом разлил по холсту краски из драгоценных флаконов: багряные всполохи, золотые полосы, пурпурные разводы, алые блики. Отражение заката в чёрной воде озера создавало иллюзию иного измерения — будто под поверхностью скрывался лабиринт из расплавленных драгоценных камней.

Ая опустилась на прохладную каменную скамью у берега. Взгляд скользил по переливам красок, впитывая великолепие момента. Она наблюдала, как меняются оттенки, а последние лучи солнца касаются водной глади, рождая причудливые узоры.

Постепенно внимание переключилось со зрительных впечатлений на слуховые. Она закрыла глаза, пытаясь уловить, как звучит эта красота — как поют краски заката, шепчет озеро и дышит сад. Сначала — лишь фоновый шум мира. Затем — тонкие переливы, будто далёкие струны арфы, едва уловимые шорохи листвы, приглушённые вздохи ветра.

Девушка позволила себе раствориться в этом хоре звуков, отпустив поток мыслей. И тогда реальность начала размываться по краям, как акварель под каплей воды. Границы между мирами истончились. Ая оказалась в странном пространстве, где законы привычной реальности теряли силу.

Вокруг кружились вихри из серебристой пыли, формируя арки и лестницы, ведущие в никуда. В воздухе висели обрывки фраз, звучащие на забытых языках. Тени древних магов бормотали заклинания, их силуэты мерцали, как отражения в кривом зеркале. Время то замирало, то ускорялось, сбивая с толку.

Ая услышала еле уловимый, как шелест ветра голос.

— Ты ищешь ключ, — прозвучал голос, будто исходящий отовсюду и ниоткуда. — Но ключ — это ты сама. Способность слышать — вот истинное сокровище.

Перед девушкой возникла развилка трёх путей:

— Выбери путь. Но помни: истинный путь — это не цель, а движение между крайностями.

В сознании Аи зазвучали три мелодии — каждая соответствовала одному из путей. Она прислушалась: мелодия Синего Пламени напоминала звон ледяных колокольчиков, пронзительный и одинокий. Мелодия Лунной Тени — шёпот теней, завораживающий, но леденящий кровь. Мелодия Гармоничного Дыхания — переливчатый хор ветра, листвы и ручьёв, полный живого, трепетного тепла.

Сердце откликнулось на третью мелодию. Она глубоко вдохнула, позволяя звукам наполнить себя. Мир вокруг замер. Когда девушка открыла глаза, вихри рассеялись, оставив после себя лишь лёгкое мерцание.

Ая ощутила, как в ладони формируется кристалл, пульсирующий всеми оттенками синего. Его поверхность была испещрена рунами, которые оживали, сплетаясь в мелодии.

— Камень Гармонии станет твоим проводником, — произнёс голос. — Он поможет тебе настраиваться на дыхание стихий. Но помни: сила требует равновесия. Слишком глубокое погружение в пограничные состояния может разорвать связь между мирами. Ты рискуешь потерять себя в шуме собственных эхо.

Вернувшись в реальность, Ая поднялась со скамьи. Луна уже взошла, заливая окрестности призрачным светом. Тени удлинились, придавая пейзажу таинственность.

По пути она заметила Адриана. Лунный свет окутывал его, словно драгоценная вуаль, подчёркивая безупречные линии фигуры и резкие, но изысканные черты лица. Поза излучала холодную грацию.

Его красота в этот миг казалась воплощением ночной стихии — опасной, завораживающей, недостижимой. Лунный свет играл на поверхности его плаща, создавая иллюзию мерцания, а контуры лица будто размывались, сливаясь с окружающей тьмой. В этом призрачном сиянии он выглядел как живое олицетворение древних легенд — прекрасный и недоступный, хранящий тёмные тайны.

Ая хотела пройти мимо, затеряться в тени деревьев, но он окликнул её:

— Ая.

Голос звучал низко и ровно, лишённый каких-либо эмоций, но в нём таилась скрытая напряжённость. Он шагнул ближе, и лунный свет очертил его силуэт.

— Вы выглядите сосредоточенной, — заметил он, изучая её взглядом, в котором читалось что-то между любопытством и предостережением. — Будто носите в себе эхо забытых миров.

Ая сглотнула. Кристалл в кармане пульсировал, будто предупреждая о чём-то. Она не была готова делиться своими открытиями — особенно с ним.

— Я учусь слушать мир, — ответила она сдержанно, избегая прямого упоминания о камне. — Пытаюсь уловить дыхание стихий.

Адриан склонил голову набок, глаза впились в её лицо, будто пытаясь проникнуть в самые потаённые уголки сознания. В лунном свете его взгляд оставался ледяным, непроницаемым — как бездонная пропасть, скрытая за маской безупречной красоты.

— Любопытно, — произнёс он наконец. Тон был ровным, почти небрежным, но в нём чувствовалась скрытая настороженность. — Редкий дар. Но помните: такие способности привлекают внимание недоброжелателей.

Он помолчал, взвешивая слова, а затем добавил с оттенком ленивой небрежности:

— Если встретите трудности — найдите меня. Я помогу.

Слова повисли в воздухе, полные скрытого подтекста. Было ли это искренним предложением помощи или тонкой ловушкой? Ая не могла разгадать его истинных намерений.

Девушка попрощалась с Адрианом и продолжила путь. Его образ, окутанный лунным сиянием, ещё долго стоял перед её внутренним взором.

Роскошная комната в Академии встретила её мягким мерцанием магических светильников. В камине тихо потрескивали поленья, создавая уют. Но Ая не чувствовала покоя.

Она села у окна, глядя на тёмный сад. Лунный свет рисовал на стёклах причудливые узоры. В сознании пульсировали новые возможности. Ветер за окном шептал что-то неразборчивое. Кристалл в ладони слабо пульсировал, будто отвечая на этот шёпот.

Мир вокруг становился всё более зыбким, границы между реальностью и грёзой размывались. Впереди маячили очертания неведомых испытаний — но какие именно? Этого Ая не знала.

Ночь дышала тайной. Луна освещала путь к неведомым горизонтам. И Ая шагала вперёд — навстречу судьбе, сплетённой из грёз и реальности, навстречу тому, что ждало её за гранью слышимого.

Утро выдалось ясным, будто само небо радовалось приближению великого события. Новый день вибрировал от напряжённого ожидания. Предстоящий Бал — событие столь редкое, что его ждали как великого парада планет, — наполнил древние стены пульсирующей жизнью. Это был не просто праздник; это был момент, когда магия переставала быть сухой дисциплиной и становилась чистым восторгом, облаченным в шелк и кружева.

Атмосфера в коридорах сделалась густой, как разогретый воск, и сладкой от предвкушения. Сдержанная строгость учебных будней рассыпалась, уступая место нарядному хаосу. Повсюду слышался торопливый шелест атласа, звонкий смех, взволнованное перешёптывание.

Нетерпение стало почти осязаемым — оно дрожало в кончиках пальцев, когда девушки практиковали заклинания невидимых румян, и горело в глазах юношей, втайне репетирующих сложные па старинных танцев.

Ожидание стало прекраснее самого торжества — то самое томительное, драгоценное мгновение перед тем, как первая скрипка коснется смычком струн и мир окончательно и бесповоротно превратится в сказку.

Даже самые суровые магистры сегодня выглядели чуть менее неприступными, а их серебряные мантии, казалось, сияли мягче под гнетом всеобщего ожидания.

Для Аи этот фон всеобщего возбуждения оставался далёким гулом. Сознание бережно хранило эхо новых открытий. Она пыталась уложить в голове обрывки знаний о пограничных состояниях, о настройке на дыхание стихий — но каждая попытка упорядочить мысли приводила лишь к новым вопросам.

На занятиях она сидела, внешне погружённая в учёбу, но внутри был вихрь образов и ощущений. Ая представляла, как звучит мир за пределами слышимого диапазона, как сплетаются мелодии ветра и теней, как пульсируют руны забытых заклинаний. Пальцы невольно сжимали край пергамента, а взгляд порой затухал, уплывая в глубины собственных размышлений.

На лекции по придворной магии обстановка достигла пика рассеянности. Магистр Кассиан, тщетно пытался собрать всеобщее внимание и вернуть студентов к теме занятия.

— Итак, сегодня мы разберём основы создания иллюзорных декораций для праздничных мероприятий, — начал он, но слова тонули в фоновом шуме перешёптываний и случайных смешков.

Студенты, рассеянно водили перьями по пергаменту, но строки не складывались в осмысленные фразы.

Магистр Кассиан вздохнул, провёл рукой по лицу, будто стирая усталость этого беспокойного дня, и внезапно объявил:

— Раз вы так воодушевлены предвкушением бала, выполните следующее задание: перепишите главу о придворных танцах из «Истории магических ритуалов». Может, хоть это вас займёт!

По аудитории пронёсся сдержанный вздох облегчения. Студенты переглянулись, и на их лицах расцвели улыбки. Никто всерьёз не собирался писать.

Ая рассеянно водила пером по пергаменту. Буквы расплывались перед глазами, сливаясь в причудливые узоры. Мысли кружились вихрем вокруг новых откровений: эхо забытых ветров, пограничные состояния, настройка на дыхание стихий. Время тянулось бесконечно, будто вязкая смола.

После занятий, когда солнце начало клониться к закату, Ая ускользнула к чёрному озеру — своему убежищу, месту, где мир будто замедлял дыхание.

Небо пылало, будто художник с безграничной фантазией и отменным вкусом разлил по холсту краски из драгоценных флаконов: багряные всполохи, золотые полосы, пурпурные разводы, алые блики. Отражение заката в чёрной воде озера создавало иллюзию иного измерения — будто под поверхностью скрывался лабиринт из расплавленных драгоценных камней.

Ая опустилась на прохладную каменную скамью у берега. Взгляд скользил по переливам красок, впитывая великолепие момента. Она наблюдала, как меняются оттенки, а последние лучи солнца касаются водной глади, рождая причудливые узоры.

Постепенно внимание переключилось со зрительных впечатлений на слуховые. Она закрыла глаза, пытаясь уловить, как звучит эта красота — как поют краски заката, шепчет озеро и дышит сад. Сначала — лишь фоновый шум мира. Затем — тонкие переливы, будто далёкие струны арфы, едва уловимые шорохи листвы, приглушённые вздохи ветра.

Девушка позволила себе раствориться в этом хоре звуков, отпустив поток мыслей. И тогда реальность начала размываться по краям, как акварель под каплей воды. Границы между мирами истончились. Ая оказалась в странном пространстве, где законы привычной реальности теряли силу.

Вокруг кружились вихри из серебристой пыли, формируя арки и лестницы, ведущие в никуда. В воздухе висели обрывки фраз, звучащие на забытых языках. Тени древних магов бормотали заклинания, их силуэты мерцали, как отражения в кривом зеркале. Время то замирало, то ускорялось, сбивая с толку.

Ая услышала еле уловимый, как шелест ветра голос.

— Ты ищешь ключ, — прозвучал голос, будто исходящий отовсюду и ниоткуда. — Но ключ — это ты сама. Способность слышать — вот истинное сокровище.

Перед девушкой возникла развилка трёх путей:

— Выбери путь. Но помни: истинный путь — это не цель, а движение между крайностями.

В сознании Аи зазвучали три мелодии — каждая соответствовала одному из путей. Она прислушалась: мелодия Синего Пламени напоминала звон ледяных колокольчиков, пронзительный и одинокий. Мелодия Лунной Тени — шёпот теней, завораживающий, но леденящий кровь. Мелодия Гармоничного Дыхания — переливчатый хор ветра, листвы и ручьёв, полный живого, трепетного тепла.

Сердце откликнулось на третью мелодию. Она глубоко вдохнула, позволяя звукам наполнить себя. Мир вокруг замер. Когда девушка открыла глаза, вихри рассеялись, оставив после себя лишь лёгкое мерцание.

Ая ощутила, как в ладони формируется кристалл, пульсирующий всеми оттенками синего. Его поверхность была испещрена рунами, которые оживали, сплетаясь в мелодии.

— Камень Гармонии станет твоим проводником, — произнёс голос. — Он поможет тебе настроиться на дыхание стихий. Но помни: сила требует равновесия. Слишком глубо-

кое погружение в пограничные состояния может разорвать связь между мирами. Ты рискуешь потерять себя в шуме собственных эхо.

Вернувшись в реальность, Ая поднялась со скамьи. Луна уже вошла, заливая окрестности призрачным светом. Тени удлиннились, придавая пейзажу таинственность.

По пути она заметила Адриана. Лунный свет окутывал его, словно драгоценная вуаль, подчёркивая безупречные линии фигуры и резкие, но изысканные черты лица. Поза излучала холодную грацию.

Его красота в этот миг казалась воплощением ночной стихии — опасной, завораживающей, недостижимой. Лунный свет играл на поверхности его плаща, создавая иллюзию мерцания, а контуры лица будто размывались, сливаясь с окружающей тьмой. В этом призрачном сиянии он выглядел как живое олицетворение древних легенд — прекрасный и недоступный, хранящий тёмные тайны.

Ая хотела пройти мимо, затеряться в тени деревьев, но он окликнул её:

— Ая.

Голос звучал низко и ровно, лишённый каких-либо эмоций, но в нём таилась скрытая напряжённость. Он шагнул ближе, и лунный свет очертил его силуэт.

— Вы выглядите сосредоточенной, — заметил он, изучая её взглядом, в котором читалось что-то между любопытством и предостережением. — Будто носите в себе эхо забытых миров.

Ая сглотнула. Кристалл в кармане пульсировал, будто предупреждая о чём-то. Она не была готова делиться своими открытиями — особенно с ним.

— Я учусь слушать мир, — ответила она сдержанно, избегая прямого упоминания о камне. — Пытаюсь уловить дыхание стихий.

Адриан склонил голову набок, глаза впились в её лицо, будто пытаясь проникнуть в самые потаённые уголки сознания. В лунном свете его взгляд оставался ледяным, непроницаемым — как бездонная пропасть, скрытая за маской безупречной красоты.

— Любопытно, — произнёс он наконец. Тон был ровным, почти небрежным, но в нём чувствовалась скрытая настороженность. — Редкий дар. Но помните: такие способности привлекают внимание недоброжелателей.

Он помолчал, взвешивая слова, а затем добавил с оттенком ленивой небрежности:

— Если встретите трудности — найдите меня. Я помогу.

Слова повисли в воздухе, полные скрытого подтекста. Было ли это искренним предложением помощи или тонкой ловушкой? Ая не могла разгадать его истинных намерений.

Девушка попрощалась с Адрианом и продолжила путь. Его образ, окутанный лунным сиянием, ещё долго стоял перед её внутренним взором.

Роскошная комната в Академии встретила её мягким мерцанием магических светильников. В камине тихо потрескивали поленья, создавая уют. Но Ая не чувствовала покоя.

Она села у окна, глядя на тёмный сад. Лунный свет рисовал на стёклах причудливые узоры. В сознании пульсировали новые возможности. Ветер за окном шептал что-то неразборчивое. Кристалл в ладони слабо пульсировал, будто отвечая на этот шёпот.

Мир вокруг становился всё более зыбким, границы между реальностью и грёзой размывались. Впереди маячили очертания неведомых испытаний — но какие именно? Этого Ая не знала.

Ночь дышала тайной. Луна освещала путь к неведомым горизонтам. И Ая шагала вперёд — навстречу судьбе, сплетённой из грёз и реальности, навстречу тому, что ждало её за гранью слышимого.

Утро выдалось ясным, будто само небо радовалось приближению великого события. Новый день вибрировал от напряжённого ожидания. Предстоящий Бал — событие столь редкое, что его ждали как великого парада планет, — наполнил древние стены пульсирующей

жизнью. Это был не просто праздник; это был момент, когда магия переставала быть сухой дисциплиной и становилась чистым восторгом, облаченным в шелк и кружева.

Атмосфера в коридорах сделалась густой, как разогретый воск, и сладкой от предвкушения. Сдержанная строгость учебных будней рассыпалась, уступая место нарядному хаосу. Повсюду слышался торопливый шелест атласа, звонкий смех, взволнованное перешёптывание.

Нетерпение стало почти осязаемым — оно дрожало в кончиках пальцев, когда девушки практиковали заклинания невидимых румян, и горело в глазах юношей, втайне репетирующих сложные па старинных танцев.

Ожидание стало прекраснее самого торжества — то самое томительное, драгоценное мгновение перед тем, как первая скрипка коснется смычком струн и мир окончательно и бесповоротно превратится в сказку.

Даже самые суровые магистры сегодня выглядели чуть менее неприступными, а их серебряные мантии, казалось, сияли мягче под гнетом всеобщего ожидания.

Для Аи этот фон всеобщего возбуждения оставался далёким гулом. Сознание бережно хранило эхо новых открытий. Она пыталась уложить в голове обрывки знаний о пограничных состояниях, о настройке на дыхание стихий — но каждая попытка упорядочить мысли приводила лишь к новым вопросам.

На занятиях она сидела, внешне погружённая в учёбу, но внутри был вихрь образов и ощущений. Ая представляла, как звучит мир за пределами слышимого диапазона, как сплетаются мелодии ветра и теней, как пульсируют руны забытых заклинаний. Пальцы невольно сжимали край пергамента, а взгляд порой затухал, уплывая в глубины собственных размышлений.

На лекции по придворной магии обстановка достигла пика рассеянности. Магистр Кассиан, тщетно пытался собрать всеобщее внимание и вернуть студентов к теме занятия.

— Итак, сегодня мы разберём основы создания иллюзорных декораций для праздничных мероприятий, — начал он, но слова тонули в фоновом шуме перешёптываний и случайных смешков.

Студенты, рассеянно водили перьями по пергаменту, но строки не складывались в осмысленные фразы.

Магистр Кассиан вздохнул, провёл рукой по лицу, будто стирая усталость этого беспокойного дня, и внезапно объявил:

— Раз вы так воодушевлены предвкушением бала, выполните следующее задание: напишите главу о придворных танцах из «Истории магических ритуалов». Может, хоть это вас займёт!

По аудитории пронёсся сдержанный вздох облегчения. Студенты переглянулись, и на их лицах расцвели улыбки. Никто всерьёз не собирался писать.

Ая рассеянно водила пером по пергаменту. Буквы расплывались перед глазами, сливаясь в причудливые узоры. Мысли кружились вихрем вокруг новых откровений: эхо забытых ветров, пограничные состояния, настройка на дыхание стихий. Время тянулось бесконечно, будто вязкая смола.

После занятий, когда солнце начало клониться к закату, Ая ускользнула к чёрному озеру — своему убежищу, месту, где мир будто замедлял дыхание.

Небо пылало, будто художник с безграничной фантазией и отменным вкусом разлил по холсту краски из драгоценных флаконов: багряные всполохи, золотые полосы, пурпурные разводы, алые блики. Отражение заката в чёрной воде озера создавало иллюзию иного измерения — будто под поверхностью скрывался лабиринт из расплавленных драгоценных камней.

Ая опустила на прохладную каменную скамью у берега. Взгляд скользил по переливам красок, впитывая великолепие момента. Она наблюдала, как меняются оттенки, а последние лучи солнца касаются водной глади, рождая причудливые узоры.

Постепенно внимание переключилось со зрительных впечатлений на слуховые. Она закрыла глаза, пытаясь уловить, как звучит эта красота — как поют краски заката, шепчет озеро и дышит сад. Сначала — лишь фоновый шум мира. Затем — тонкие переливы, будто далёкие струны арфы, едва уловимые шорохи листвы, приглушённые вздохи ветра.

Девушка позволила себе раствориться в этом хоре звуков, отпустив поток мыслей. И тогда реальность начала размываться по краям, как акварель под каплей воды. Границы между мирами истончились. Ая оказалась в странном пространстве, где законы привычной реальности теряли силу.

Вокруг кружились вихри из серебристой пыли, формируя арки и лестницы, ведущие в никуда. В воздухе висели обрывки фраз, звучащие на забытых языках. Тени древних магов бормотали заклинания, их силуэты мерцали, как отражения в кривом зеркале. Время то замирало, то ускорялось, сбивая с толку.

Ая услышала еле уловимый, как шелест ветра голос.

— Ты ищешь ключ, — прозвучал голос, будто исходящий отовсюду и ниоткуда. — Но ключ — это ты сама. Способность слышать — вот истинное сокровище.

Перед девушкой возникла развилка трёх путей:

— Выбери путь. Но помни: истинный путь — это не цель, а движение между крайностями.

В сознании Аи зазвучали три мелодии — каждая соответствовала одному из путей. Она прислушалась: мелодия Синего Пламени напоминала звон ледяных колокольчиков, пронзительный и одинокий. Мелодия Лунной Тени — шёпот теней, завораживающий, но леденящий кровь. Мелодия Гармоничного Дыхания — переливчатый хор ветра, листвы и ручьёв, полный живого, трепетного тепла.

Сердце откликнулось на третью мелодию. Она глубоко вдохнула, позволяя звукам наполнить себя. Мир вокруг замер. Когда девушка открыла глаза, вихри рассеялись, оставив после себя лишь лёгкое мерцание.

Ая ощутила, как в ладони формируется кристалл, пульсирующий всеми оттенками синего. Его поверхность была испещрена рунами, которые оживали, сплетаясь в мелодии.

— Камень Гармонии станет твоим проводником, — произнёс голос. — Он поможет тебе настраиваться на дыхание стихий. Но помни: сила требует равновесия. Слишком глубокое погружение в пограничные состояния может разорвать связь между мирами. Ты рискуешь потерять себя в шуме собственных эхо.

Вернувшись в реальность, Ая поднялась со скамьи. Луна уже взошла, заливая окрестности призрачным светом. Тени удлинились, придавая пейзажу таинственность.

По пути она заметила Адриана. Лунный свет окутывал его, словно драгоценная вуаль, подчёркивая безупречные линии фигуры и резкие, но изысканные черты лица. Поза излучала холодную грацию.

Его красота в этот миг казалась воплощением ночной стихии — опасной, завораживающей, недостижимой. Лунный свет играл на поверхности его плаща, создавая иллюзию мерцания, а контуры лица будто размывались, сливаясь с окружающей тьмой. В этом призрачном сиянии он выглядел как живое олицетворение древних легенд — прекрасный и недоступный, хранящий тёмные тайны.

Ая хотела пройти мимо, затеряться в тени деревьев, но он окликнул её:

— Ая.

Голос звучал низко и ровно, лишённый каких-либо эмоций, но в нём таилась скрытая напряжённость. Он шагнул ближе, и лунный свет очертил его силуэт.

— Вы выглядите сосредоточенной, — заметил он, изучая её взглядом, в котором читалось что-то между любопытством и предостережением. — Будто носите в себе эхо забытых миров.

Ая сглотнула. Кристалл в кармане пульсировал, будто предупреждая о чём-то. Она не была готова делиться своими открытиями — особенно с ним.

— Я учусь слушать мир, — ответила она сдержанно, избегая прямого упоминания о камне. — Пытаюсь уловить дыхание стихий.

Адриан склонил голову набок, глаза впились в её лицо, будто пытаясь проникнуть в самые потаённые уголки сознания. В лунном свете его взгляд оставался ледяным, непроницаемым — как бездонная пропасть, скрытая за маской безупречной красоты.

— Любопытно, — произнёс он наконец. Тон был ровным, почти небрежным, но в нём чувствовалась скрытая настороженность. — Редкий дар. Но помните: такие способности привлекают внимание недоброжелателей.

Он помолчал, взвешивая слова, а затем добавил с оттенком ленивой небрежности:

— Если встретите трудности — найдите меня. Я помогу.

Слова повисли в воздухе, полные скрытого подтекста. Было ли это искренним предложением помощи или тонкой ловушкой? Ая не могла разгадать его истинных намерений.

Девушка попрощалась с Адрианом и продолжила путь. Его образ, окутанный лунным сиянием, ещё долго стоял перед её внутренним взором.

Роскошная комната в Академии встретила её мягким мерцанием магических светильников. В камине тихо потрескивали поленья, создавая уют. Но Ая не чувствовала покоя.

Она села у окна, глядя на тёмный сад. Лунный свет рисовал на стёклах причудливые узоры. В сознании пульсировали новые возможности. Ветер за окном шептал что-то неразборчивое. Кристалл в ладони слабо пульсировал, будто отвечая на этот шёпот.

Мир вокруг становился всё более зыбким, границы между реальностью и грёзой размывались. Впереди маячили очертания неведомых испытаний — но какие именно? Этого Ая не знала.

Ночь дышала тайной. Луна освещала путь к неведомым горизонтам. И Ая шагала вперёд — навстречу судьбе, сплетённой из грёз и реальности, навстречу тому, что ждало её за гранью слышимого.

Глава 10: «Тени забытой памяти»

День приезда Верховного магистра Доминика Де Мора наступил, окутав Академию Люминар атмосферой торжественности. Занятия были отменены — даже самые настойчивые магистры понимали: внимание студентов невозможно собрать в единый фокус. Мысли молодёжи витали, где-то среди мерцающих огней будущего бала, в вихре воображаемых танцевальных па и магических иллюзий.

Ая нехотя поднялась с постели. Её не переполнял радостный трепет, который испытывали другие. Предпраздничная суэта лишь подчёркивала одиночество, будто невидимая стена отделяла её от общего веселья.

Трапезный зал Академии преобразился, Мастера декора вложили в убранство всё своё искусство: стены украшали каскады живых цветов, чьи лепестки переливались мягкими пастельными тонами, словно сотканные из утреннего тумана.

Магические светильники излучали мягкой золотистый свет, наполняя пространство тёплым, живым сиянием. Их свет струился, словно жидкий янтарь, окутывая уютным мерцанием. Золотистые блики танцевали на белоснежных скатертях с вытканными руническими узорами, мерцающими, словно нити лунного света, вспыхивали и искрились в гранях хрустальных бокалов, стоящих на каждом столе.

В центре каждого стола возвышались роскошные букеты — пионы, лилии, фрезии, усыпанные капельками росы. Каждая капля, словно крошечный драгоценный камень, отражала золотистый свет, наполняя пространство мерцающим сиянием.

Воздух был напоён смесью ароматов: тонкий запах цветов смешивался с пряными нотами праздничных зелий, создавая ощущение предвкушения чуда. Но для Аи всё это великолепие казалось чужим, словно декорациями к спектаклю, в котором у неё не было роли.

Блюда, поданные в этот день, были достойны королевского пира: воздушные суфле с лепестками лаванды, кремовые муссы, тающие на языке, миниатюрные пирожные, украшенные съедобными цветами, фруктовые композиции, напоминающие произведения искусства. Ая рассеяно пробовала праздничные угощения, изысканные яства, созданные, казалось, для восхищения, проходили мимо её чувств, не оставляя ни следа удовольствия, ни проблеска наслаждения.

Покинув трапезный зал, девушка направилась к чёрному озеру, где надеялась обрести внутренний баланс и восстановить душевное равновесие.

Солнце заливало окрестности золотым светом. Его лучи, касаясь поверхности озера, рассыпались по чёрной глади мириадами светящихся искр, создавая иллюзию, будто само дно источает магический свет. Зелёная листва деревьев, треплемая лёгким ветерком, что-то ласково шептала, а птицы в кронах напевали невероятно красивые, нежные песни — каждая трель звучала как отдельная мелодия, сплетающаяся в общий хор радости бытия.

Ая механически опустила на каменную скамью. Пальцы коснулись тёплого камня, но даже это простое прикосновение не вызвало отклика в душе. Она попыталась настроиться на Путь Гармоничного Дыхания — слиться с ритмами стихий, ощутить дыхание мира. Но вместо умиротворения её захлестнула волна тоски. Чувство одиночества стало почти физическим — будто невидимые цепи сковывали сердце.

Сознание отказывалось подчиняться. Вместо мелодии ветра и листвы она слышала лишь гул пустоты. Эмоции накатывали волнами. Тоска — глубокая, сосущая, будто рана, которую невозможно зализать. Растерянность — как у потерянного ребёнка, забывшего дорогу домой. Бессилие — ощущение, что все попытки обрести контроль над собой тщетны.

Ая закрыла глаза, пытаясь взять себя в руки. Но чувства накатывали, как прилив, сметая все барьеры. Она разозлилась на свою беспомощность, на неспособность управлять собственным сознанием.

Злость вспыхнула ярким пламенем, обжигая изнутри. И в этом пламени всплыл образ маленького брата. Лука Его ясные глаза, доверчивая улыбка и тонкие ручки, цепляющиеся за её одежду. Ветхая, но такая родная лачуга, запах печного дыма, тепло материнского объятия

К тоске присоединился острый укол страха. Что сейчас с Лукой? Как живёт без неё? Он ведь совсем маленький, не может о себе позаботиться Вопросы кружились в голове, как листья в осеннем вихре.

Слёзы подступили к глазам, но Ая сдержала их. Она не могла позволить себе слабость — не здесь и не сейчас.

Раздираемая противоречивыми чувствами, девушка направилась в обсерваторию Стеклянных Слёз — место, где она иногда встречалась с Илаем. Это здание, построенное из особого хрустала, пропускало свет таким образом, что внутри создавалась иллюзия парящих в воздухе звёздных осколков, в виде капель.

Обсерватория встретила Аю безмолвием, будто сама застыла в ожидании её боли. Хрустальные стены, пропускающие рассеянный свет, создавали иллюзию парящих в воздухе звёздных осколков в виде капель. Каждый блик казался застывшим вздохом, каждая тень — безмолвным свидетелем.

Никого. Ни шороха, ни проблеска магического света, выдающего присутствие Илая.

Ая обошла помещение, заглядывая в каждый уголок. Пусто. Она позвала:

— Илай? Ты здесь?

Тишина ответила эхом, многократно усиливая ощущение одиночества.

Растерянная, она подошла к огромному окну, выходящему на сады Академии. За стеклом проплывали силуэты лениво слоняющихся студентов. Их смех и оживлённые разговоры казались далёкими, как звуки чужого мира.

Мысли кружились в её голове, как вихрь осенних листьев. Как она могла так долго не помнить своего брата? Почему воспоминания о нём всплыли только сейчас, в момент острой эмоциональной уязвимости?

Осознание накрыло её тяжёлой волной: Академия Люминар стирает память. А вместе с памятью — саму суть её личности. Растворяя крупницы самоидентичности в магическом тумане, сотканном из чар учебного заведения.

Ая вспомнила, как не раз открывала дневник памяти, перечитывала собственные записи — будто наблюдала за чужой жизнью. Строки, некогда наполненные болью, радостью, трепетом, теперь звучали отстранённо, как сухое повествование летописца о событиях далёкой эпохи. Сердце не откликалось на эти слова, не вспоминало эмоций, которые, когда жгли душу. Будто каждая страница была покрыта невидимой плёнкой равнодушия, наложенной чужеродной волей.

«Неужели я превращаюсь в пустую оболочку? — пронеслось в сознании. — В сосуд, лишённый прошлого, настоящего и будущего?»

Тут она вспомнила слова Адриана: *«Дорогие сердцу воспоминания можно спрятать в злости. Это — ваш личный тайник, который никто не сможет отнять»*. Мысль о скрытом резерве чувств принесла мимолётное утешение, но тут же растаяла, столкнувшись с бездонной пустотой внутри.

Девушка стояла у окна, чувствуя, как мир вокруг теряет краски. Время перестало иметь значение. Звуки, запахи, даже биение собственного сердца — всё слилось в монотонный гул, поглощающий остатки её воли.

Она опустилась на холодный каменный пол, прижав колени к груди. Пальцы судорожно вцепились в ткань платья, будто пытаясь удержать ускользающие обрывки «я». Воспомина-

ния о брате, о доме, о простых радостях детства пронеслись перед внутренним взором, как обрывки сна. Ая пыталась ухватиться за них, но они ускользали, тая, словно снежинки на ладони. Каждая попытка воскресить в памяти тёплый взгляд Луки, запах родного очага, смех, звучавший когда-то в стенах их лачуги, оборачивалась горьким осознанием: Академия методично вытравливала саму её суть, превращая живую память в музей застывших образов.

Слёзы хлынули ручьём, смывая с души невидимую броню безразличия. Ая плакала — не истерично, не судорожно, а глубоко, изнурительно, высвобождая боль, страх и тоску, которые копились в ней с момента прибытия в Академию. Каждая слеза уносила с собой частицу груза: боль от разлуки с братом, которую она прятала за маской безразличия, страх перед неизвестностью, тоску по утраченному детству, по простым радостям, которые теперь казались нереальными.

Хрустальные стены обсерватории, казалось, впитывали её эмоции, преломляя их в причудливые блики. Тени вокруг неё оживали, принимая формы забытых воспоминаний: вот Лука смеётся, вот руки матери ласково гладят её по волосам, вот родной дом, наполненный теплом и безопасностью.

Время потеряло смысл. Минуты сливались в часы, а часы — в вечность. Ая выплакивала не просто слёзы, а саму себя, пытаясь удержать хотя бы крупинцы утраченного. Её рыдания были тихими, почти беззвучными, но в них заключалась такая сила, что даже магический свет светильников дрожал, отбрасывая неровные тени.

Когда поток слёз иссяк, осталась лишь глубокая, звенящая пустота. Ая подняла голову, её лицо было мокрым от слёз, а глаза — красными и воспалёнными. Но в этой пустоте таилось странное облегчение. Впервые за долгое время она позволила себе быть уязвимой, сбросив маску стоицизма. Впервые признала глубину своей боли — и в этом признании было что-то освобождающее.

Обсерватория по-прежнему хранила молчание, будто уважая её личную катастрофу. Но теперь в этом молчании чудилось и обещание: здесь, среди хрустальных стен, хранящих память о звёздах, она могла найти опору для нового начала.

Ая медленно поднялась, пошатываясь, будто после долгого плавания в бурном море. Она брела по коридорам Академии, не разбирая дороги, пока не оказалась у дверей своей комнаты.

Было ещё день. Солнечный свет струился сквозь витражи, раскрашивая пол причудливыми узорами. Комната встретила уютом: шёлковые шторы, мерцающие гобелены на стенах, аромат цветущих растений, доносящийся из открытого окна.

Она рухнула на кровать, не снимая одежды. Усталость навалилась тяжёлым одеялом. И почти мгновенно сознание погрузилось в спасительные объятия сна — первый за долгое время покой, освобождающий от гнёта мыслей и чувств.

Когда Ая очнулась, за окном сгустились сумерки. Взглянув на часы, она поняла: бал начнётся через час.

Девушка села на кровати, пытаясь собраться с мыслями. Пустота внутри никуда не делась, а ощущалась как бездонный колодезь, в который проваливались любые попытки найти опору.

Взгляд упал на кресло в углу комнаты. Там висело бальное платье — настоящее произведение искусства. Нежно-голубая ткань переливалась, словно морская волна, украшенная вышивкой из серебряных нитей. Юбка, усыпанная крошечными кристаллами, мерцала, будто усеянная звёздами. Корсаж подчёркивал линию плеч, а длинные рукава струились, как крылья ночной бабочки.

Если бы не пустота внутри, надеть такое великолепие доставило бы Ае огромное удовольствие. Но сейчас наряд казался чужим — красивым, но абсолютно бессмысленным.

Очень не хотелось идти на бал. Тянуло отсидеться в тишине своей комнаты, укрыться от всеобщего веселья, спрятаться от необходимости наблюдать чужую радость. Но не явиться на

торжество она не могла: магистр Кассиан лично предупредил, что её присутствие обязательно. Это был не просто совет, а приказ, от которого невозможно отказаться, не навлекая на себя гнев руководства Академии.

Собрав остатки воли, Ая поднялась с кровати. Впереди был вечер, сотканный из музыки, света и улыбок. А дня её — еще один шаг в поисках себя среди блеска чужого торжества.

Глава 11: «Шаг за грань тишины»

Слуга-тень, бесшумная, словно дыхание ночи, помогла Ае облачиться в бальное платье. Нежные пальцы аккуратно уложили её тёмные волосы, создавая изысканную причёску — лёгкие локоны обрамляли лицо, подчёркивая его мягкие, почти детские черты. Последние штрихи — капля дорогого парфюма с тонкими нотами жасмина, бергамота и ванили, и Ая наконец взглянула на своё отражение.

Она замерла, будто перед ней возникла незнакомка. В зеркале сияли её синие глаза — глубокие, как озёра в предзакатный час. Чёрные ресницы отбрасывали кружевную тень на щеки, а лёгкий румянец придавал коже тёплое свечение. Тонкие дуги бровей, изящный изгиб губ — всё складывалось в картину редкой, естественной красоты.

С тех пор как она попала в Люминар, Ая лишь мельком бросала взгляд на своё отражение, не вглядываясь в черты лица. В Низине зеркал не было вовсе — там красота казалась далёкой абстракцией. Но сейчас, в этом новом облике, она словно заново открывала себя.

Нежно голубое платье переливалось в магическом свете, каждая складка ткани будто подчёркивала хрупкость и в то же время внутреннюю силу. Ая глубоко вдохнула аромат духов, и в этот миг сердце дрогнуло. Она поняла: этот вечер — редкий дар, хрупкий миг, который нужно прожить с трепетной благодарностью. Пусть мир вокруг не спешит раскрываться ей навстречу — она наполнит этот бал собственным сиянием, сотканным из робких надежд и забытых грёз.

Когда Ая вошла в бальный зал, её будто поглотил водоворот света, музыки и движения. Пространство казалось сказочным: стены переливались мягкими оттенками лазури и золота, словно сотканные из лунного света. В воздухе витали ароматы цветов и дорогих духов — сладковато терпкие, будто сотворённые из сгущённого солнечного света и горных трав.

На стенах висели массивные золотые канделябры — творения самых искусных мастеров. В их ветвях пульсировали магические огоньки, наполняя пространство мягким, живым светом. Трепещущее сияние, напоминало дыхание спящего великана, окутывая зал мерцающей дымкой.

С потолка свисали огромные хрустальные люстры, каждая — шедевр ювелирного искусства. Множество огоньков, заключённых в их гранях, преломлялись в хрустале, рождая мириады разноцветных лучиков. Эти лучики разбегались по залу, обнимая пространство тёплым, искрящимся светом.

Вдоль стен тянулись длинные столы, ломившиеся от изысканных угощений. Здесь были не только сладкие деликатесы — воздушные безе, фруктовые тарталетки, шоколадные фонтаны с золотыми листьями, но и утончённые закуски, поражавшие воображение сочетанием вкусов и форм. Каждое блюдо казалось произведением искусства, созданным не столько для утоления голода, сколько для эстетического удовольствия.

Сверкающие бокалы, расставленные на столах, были наполнены искрящимися напитками. Содержимое в бокалах переливалось, играя бликами магического света, будто храня в себе частицы звёздного неба.

Под звуки изысканной мелодии кружились пары — их платья и камзолы мерцали, словно ожившие картины.

Магистр Кассиан лично приветствовал Аю. Его взгляд на мгновение задержался на её лице, будто пытаясь прочесть скрытые эмоции.

— Вам идёт это платье, — произнёс он сдержанно, без намёка на теплоту. — Голубой оттеняет цвет ваших глаз.

Ая кивнула в ответ, чувствуя, как внутри неё борются смущение и настороженность. Она огляделась. Девушки в платьях из тончайшего шёлка и атласа напоминали ожившие цветы

— каждая причёска была шедевром парикмахерского искусства, украшенная драгоценными заколками и живыми цветами.

Обилие драгоценных камней, украшавших шеи и запястья дебютанток, поражало воображение — изумруды мерцали, как лесные озёра в полумраке, рубины пылали, словно угли забытого костра, сапфиры переливались, будто капли ночного неба.

Юноши блистали в камзолах с серебряной вышивкой. Фамильные перстни, сверкающие на пальцах, дополняли образ, а широкие браслеты из чёрного золота с инкрустацией самоцветов украшали запястья.

Смех, звон бокалов, шелест шёлковых юбок — всё сливалось в единую симфонию праздника.

Никто не обращал внимания на Аю. Она была невидимкой в этом мире блеска и церемоний. Лишь Кассиан бросил на неё короткий взгляд, да слуги почтительно расступались, когда она проходила мимо.

Пробираясь сквозь толпу, Ая случайно пересекла путь Селесте Ван Торн. Высокородная леди, чьё происхождение восходило к самым влиятельным родам, остановилась, окинув Аю ледяным взглядом.

Селеста была воплощением придворной роскоши. Нежно розовое платье переливалось, словно покрытое россыпью бриллиантовой пыли. Лиф украшали нити жемчуга, образующие причудливый узор, напоминающий паутину лунного света. Юбка, расшитая серебряными нитями и крошечными кристаллами, при каждом движении рассыпала вокруг себя мириады искр. Причёска — сложная композиция из локонов и кос — была увенчана диадемой, в которой сверкали топазы, словно застывшие капли янтарного мёда.

— Не ожидала тебя здесь увидеть. — произнесла Селеста, растягивая слова, будто выговаривая приговор. Её голос звенел, как хрусталь. — Тебе следовало бы оставаться в своих покоях. Здесь не место особам низкого происхождения.

Каждое слово вонзалось в Аю, как тонкая игла. Краска стыда прилила к щекам, но она выдержала взгляд, не опуская глаз.

— Я здесь по приглашению руководства Академии, — ответила тихо, но твёрдо.

Селеста фыркнула, словно услышала нелепую шутку, и, взмахнув подолом платья, удалилась в сопровождении свиты из восторженных дебютанток.

После этого разговора возможность насладиться вечером показалась Ае почти невозможной. Пропать между ней и остальными казалась непреодолимой.

Отойдя к дальнему углу зала, Ая нашла укромное место за колоннами у окна. Отсюда она могла наблюдать за происходящим, оставаясь невидимой.

Взгляд скользил по танцующим парам. Вот девушка в платье цвета морской волны кружится в объятиях партнёра, её локоны мерцают, будто усыпанные звёздами. Юноша в изумрудно зелёном камзоле смеётся над шуткой, его глаза искрятся, как самоцветы.

Группы молодых людей обмениваются любезностями, флиртуют, танцуют, смеются — их беззаботность казалась Ае одновременно завораживающей и недостижимой.

В этом водовороте красок и звуков она чувствовала себя чужой. Но что то в этой картине завораживало — может быть, сама энергия праздника, пульсирующая в каждом движении, в каждом взгляде.

Её внимание привлёк мужчина в дальнем конце зала. Судя по оказываемому ему почтению, это был Верховный магистр Доминик Де Мор, стоял излучая величие, не требующее доказательств. Осанка была воплощением царственной силы, а взгляд — властный и холодный, не терпящий неповиновения — скользил по залу, будто оценивая каждую деталь.

Доминик Де Мор был красив той зрелой красотой, что приходит с годами. В тёмных прядях проступала серебристая паутинка — ненавязчивый штрих, усиливающий природную гармонию его внешности. Резкие, но гармоничные черты лица: прямой нос, высокие скулы,

плотно сжатые губы, оттенённые лёгкой щетиной, — создавали образ человека, привыкшего повелевать. Морщинки у рта и в уголках глаз хранили память о тысяче решений, принятых под грузом ответственности. Когда он улыбался — редко и сдержанно — во взгляде проскальзывала искра иронии, будто он знал какую то великую тайну, недоступную окружающим.

Рядом с ним стоял Адриан Де Мор. Юноша казался воплощением аристократического совершенства: безупречные черты лица, тёмные волосы, аккуратно зачёсанные назад, камзол, украшенный тонкой золотой вышивкой. С того момента, как Ая переступила порог зала.

Ая невольно задержала на нём взгляд. В осанке читалась врождённая властность, смягчённая не столько молодостью, сколько отстранённой задумчивостью. Он стоял почти неподвижно, но в этом спокойствии таилась скрытая энергия — будто натянутая струна, готовая в любой миг издать звонкую ноту. Пронзительные серые глаза, скользили по залу с ленивым вниманием.

Медленно, почти неосознанно, Ая отвела глаза от величественной пары и вновь погрузилась в созерцание бального зала. Сознание впитывало переливы света, шелест роскошных платьев, приглушённые голоса — всё то, что составляло ткань этого чуждого праздника. Она искала в этом вихре красок и звуков хотя бы клочок покоя, пока разум балансировал между восхищением и тревогой.

Адриан искал повод удалиться, общество отца тяготило больше, чем он готов был признать, Доминик был скорее холодным и властным магистром, нежели родным отцом. Их родство напоминало договор о вассалитете — формальный, лишённый тепла, скреплённый долгом, а не любовью. Лениво скользя взглядом по залу, заметил, как вошла Ая, и проследил куда она укрылась. Вежливо откланялся перед отцом и направился к Ае. Его движения были исполнены холодной грации — не спеша и не медля, будто балансируя между скукой и ожиданием.

Адриан приблизился к Ае. Его появление было столь же неожиданным, сколь и неизбежным. Замер в паре шагов от неё, оценивающе разглядывая, произнёс вежливым, но холодным тоном:

— Остаётесь в тени, словно свет зала для вас слишком ярок.

Ая вздрогнула, пальцы непроизвольно сжали ткань платья.

— Мне нравится наблюдать, — ответила она осторожно, тщательно подбирая слова. Голос звучал чуть выше обычного от волнения.

Адриан слегка склонил голову, будто прислушиваясь к чему то, недоступному другим. Взгляд скользнул по её лицу, задержавшись на глазах.

— Позвольте поинтересоваться, как вам этот вечер? — в его голосе не было ни любопытства, ни участия — лишь сухая вежливость.

— Всё прекрасно, — ответила Ая, чувствуя, как румянец заливает щёки. — Музыка, свет, люди. Всё создаёт неповторимую атмосферу.

Уголок губ дрогнул, будто он хотел улыбнуться, но сдержался.

— Почему же тогда вы прячетесь? — вопрос прозвучал почти небрежно.

Ая опустила взгляд, разглядывая узор на паркете.

— Я предпочитаю уединение в незнакомой обстановке, — призналась она тихо.

— Меня тоже утомляют большие скопления людей и громкая музыка, — заметил Адриан, голосом, лишённым эмоций. — Порой кажется, что шум заглушает саму суть момента.

Он помолчал, изучая её лицо. Затем неожиданно произнёс:

— Разрешите пригласить вас на танец?

Ая растерянно посмотрела на него. Её сердце заколотилось, словно пойманная птица.

— Вокруг столько блистательных дебютанток благородного происхождения — её голос дрогнул — а вы приглашаете меня.

Адриан бросил на неё пронзительный взгляд.

— Другие — лишь отражения лунного света на поверхности пруда. Пустые и однообразные, — его слова падали, как тяжёлые капли.

Ая смущённо опустила глаза. Её пальцы дрожали, а мысли путались.

— Я я ни разу не танцевала, — призналась она наконец, чувствуя, как краска стыда смешивается с волнением.

Адриан протянул руку, его жест был небрежным.

— Это очень просто, — сказал он холодно, но в глазах пробежала легкая, почти невидимая искра теплоты. — Я поведу. А вы просто доверьтесь мне.

Ая, не в силах сопротивляться, его холодному обаянию, протянула руку. Музыка зазвучала — плавная, тягучая, словно приглашающая в иной мир.

Адриан взял девушку за руку, прикосновение было обжигающе холодным, но в то же время странно успокаивающим. Повёл в танце с безупречной точностью, его движения были подобны течению горной реки — плавные, но наполненные скрытой силой.

Когда их тела замерли в первом танцевальном объятии, Ая ощутила, как в груди разливается тепло. Его рука на талии давила с едва уловимой силой — не сковывая, а направляя, оберегая. В этом касании она почувствовала странную защищённость, будто оказалась в надёжном укрытии посреди бушующего шторма.

Каждый шаг был как падение в бездну, где не было дна, но было бесконечное кружение. Платье Ая взлетало, словно крылья бабочки, а музыка обволакивала, как шёлковый кокон. Она забывала о своём положении, социальном неравенстве и тяжести прошлого. Оставались только они двое, затерянные в вихре звуков и движений.

Его дыхание касалось виска, когда он наклонился чуть ближе, корректируя её движения. И в этот миг Ая почувствовала нечто, чего никогда прежде не испытывала: странное сочетание трепета и покоя, смущения и восторга. Пальцы, сначала дрожащие, постепенно расслабились, доверившись его уверенной руке.

— К сожалению, мне пора, — произнёс он бесстрастно.

И прежде, чем Ая успела осознать произошедшее, растворился в толпе, оставив её наедине с вихрем противоречивых чувств.

Сердце билось часто-часто, будто пытаясь догнать ускользающий образ Адриана. В груди поселилось новое, совсем незнакомое ощущение — тёплое, трепещущее, как первый весенний лист на ветру.

В сознании всплыли предостерегающие слова Илая: *«Не стоит доверять Адриану. Его любезности — как тонкий лёд: красив, но ненадёжен»*. Холодная волна сомнения прокатилась по спине, заставляя содрогнуться. Может быть, его внимание — всего лишь игра, очередной ход в сложной партии, которую он ведёт? Или способ изучить и разгадать её слабости?

Ая прижала пальцы к груди, пытаясь унять бешеный стук сердца. Разум метался между двумя крайностями: восторгом от мгновения, проведённого в танце, и тревогой, рождённой сомнениями. Она не знала, чему верить — сердцу, которое пело от радости, или голосу разума, предостерегающему об опасности.

Глава 12. Тонкий лед и пепел памяти

Бал оставил после себя странное, лихорадочное послевкусие: аромат увядающих орхидей, мерцание множества цветных лучей, преломляющихся в хрустальных люстрах, нежная музыка ведущая за собой и то самое, пугающе волнующее тепло чужих рук на талии, которое она всё ещё ощущала сквозь тонкую ткань платья. Ночь опустилась на Академию Люминар тяжелым бархатным пологом, сон бежал от Аи, точно испуганный зверь от лесного пожара. Стоило прикрыть веки, как реальность растворялась, уступая место навязчивым видениям прошедшего вечера.

Она всё ещё чувствовала, как горячее дыхание Адриана касалось её виска, обжигая холодом и странной нежностью одновременно. Каждый шаг в головокружительном кружении кажущимся падением в бездну, музыка, которая теперь казалась шепотом самой судьбы. Внутри расцветало нечто пугающее и в то же время обворожительное — дикое сочетание трепета и покоя, смущения и восторга, которого она, простая девочка из Низины, никогда не знала и не смела воображать.

Но тут же, точно ледяной клинок, разрезающий шелк, в сознание врезалось предупреждение Илая, брошенное им когда-то: *«Его кровь древнее Академии. Род Де Моров веками следит за тем, чтобы Сломанные не поднимали головы. Он не твой союзник»*. Сердце отозвалось на это воспоминание ноющей, тягучей болью, словно старая рана открылась вновь. Не в силах справиться с этим внутренним вихрем в одиночестве, Ая набросила на плечи шёлковый плащ и вышла в коридор, который в этот час казался чужим и зловещим.

Академия в предрассветный час была погружена в таинственную, почти осязаемую тишину. Тени от мраморных статуй удлинялись под неестественными углами, превращаясь в причудливых стражей, застывших в безмолвном карауле. Магические светильники мерцали приглушенным бирюзовым светом, отражаясь в полированных полах, точно далекие звезды в замерзшем озере. Ая шла быстро, почти бегом, её шаги сначала тонули в ворсе дорожных ковров, а затем гулко, отчетливо отзывались на крутых ступенях северной башни. Винтовая лестница казалась бесконечной; она вилась крутой спиралью вверх, уходя в самую черноту неба, точно гигантская каменная змея. С каждым новым поворотом воздух становился всё прозрачнее и холоднее.

Обсерватория Стеклянных Слез встретила звонким, хрустальным безмолвием. Огромный купол отражал мириады далеких созвездий, и в этот миг казалось, что стены башни сотканы не из камня, а из самого ночного эфира. — Илай? — негромко позвала девушка, и голос, отразился от сотен стеклянных сфер, наполнив зал призрачным многоголосием.

Воздух в центре зала вдруг задрожал, пошел рябью, как поверхность воды от брошенного камня. Прямо из лунного света, пробивавшегося сквозь прозрачный купол, соткался его силуэт. Илай возник бесшумно, точно сотканный из тумана; ртутные глаза светились мягкой, согревающей добротой и чем-то бесконечно родным, словно он был частью её забытого дома.

Ая подошла ближе и начала рассказывать о событиях бала, полученном кристалле и о том пугающем, загадочном послании, что выжгло след в её сознании: «Слишком глубокое погружение в пограничные состояния может разорвать связь между мирами».

— Как мне понять, где эта грань, Илай? — спросила она, взглянув в его светящееся лицо. — Не зашла ли я слишком далеко?

— Грань — это не линия, и не каменная стена, а зыбкая, обманчивая поверхность бездонного озера, — голос звучал как шелест страниц в пустой библиотеке. — Ты можешь скользить по ней, едва касаясь кончиками пальцев, или в одно мгновение провалиться в бездну, где свет не достигает глубины. Пока помнишь вкус настоящей слезы, пока чувствуешь тяжесть своего земного шага и боль в сердце — ты всё ещё на поверхности. Но берегись: Сумереч-

ный Предел заманчив тем, что в нем нет боли, страха и обязательств. Но в нем нет и самой жизни. Если этот магический транс станет реальнее, чем дыхание — утонешь, и никто не сможет вытянуть тебя назад.

Илай замолчал, долго и пристально изучая её лицо, по которому скользили призрачные блики звезд. — Я вижу волнение, которое ты не в силах скрыть даже под маской равнодушия, — продолжил он, и в интонациях прорезалось беспокойство. — И это волнение ведет к обрыву. Я должен предупредить тебя снова: не стоит доверять Адриану. Его любезности, забота и взгляды — всё это как тонкий, ослепительно красивый лёд. Манит своей чистотой, но он ненадежен. Один неосторожный шаг, лишняя доля доверия — и лед треснет.

Ая в смущении опустила глаза, чувствуя, как щеки обжигает румянец. — Но почему же тогда помогает мне? — выдохнула она. — Если он враг, почему именно благодаря его совету я смогла уберечь те крохи памяти, что у меня остались?

Илай печально качнул головой, и дымчатый облик на миг стал почти прозрачным. — Я вижу твою расположенность к нему, Ая, и это пугает меня. Род Де Морев веками оттачивал искусство очарования. Они умеют быть самыми любезными именно с теми, кого планируют стереть в пыль. Помогая сейчас, он лишь привязывает тебя к себе невидимыми нитями. Не рассказывай всего. Не позволяй ему стать твоим единственным якорем в этом мире, иначе он сам выберет, в какой момент обрубить канат.

Ая внимательно слушала, принимая каждое слово, но в душе роились вопросы, на которые она отчаянно хотела найти ответы. — Он посоветовал мне укрыть воспоминания о маме и брате в злости, — призналась она. — Сказал, что ярость — это самая неприступная цитадель, за стены которой не проберется ни один чужак. Но этот гнев... стал слишком разрушительным и тяжёлым. Он выпивает меня изнутри. Есть ли другое место для воспоминаний? Где они будут в безопасности, но перестанут выжигать мою душу?

Илай протянул руку, и хотя он не коснулся её, Ая почувствовала волну пронзительного тепла. — Спрячь их в сердце. Не в раскаленной ярости, а в тихой, неизменной любви. Сердце — самое глубокое и потаённое место в человеке. Злость разрушительна; она истончает душу, делая её хрупкой и уязвимой для чужого вмешательства. Любовь же — совсем иная стихия. Это глубокие, спокойные воды, способные укрыть в своей толще самые ценные сокровища. Искреннее, сокровенное чувство дает тебе опору, оно делает твою суть плотной и неуязвимой. Маги этой Академии давно разучились искать там, за грудной клеткой. Для них сердце — лишь мышца, гоняющая кровь, они не верят в его силу. Укрой родных там, в самой глубине, за шепотом любви, и никакая магия не сможет их коснуться.

Он помолчал, словно прислушиваясь к звукам за пределами башни, а затем добавил с тихой тревогой: — На занятиях... будь осторожна. Приглуши свой свет. Не показывай, как послушна тебе сила. Если вызовешь излишнее внимание Доминика Де Мора и магистров, они сочтут тебя опасной, не просто так они поместили тебя сюда, а для того что бы наблюдать и контролировать.

Возвращение в келью не принесло долгожданного забвения. Просторная комната, залитая призрачным светом заходящей луны, казалась клеткой из золота и шелка. Ая опустилась на постель, но простыни, прохладные и гладкие, словно лепестки лилии, внезапно стали казаться невыносимо тяжелыми, сковывающими движения.

В наступившей тишине мысли обрели пугающую четкость и вес. В душе, словно на весах старого аптекаря, столкнулись две истины, две стихии. С одной стороны — осторожные, пропитанные вековой печалью слова Илая. С другой — то необъяснимое, обжигающее тепло, которое оставил Адриан. Оно всё ещё жило на коже, в том самом месте на талии, где его пальцы уверенно направляли её в танце, и на виске, где она ощущала его дыхание.

Это тепло вело яростный, изматывающий бой с предостережениями Илая. Каждое слово которого — о древней крови Де Морев, и их вековом предательстве — разбивалось о взгляд

Адриана, в котором она на миг разглядела нечто большее, чем просто высокомерие. Казалось, что она балансирует на натянутом канате над пропастью, где с одной стороны ждет спасительная, но одинокая тьма Илая, а с другой — ослепительный, но смертельно опасный свет Адриана.

Ая прижала ладони к груди, стараясь унять бешеное сердцебиение. Пора было приниматься за самую сложную работу. Ярость была разрушительной; она выжигала изнутри всё живое, оставляя лишь обугленные стены. Помня наставление Илая, девушка начала медленный, болезненный процесс: она бережно извлекала из обжигающего пламени гнева драгоценные образы своих близких.

Это было похоже на то, как если бы она доставала хрупкие стеклянные фигурки из костра. Лицо маленького Луки, смех матери, запах дома, вкус черствого хлеба — она омывала их своей нежностью, остужая жар ненависти, и одного за другим переносила в сокровенную глубину сердца. Там, в тихом убежище, защищенном не злобой, а любовью, они становились тихими, но незбылемыми маяками. К утру, когда витражи кельи начали окрашиваться в первые цвета рассвета, Ая почувствовала странную, звенящую легкость. Она лишилась брони из гнева, но обрела нечто более прочное — тихую силу, которая не кричала, а просто была.

Когда пришел час идти на занятия, в Зале Эфира царило гнетущее напряжение. В тени массивных арок застыл верховный магистр Доминик Де Мор, чье ледяное присутствие замораживало саму кровь. Магистр Кассиан сегодня выглядел бледнее обычного, его серебряная мантия мерцала тревожными искрами. Объявил задачу: создание резонансного щита.

Ая чувствовала силу так остро, как никогда прежде. Видела структуру заклинания, понимала каждую связку так ясно, словно сама была творцом этой магии. Она знала, как направить поток эфира, чтобы щит засиял совершенным золотом.

Но, проявив предельное хладнокровие, подавила порыв. Когда наступила её очередь, намеренно искажила плетение. Резонансный щит получился тусклым и рваным и едва мерцал на фоне ослепительной сферы Селесты.

Ая краем глаза заметила, как Адриан смотрел на неё — во взгляде на мгновение мелькнуло удивление, смешанное с непониманием. Он знал её потенциал, и эта неудача не укладывалась в его картину мира. Доминик Де Мор же лишь равнодушно отвел глаза, теряя к ней интерес.

Она сдала позиции, стала худшей, превращаясь в серую тень, как и просил Илай. Но внутри неё теперь билось живое, согретое истинной любовью сердце, и в этой тихой гавани она была сильнее всех магов Академии.

Солнце клонилось к закату, окрашивая шпили Академии в цвет запекшейся крови, когда Ая, направилась к черному озеру. Это место, зажатое между вековыми ивами, всегда казалось ей оазисом мертвой тишины. Вода здесь была абсолютно неподвижной, гладкой и темной, как застывший обсидиан. Ни одна рябь не тревожила её поверхность, словно озеро само боялось выдать присутствие тех, кто искал на его берегу уединения.

Ая надеялась, что здесь, в объятиях безмолвных ив, она сможет наконец нащупать ту призрачную нить, что связывает воедино два мира. Ей было жизненно необходимо испытать себя: коснуться пальцами Сумеречного Предела, ощутить его ледяное дыхание, но не позволить бездне поглотить себя. Она искала ту самую грань, где магия становится осязаемой, но всё ещё подвластной воле.

Однако тишина оказалась обманчивой. На каменной скамье, чьи изгибы казались продолжением древних скал, сидел Адриан. В полумраке его поза была полна величественного, почти пугающего спокойствия. Черный камзол с золотым гербом рода Де Мор делал его фигуру почти неразличимой на фоне густых теней, лишь бледное, благородное лицо выделялось в сумерках.

Ая замерла. Хотелось раствориться в наступающей темноте, исчезнуть прежде, чем пронзительный взгляд коснется её, но Адриан заговорил, не оборачиваясь. Его голос, ледяной и ровный, разрезал вечерний воздух, точно стальной клинок.

— Не составите компанию?

Она замерла, понимая, что обнаружена, стараясь сохранить хладнокровие и не выдать волнения, которое пыталось поглотить её своими холодными объятиями. Адриан поднялся со скамьи, и его движение было подобно пробуждению хищника — стремительным и грациозным. Шаг за шагом он сокращал расстояние, пока не оказался так близко, что Ая снова почувствовала исходящий от него запах морозного леса. Его взгляд, холодный и пронзительный, казалось, прошивал её насквозь, пытаясь отыскать ту брешь, через которую сегодня утром просочилась её «слабость».

— Что это было на занятиях? — спросил он, и в интонации зазвенел металл. — Я видел ваш щит. Тусклый, рваный, едва способный удержать простейший импульс. Куда исчезла та уверенность, с которой вы повелевали силой прежде?

Ая выдержала его взгляд, хотя внутри всё сжалось от его близости. Она снова была поймана с поличным, но отступить было поздно.

— Магия всё ещё кажется мне стихией, у которой нет берегов, — тихо произнесла она, заставив свой голос звучать мягко и неуверенно. — Я только начинаю понимать её язык, и сегодня... сегодня просто не смогла её укротить. Возможно, я ещё не до конца научилась управлять этой силой. Она ускользает, как песок сквозь пальцы, стоит мне только поверить, что я обрела над ней власть.

Адриан продолжал пристально смотреть и Ае казалось, что этот взгляд проникает под кожу, вскрывая тайники её сердца, где под покровом нежности прятались образы родных. Смотрел на неё так, будто видел насквозь — каждую ложь, каждое притворство, каждую попытку спрятаться в тени.

Де Мор склонился к её уху, и Ая почувствовала его обжигающее дыхание на своем виске. От этой близости по телу пробежала дрожь, а сердце предательски пропустило удар.

— Возможно, вы и правы, — прошептал он в пол голоса, и слова обдали её жаром. — Не стоит успехами привлекать к себе столь пристальное внимание.

Адриан отстранился так же внезапно, как и приблизился. Не сказав больше ни слова, медленно удалился, растворяясь в сгущающихся сумерках сада. Шаги по мраморной крошке звучали отчетливо и мерно, постепенно затихая вдали.

Ая стояла неподвижно, не в силах пошевелиться, слушая, как звук шагов окончательно поглощается тишиной ночи. Слова, брошенные мимоходом, прозвучали не как издевка, а как пугающее подтверждение опасений Илая. Он знал. Или догадывался.

Глава 13. Сумрачный Предел

Тишина, воцарившаяся после ухода Адриана, была не просто отсутствием звука, а казалась живой, пульсирующей материей, обволакивающей берег Черного озера тяжелым, влажным саваном. Звук мерных шагов окончательно растворился в шелесте ивовых ветвей, но воздух всё ещё хранил электрический заряд его присутствия. Мимолетный след обжигающего дыхания на виске Аи до сих пор отзывался во всём теле мелкой дрожью, а в мыслях царил хаос.

Присутствие Адриана подняло внутри настоящую бурю, которую теперь было так сложно усмирить. Его слова, близость и обжигающее дыхание на виске — всё это оставило на коже незримый, но почти физически ощутимый след, до сих пор отзывавшийся во всём теле мелкой дрожью.

Она чувствовала, как внутри, в самых недрах души, робко и неохотно просыпается нечто новое, пугающее своей силой. Это не было похоже на внезапный пожар, а скорее напоминало первую трещину на монолитной ледяной глади озера под неверными лучами весеннего солнца. Ая едва решалась признаться самой себе, что это пугающее смятение доставляет странное, болезненное удовольствие. Каждое воспоминание о том, как его рука уверенно лежала на её талии, вызывало волну необъяснимого трепета.

Ая пыталась ухватиться за здравый смысл, вспоминая холодные советы Илая: *«Он не твой союзник. Род Де Моров веками следил за тем, чтобы Сломанные не поднимали головы»*. Эти слова должны были стать ледяным щитом, но внутри неё зародилось нечто, что отказывалось подчиняться сухой логике страха, чувства словно тонкий росток, пробивались сквозь гранит её хладнокровия. Ая осознавала, как её тянет к Адриану непреодолимая, почти магическая сила, напоминающая тягу мотылька к запретному пламени.

Он не был похож на остальных обитателей Академии — этих пустых, поверхностных адептов, чьи души были заняты лишь интригами и блеском фамильных гербов. Адриан был другим: пугающе умным, глубоким, точно ночное небо над головой, и притягательным, как сама Бездна. В его молчании было больше смысла, чем во всех речах магистров. Но именно эта глубина делала его самым опасным человеком в её жизни. Судя по последним словам, брошенным в самую душу, он видел её притворство насквозь и знал, что она лжет. Знал, что за маской слабости скрывается нечто иное.

Аю пробирал озноб от одной мысли о том, что он может сделать с этой информацией. Одним словом, одним коротким донесением он мог стереть её в пыль, уничтожить саму возможность её существования. Внутри развернулось истинное поле битвы: новорожденные, хрупкие чувства — этот странный трепет и жажда его внимания — отчаянно боролись с инстинктом самосохранения. Любовь, еще не успев расцвести, уже требовала жертв, сталкиваясь с необходимостью выживать. Как можно доверять тому, кто держит твою жизнь в своих ладонях, точно хрупкое стекло, которое так легко раздавить одним движением?

Переполюющиеся чувства стали настолько невыносимы, что Ая судорожно зажмурилась, пытаясь изгнать его образ из сознания. Девушка решила, что обдумает эту неразрешимую дилемму как-нибудь в другой раз. Сейчас у неё была иная цель. Нужно было сделать то, ради чего она пришла в это безмолвное место.

Ночь окончательно вступила в свои права, превратив небо над Академией Люминар в бездонный колодец из индиго и обсидиана. Ая медленно выдохнула, стараясь унять внутреннюю дрожь, и подошла к самому краю воды. В черной, неподвижной глубине озера отражались звезды, но они не были четкими точками света. Казалось, небесные светила рассыпались, превратившись в мерцающую алмазную пыль, которая медленно дрейфовала под тонкой пленкой воды, создавая иллюзию затонувшей вселенной. Эта звездная пыль манила, переливаясь прозрачным фосфорическим блеском, словно обещая открыть тайны, скрытые под толщей вре-

мен. Старые ивы склоняли свои седые, длинные ветви к самой глади, точно девушки распустившие свои локоны.

Ая опустилась на холодный мох, чувствуя, как влага пропитывает ткань её платья. Закрыла глаза и начала медленно, слой за слоем, погружаться в тишину собственного естества. Отринула шум внешнего мира, заглушила эхо чужих голосов и направила взор внутрь, в ту самую сакральную глубину сердца, которую берегла от посторонних глаз. Там, в первозданной тишине, она не просто искала воспоминания, а пыталась найти основу своего бытия.

И в этот миг Ая заглянула вглубь себя так далеко, как не осмеливалась прежде. В самой глубине души, в первозданной тишине, увидела Личность, сияющую ровным, непоколебимым светом. Это была она сама, но лишённая навязанного страха и унижительного клейма жертвы. Девушка увидела в себе невероятную, созидательную силу — Силу Любви. Это не было слабостью, как учили магистры, и не было уязвимостью. Напротив, это была мощь колоссального масштаба, которая, несмотря на свой грандиозный потенциал, не несла в себе ни капли разрушения. Она не выжигала, как гнев, не иссушала, как ненависть, а созидала, связывала и исцеляла.

Ощувив этот внутренний свет, Ая начала постепенно, с благоговейным трепетом, погружаться в эту силу, позволяя ей обволакивать каждую клетку своего тела. Магия любви поднималась из глубин её сердца, словно живое золото, застывая вокруг неё невидимыми, но нерушимыми доспехами. Это была броня, которую невозможно было пробить сталью или магическим огнем — доспех из чистейшего света и нежности, который даровал ей небывалую защиту и ясность. В этих призрачных латах Ая чувствовала себя неуязвимой, надёжно укрытой от любого внешнего зла, и в то же время удивительно легкой.

И тогда Грань дрогнула, признавая её господство, и пропустила внутрь.

Это не было падением. Это было торжественное вхождение в Мерцающее Марево, где реальность истончалась, превращаясь в призрачную вуаль. Перед её внутренним взором разверзлась Бездна, и она была манящей, неопишимо прекрасной. Она не пугала мертвенной тьмой, а сияла мириадами оттенков фиолетового, лазурного и серебристого, напоминая переливающееся нутро гигантского опала. Бездна пела тихим, убаюкивающим голосом, вибрируя в унисон с её новыми доспехами. Обещала абсолютный покой, свободу от всех тревог, интриг и тайн Академии. Воздух здесь был пропитан ароматом забытых снов и остывших звезд, он пьянил, обещая вечное забвение.

Это был великий, почти невыносимый соблазн — просто расслабиться, сбросить груз ответственности и позволить этой магической неге поглотить себя, навсегда растворившись в бесконечном сиянии, где нет нужды бороться за право дышать.

Ая чувствовала, как её сознание, защищенное броней любви, тянется к этой призрачной свободе. Но она знала цену. Один лишний глоток этого эфирного восторга, одна секунда потери контроля — и связь с миром живых, с её надеждами и борьбой, будет разорвана навсегда.

Она проявила невероятное хладнокровие и не пыталась сразу схватить магию за горло или подчинить себе Бездну. А лишь осторожно скользила по самой поверхности Предела, пробуя на вкус эту новую реальность, ощущая, как её латы из нежности соприкасаются с холодом изнанки. Ая узнавала ритм своего дыхания, который пульсировал в такт с вибрацией бездонного озера. Это было постепенное, почти робкое узнавание своей истинной природы: видела в отражении этого Марева не бедную сироту из Низины, а живую, гордую и невероятно сильную личность.

Каждое скольжение по этой зеркальной глади отдавалось в эфире чистым, мелодичным звоном, похожим на звук хрустальных колокольчиков. Она чувствовала, как её суть уплотняется, как грани личности обретают резкость и силу. Это было упоительное чувство — возвращать себе право на собственное имя и судьбу.

Мысли об Адриане снова пронеслись сознанию, но теперь они не вызывали бурных эмоций. Она так и не нашла ответа: друг он или враг? Но чувствовала, что у неё достаточно внутренней силы, чтобы выдержать любую правду, какой бы горькой она ни оказалась. Совет спрятать память в злости когда-то помог выжить, но сейчас девушка понимала, насколько это было опасным путем. Его образ оставался окутанным интригой и тайной, делая его частью того самого Предела, по которому она сейчас скользила — притягательным, обманчивым и потенциально губительным. Ая не видела его истинных мотивов, но кожей чувствовала, что их судьбы теперь переплетены серебряной нитью, которую не так просто разорвать.

В этом состоянии девушка впервые ощутила тихую, гранитную уверенность и перестала быть чужой самой себе. Магия, проходящая сквозь её латы любви, больше не пугала; она стала естественным продолжением её существа. Ая просто была там, на грани миров, впитывая покой и кристальную ясность ночи. Сила любви внутри пульсировала ровно и мощно, создавая вокруг неё ореол, который не могли заметить обычные глаза адептов, но который делал её частью высшего, сакрального порядка вещей. Она больше не была песчинкой, гонимой ветром, а стала ветром. Когда открыла глаза, звезды в озере всё так же мерцали алмазной пылью, напоминая о хрупкости мироздания. Ая поднялась на ноги, и её движения были полны новой, осознанной грации. Она сделала лишь первый шаг на пути к своему истинному «Я», скользя по поверхности великой тайны, но этого было достаточно. Появилась уверенность внутри неё, есть нечто, что не под силу сломить ни интригам Селесты, ни ледяному величию Доминика Де Мора.

Девушка шла назад в замок, шаги по мраморной крошке аллей были уверенными, ритмичными и почти бесшумными. Сад Академии, залитый призрачным лунным светом, теперь казался не золотой клеткой, а её собственным королевством, которое еще предстояло покорить. В сердце теперь царил мир, а не хаос. Она узнала голос своей души, и этот голос шептал, что отныне она сама будет выбирать свою судьбу, даже если эта судьба неразрывно связана с тем человеком, который видит её насквозь. Зайдя в свои покои, подошла к окну и посмотрела на темный силуэт северной башни, где мерцал тусклый свет обсерватории, и едва заметно улыбнулась. Ая легла в постель, и сон, глубокий и исцеляющий, принял её в свои объятия, обещая новое утро, полное силы.

Глава 14. Шепот застывших имен

Ночью сон обходил Аю стороной, словно страшась коснуться её ресниц. Несмотря на то, что тело покоилось в коконе из тончайшего шелка, разум бодрствовал, чутко прислушиваясь к вибрациям, которые раньше оставались за пределами восприятия. Обретенные «доспехи любви» не только защищали сердце, но и обострили чувства, сделав её восприимчивой к боли, которой были пропитаны сами камни Академии Люминар. Она лежала в темноте, глядя на то, как лунный свет рисует на потолке призрачные узоры, и вдруг услышала голоса. Это не был голос в привычном смысле — скорее, едва уловимый вздох, шелест старой листвы, застрявший в каменных стыках.

— *Рон...* — пронеслось в воздухе комнаты, заставив волосы на руках подняться. — *Мира...* — отозвалось эхом из самого дальнего угла, где тени были наиболее густыми.

Девушка резко села, прижимая ладонь к груди, где пульсировало мягкое, живое тепло новой защиты. Ая поняла: это были имена тех, кто когда-то, как и она, переступили порог Арки. Их образы всё ещё жили в сердцах оставленных в Низине матерей и братьев, но здесь, в Люминар, они превратились в безликие цифры магических отчетов, топливо для процветания элиты. Сломанные, чей многоголосый, едва различимый шепот теперь струился по коридорам, зывал к единственной, чья душа не очерствела под гнетом элитного образования.

— *Иди к корням...* — шелестели голоса, сплетаясь в едва понятную гипнотическую инструкцию. — *Где камни помнят холод... там Комната Забытых Имен...*

Ая никогда не слышала об этом месте. Ни магистры, ни Илай в своих туманных предостережениях не упоминали о подобной комнате. Она знала, что не сможет уснуть, пока не найдет источник этого зова. Ведомая этим призрачным путеводителем, закуталась в дорожный плащ и бесшумно выскользнула из кельи, растворяясь в полумраке бесконечного коридора.

Голоса вели всё глубже, мимо замерших в ночном покое золоченых залов и парадных лестниц, устланных коврами. Она миновала анфиладу пустых гостиных, где зеркала в тяжелых рамах отражали лишь её бледную тень. Шепот становился отчетливее, когда Ая приблизилась к той части замка, где привычная роскошь Люминар постепенно уступала место суровой, первозданной кладке из дикого камня.

Здесь воздух становился густым, пахнувшим сырым камнем и застывшим временем. Свет магических ламп остался далеко вверху, и теперь дорогу освещало лишь призрачное, голубоватое свечение самого камня. Стены в этом переходе были покрыты странной, вибрирующей изморозью, которая переливалась в темноте, словно чешуя призрачного змея. Под ногами хрустел мелкий песок, а каждое движение отдавалось в этой гулкой тишине многократным эхом.

Наконец, коридор закончился тупиком, в центре которого возвышалась массивная дверь из черного, матового железа. Она была настолько огромной и монолитной, что казалось, её вплавили в саму скалу еще на заре сотворения мира. На поверхности не было ручки, или замочной скважины — лишь мертвый металл, покрытый тончайшей сетью инея, который при её приближении начал медленно таять.

Ая замерла в нерешительности, ощущая, как холод металла пытается пробраться сквозь одежду.

— *Сердце... приложи сердце...* — выдохнули тени.

Девушка закрыла глаза и заглянула вглубь себя, слушая биение сердца. В груди вспыхнул жар — чистая энергия той самой любви, которая теперь служила ей броней. Это живое тепло стремительным потоком хлынуло к кончикам пальцев, концентрируясь в ладони. Едва её рука легла на холодную поверхность, древний металл отозвался. По железу пробежала яркая лазурная искра, пробуждая руны, скрытые под вековой пылью. Они вспыхнули ровным, тор-

жественным светом, прорезая тьму подземелья. Дверь, лишённая петель, без единого звука соскользнула в пазы скалы, распахивая проход в безмолвное великолепие грандиозного зала.

Внутри царил полумрак, разбавляемый лишь мерцанием тысяч крошечных кристаллов, парящих в воздухе под непостижимо высоким сводом. Это было величественное и одновременно пугающее место. Пол был выполнен из массивного дуба — тяжелые, широкие доски, отшлифованные и обработанные до зеркального блеска самим временем. Книжные стеллажи, вырезанные из прозрачного минерала, уходили вверх на десятки метров, теряясь в темноте, точно ребра гигантского спящего существа. Каждая книга здесь была застывшим мгновением, чей то, жизни. Они светились изнутри — некоторые ровно и ярко, другие едва заметно, угасая.

Девушка шла вперед, стараясь не смотреть на бесконечные ряды имен, боясь, что их тяжесть раздавит её.

Внезапно она замерла. В самом центре зала, у высокого постамента из черного мрамора, стояла высокая фигура Адриана.

В полумраке его облик воплощал собой то самое абсолютное благородство и холодную красоту, которые были присущи только высшим кругам магов. Его лицо, безупречно красивое, точно высеченное искусным мастером из редчайшего бледного камня, отражало мерцающее сияние парящих кристаллов. Сосредоточенный взгляд был прикован к страницам огромного черного фолианта, прикованного к постаменту золотыми цепями. В серых глазах читалась такая глубокая, почти осязаемая сосредоточенность, что Ая невольно залюбовалась им. Казалось он здесь на своем месте — среди этой величественной тишины, олицетворяя саму суть древней, непоколебимой власти.

Ая быстро скользнула за массивный стеллаж, стараясь слиться с длинными тенями. Сердце предательски ухнуло вниз, отдаваясь гулом в ушах. Она затаила дыхание, наблюдая за тем, как длинные пальцы Адриана медленно переворачивают страницы. В каждом его движении сквозила природная грация и достоинство. Он выглядел как хозяин, изучающий свои владения.

Но стоило Ае сделать неосторожное движение, как дубовый пол под ногой издал едва слышный скрип.

Адриан мгновенно поднял голову. — Кто здесь? — Голос прозвучал низко и властно, заполнив собой всё пространство зала. Кристаллы в вышине едва заметно вздрогнули от звуковой волны, отозвавшись тонким хрустальным звоном.

Понимая, что прятаться бессмысленно, Ая медленно вышла на свет. — Простите мою дерзость, господин Де Мор, — прошептала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не знала, что здесь кто-то есть.

Адриан закрыл фолиант, и звук удара кожи о камень показался Ае оглушительным, точно выстрел. Он медленно отошел от постамента и направился к ней. Каждый его шаг был исполнен величия, а серебряное шитье на чёрном камзоле вспыхивало в свете кристаллов. Остановившись в нескольких шагах, заглянул ей в лицо.

— Что вы здесь делаете? — Тон был ледяным, а вопрос — прямым, как удар меча. Во взгляде пульсировало острое, пронзительное любопытство, смешанное с холодным ожиданием ответа.

— Я... я услышала голоса, — ответила она, чувствуя, как исходящий от него холод смешивается с ароматом морозной хвои. — Они звали меня. Я поняла, что не смогу уснуть, пока не пойму откуда исходит этот зов.

Адриан замолчал, и эта пауза длилась вечность. Он изучал её, словно пытался разгадать самый сложный шифр. — Вы слышите их, — произнес он наконец, и в его голосе прорезалась странная, почти неуловимая нотка признания. — В этих стенах этот дар приравнивается к проклятию.

Де Мор подошел еще ближе, так что девушка почувствовала тепло его присутствия, пугающее и манящее одновременно, диссонирующее с холодом подземелья. Склонился к её уху и прошептал. — Уходите отсюда. Это место пьет жизнь у тех, кто слишком чувствителен к чужому горю. Возвращайтесь в свои покои и забудьте о том, что видели здесь меня.

Ая снова пережила то самое сладкое и пугающее томление, которое впервые настигло её на балу. Как и тогда, обжигающее дыхание Адриана коснулось виска, оставляя на коже незримый, почти физически ощутимый след. Время в архиве словно застыло, превратившись в густой янтарь, и Ая стоило огромных усилий просто дышать, не выдавая своего волнения. Наконец сбросив с себя оковы оцепенения девушка обрела дар речи и произнесла:

— Как прикажете, господин Де Мор, — Ая присела в изящном реверансе, пряча за смиренным бурю вопросов и чувств.

Развернулась и поспешила к выходу, чувствуя на своей спине пронзительный взгляд. Ей хотелось и одновременно было страшно обернуться, встретиться с ним взглядом, утонуть в этой грозовой бездне его глаз. Интрига их отношений затянулась еще туже. Он был так притягателен в своем ледяном величии, но за этим льдом скрывалась бездна. Недосказанность слов и холодность тона лишь сильнее разожгли желание разгадать суть этого человека, который казался теперь соучастником в чем-то грандиозном и опасном. Железная дверь за спиной закрылась с тихим шорохом, оставив Аю один на один с ночным коридором, отрезая от тайн прошлого. Шепот теперь стал немного тише, сменившись гулким биением её сердца.

Вернувшись в свои покои, не стала зажигать светильники. Комната была залита призрачным серебром луны, пробивавшимся сквозь витражное окно. Она опустила на широкий подоконник из белого мрамора, подтянув колени к подбородку, и прижалась лбом к прохладному стеклу. За окном расстилался ночной сад, застывший в безмолвном величии, который под луной казался серебристым морем, но Ая не видела его этой величественной красоты — её взор был обращен внутрь, к событиям последних минут.

В тишине ночи она снова и снова прокручивала в голове тот миг, когда Адриан наклонился к ней и его обжигающее дыхание вновь коснулось её виска. Как и тогда, на балу, время в его присутствии замедляло свой бег, оставляя их двоих в крохотном пузырьке застывшего мгновения. От этого воспоминания по всему телу разливалось странное, томительно-сладкое тепло. Оно зарождалось где-то в солнечном сплетении и медленным, густым медом стекало к самым кончикам пальцев, заставляя их мелко дрожать. Каждый вдох в его близости казался глотком горного воздуха — пьянящего и опасного.

Но тут же, точно ледяной ушат воды, в сознании всплывало предостережение Илая: *«Его любезности — как тонкий лёд: красив, но ненадёжен»*. Этот призрачный лёд сейчас хрустел под её ногами, грозя в любую секунду проломиться и увлечь в бездну, из которой нет возврата. Ая балансировала на краю, одурманенная этим сладким томлением.

«Что он там искал?» — этот вопрос пульсировал в висках, не давая покоя. Адриан, наследник самого могущественного и богатейшего рода, чье имя было синонимом незабываемой власти, стоял в этом мрачном, забытом всеми архиве. Что могло привести его туда, в святая святых чужой боли?

Её мысли то и дело возвращались к огромной книге, прикованной золотыми цепями. В полумраке архива это золото выглядело как тяжелые оковы, удерживающие внутри фолианта какую-то, опасную тайну.

Ая коснулась своей алой метки на запястье. Она всё еще пульсировала, но теперь это был глубокий, резонирующий гул, связанный с тем шепотом, который она слышала в коридорах. Способность слышать Сломанных — это не проклятие, как говорил Де Мор, а ключ. И, возможно, именно этот холодный, недостижимый Адриан был тем единственным, кто знал, к какому замку этот ключ подходит.

Эта ночь навсегда изменила её внутренний мир. Теперь она знала, что за золочеными фасадами и роскошными балами Академии скрывается великая и страшная тайна, которую, предстоит разгадать, безродной девушке из Низины. И, возможно, главным, самым непредсказуемым союзником в этой игре станет человек, от одного воспоминания о котором сердце замирало в сладкой и щемящей тоске. Она всё ещё чувствовала на своей коже призрачный след его дыхания, и это ощущение, вопреки всем доводам рассудка, дарило странную, отчаянную надежду. Ая наконец легла в постель, и сон, глубокий и исцеляющий, принял её в свои объятия.

Глава 15. «Резонанс безмолвия»

Пробуждение было мягким, точно медленное погружение в теплую, обволакивающую воду. Ая открыла глаза, и первое, что ощутила — странный, вибрирующий покой, оставшийся в душе после ночного похода. Свет, пробивавшийся сквозь высокие витражи кельи, ласково подсвечивал воздух, в котором, казалось, всё еще дрожало эхо вчерашних откровений.

Визит в Комнату Забытых Имен оставил в сердце неизгладимый след — трепетный осадок, в котором причудливо смешались благоговение перед величием прошлого и волнение от неожиданной встречи с Адрианом. Каждое мгновение, проведенное в том безмолвном архиве, теперь казалось драгоценным кристаллом. В сознании, точно в калейдоскопе, сменяли друг друга образы: мерцание парящих камней, тяжелые золотые цепи на фолианте и безупречный, сосредоточенный профиль наследника Де Морев.

Личность Адриана в её представлении стремительно обрастала тайнами, становясь всё более сложной и притягательной. Кто он — заложник собственного величия или тот, кто втайне от всех пытается пробиться к истине? Ая коснулась пальцами виска, словно пытаясь удержать то мимолетное тепло его дыхания, которое всё ещё отзывалось в теле сладким, шемющим отголоском. Она понимала, что эта встреча изменила нечто фундаментальное в их отношениях. Теперь между ними была общая тайна, связавшая их невидимой, прочной нитью, которую невозможно было игнорировать.

Медленно поднялась, ощущая в теле необычайную легкость. Подойдя к высокому зеркалу в оправе из белого золота, Ая всматривалась в свое отражение, пытаясь отыскать в себе прежнюю девочку из Низины, но видела лишь красивую, элегантную девушку с глубоким, затененным взглядом. «Доспехи любви» пульсировали ровно, окутывая сердце надежной защитой, но стоило ей вспомнить Адриана, как это сияние становилось неровным и порывистым.

Ая облачилась в строгое синие платье. Сделала глубокий, размеренный вдох. Нужно было оставить это мягкое, жемчужное утро здесь, в своих покоях, и превратиться в ту, кем её хотели видеть — в прилежную и незаметную ученицу.

Занятие проходило в Большом Зале Оракулов — монументальном пространстве, предназначенном исключительно для магических дуэлей и оттачивания высшего мастерства контроля. Сама архитектура этого места была подчинена единственной цели: усмирению необузданной силы. Стены зала, облицованные массивными плитами из черного обсидиана, впитывали любой избыток энергии. Камень имел легкий блеск и обладал пугающей глубиной, точно застывшее ночное море.

Стоило кому-то из студентов допустить ошибку или выпустить слишком мощный импульс, как обсидиан отзывался утробным, едва слышным гулом, втягивая в себя яростные разряды. В такие моменты по черной поверхности камня пробегали багровые и золотистые всполохи — отголоски поглощенных магических потоков, которые медленно гасли в недрах минерала, оставляя в воздухе лишь резкий запах озона.

Потолок зала представлял собой безупречный свод, инкрустированный сложными узорами из мерцающей слюды и горного хрусталя. Между этими узорами на тонких невидимых подвесах парили хрустальные сферы, равномерно распределенные по всему пространству. Они источали плотное, жемчужно-белое сияние, которое заливало зал ровным и ясным светом. В этом магическом сиянии лица присутствующих обретали четкость и выразительность, подчеркивая благородную бледность кожи.

В центре зала располагалась площадка, очерченная глубокими рунами. Магия здесь была настолько концентрированной, что воздух казался густым и вязким, точно невидимый сироп. При каждом резком жесте в нем вспыхивали яркие искры — остаточное эхо силы, не успевшее раствориться в обсидиане.

Это было место, где роскошь Академии Люминар встречалась с истинной, беспощадной сутью.

Магистр Кассиан, чья серебряная мантия сегодня сияла особенно ослепительно, жестом призвал студентов к тишине. — На прошлом занятии вы освоили искусство плетения ментальных щитов. Сегодня вы будите испытывать их на практике. Вам предстоит разбиться на пары и испытать прочность своей защиты под прямым натиском противника. Помните: щит — это не только магия, это ваша воля.

По залу пронесся шелест мантий и приглушенный гул голосов: студенты поспешно искали себе напарников. Селеста, бросив на Аю взгляд, полный холодного превосходства, тут же выбрала себе напарницу. Вскоре площадка заполнилась парами, и лишь Ая осталась стоять в стороне, чувствуя себя неуютно в этом ярком, пронизывающем свете.

Адриан стоявший в стороне, окинул зал холодным взглядом, направился прямо к ней. Подошел почти вплотную, и знакомый аромат морозной хвои мгновенно окутал её.

— Полагаю, мы могли бы составить пару, — произнес он своим неизменным холодным тоном, от которого сердце девушки начало учащенно биться.

Ая лишь коротко кивнула, не в силах найти слова из-за нахлынувшего волнения. В этот момент магистр Кассиан обвел зал взглядом и, заметив их, произнес: — Вот с вас, пожалуй, и начнем.

Адриан и Ая вышли на середину дуэльной площадки, разошлись на положенное расстояние, встав друг напротив друга в круге света. Дистанция была невелика, и Ая кожей ощущала исходящую от него волну силы. Следовало бы сосредоточиться, но близость Де Мора действовала разрушительно, делая её рассеянной и беззащитной. Его глаза цвета грозового неба, застывшие в ожидании, безупречная осанка — всё это рождало в душе хаос, с которым она была не в силах совладать. Мысли путались, сбиваясь в беспорядочный поток. «Доспех любви», который ночью казался нерушимым, сейчас мелко дрожал, не в силах обрести плотность.

— Начинайте, — скомандовал Кассиан.

Адриан нанес удар — точный, выверенный ментальный импульс. В обычных обстоятельствах Ая смогла бы отразить его, но сейчас ей стоило большого труда, чтобы не дать своему щиту окончательно рассыпаться под натиском противника. Каждое мгновение этого противостояния требовало запредельной концентрации. Она чувствовала, как защита истончается, становясь хрупкой, точно первый лед, и только остатки воли удерживали от полного краха. Ая не притворялась, а действительно теряла контроль, одурманенная его пугающим обаянием.

Поединок казался вечностью, хотя прошли лишь секунды. Наконец, магистр Кассиан, видя явное превосходство одной стороны, взмахнул рукой.

— Достаточно! — властно произнес он, обрывая поток энергии.

Ая пошатнулась, когда давление исчезло, судорожно вдыхая озоновый воздух, подняла глаза на Адриана. В глубине его зрачков на мгновение мелькнула едва уловимая искра — взгляд заговорщика, понимающего гораздо больше, чем дозволено. Это была вспышка тайного соучастия, которая исчезла так же быстро, как и появилась.

Де Мор отвел взгляд, и лицо приняло маску скучающего безразличия. — Ваша концентрация сегодня никуда не годится, — холодно произнес, достаточно громко для окружающих.

Направляясь прочь с площадки, он прошел мимо в опасной близости, почти касаясь её плеча своим камзолем.

— Не стоит так стараться выглядеть никчемной, — прошептал так тихо, что бы слышала только она. — Это выглядит еще более подозрительно, чем ваш истинный дар, — обдав её дыханием, от которого по спине пробежали мурашки.

Адриан удалился, делая вид, что потерял к ней всякий интерес как к достойному противнику. Ая уходила с площадки, раздавленная собственной неспособностью держать себя в руках. Пугало, как легко он лишал её воли одним своим присутствием.

Едва занятие окончилось, Ая, стремясь как можно скорее покинуть пространство, всё еще пропитанное эхом от ментальных ударов. Путь лежал вверх, к Обсерватории Стекланных Слез — единственному месту, где она могла сбросить маску и просто дышать. Винтовая лестница сегодня казалась бесконечной, а каждый шаг по стертým ступеням отдавался в висках гулким биением сердца.

Когда она, запыхавшись, толкнула тяжелую дверь, Обсерватория встретила привычным хрустальным безмолвием. В дневном свете, льющемся сквозь прозрачный купол, пылинки танцевали в воздухе, напоминая крошечные искры. Илай стоял у прозрачной стены купола, спиной к входу. Дымный силуэт сегодня казался почти невесомым, пронизанным лучами солнца, но доброта в его ртутных глазах, когда он медленно обернулся, была осязаемой, как тепло костра в зимнюю ночь.

— Ты пришла с грузом, который не в силах нести одна, — произнес тихим, шелестящим голосом. — Я чувствую, как твой доспех вибрирует.

Ая рассказала ему обо всем: о ночном шепоте, который привел её в подземелье, о Комнате Забытых Имен и, наконец, о встрече с Адрианом.

— Илай, я видела там книгу, — она подошла ближе, кутаясь в плащ. — Громадный черный фолиант, прикованный к постаменту золотыми цепями. Который Адриан изучал так сосредоточенно, словно от этого зависела его жизнь. Ты знаешь, что это за книга? Что может заставить наследника Де Моров спускаться в подземелье в такой час?

Илай медленно покачал головой, и во взгляде промелькнула тень сожаления. — Мы, чувствуем каждый вздох этой Академии, но в этот архив, нам нет хода. Это святилище живых, запечатанное кровью и высшей волей. Мы можем слышать эхо имен, но не можем коснуться того, что заперто за железной дверью. Если Де Мор спускался туда ночью — значит он ищет ответы на вопросы, которые не смеет задать вслух даже своему отцу.

Ая промолчала, не решаясь признаться Илаю в самом главном — в том, как учащенно бьется сердце каждый раз, когда Адриан оказывается рядом. Она скрыла от него то сладкое, мучительное томление, которое лишило контроля на уроке. Это была её личная Бездна, сокровенная тайна, которую она не могла доверить даже призраку.

— Будь осторожна, Ая, — мягко произнес Илай, словно почувствовав её смятение. — Тайны подземелий Люминар имеют горький вкус. И те, кто их хранит, редко бывают теми, за кого себя выдают.

Илай на мгновение замолчал, словно прислушиваясь к чему-то, доступному только ему, затем продолжил:

— Сломанные, знают Академию лучше любого магистра. Они видят то, что скрыто за золочеными фасадами, слышат шепот в кабинетах власти и чувствуют приближение беды задолго до того, как она постучит в твою дверь. Сделай этот шепот своим союзником. Но помни: чтобы слышать их, твое сердце должно оставаться чистым и тихим, как гладь чёрного озера.

Ая кивнула, сглатывая ком в горле. Уходя из Обсерватории, чувствовала, как слова Илая ложатся на её душу предостерегающей тенью. В то же время внутри снова закипало это странное, мучительное ожидание новой встречи. Она знала, что должна сегодня же восстановить свою внутреннюю целостность.

Глава 16 «Зеркало Души»

Когда последние лучи солнца догорели на золоченых шпилях Академии Люминар, оставив после себя лишь пепельно-сиреневые сумерки, Ая бесшумно выскользнула из замка. Ноги сами несли её прочь от суеты и тяжелых сводов, по узким гравийным дорожкам, мимо застывших фонтанов, к самому сердцу парка. Вскоре впереди забрезжила темная, неподвижная гладь — черное озеро встретило первозданной тишиной.

Воздух у берега был густым и многослойным. Он пах не просто водой, а сложным, дурманящим букетом: тончайшим ароматом ночного жасмина, терпкостью прибрежной осоки и сладковатой пряностью цветов, раскрывающих свои лепестки лишь под присмотром звезд. Каждое дуновение ветра приносило свежесть хвойного леса и едва заметную горчинку прелой листвы.

Ая опустила на каменную скамью и прикрыла веки. Звуки ночи обступили её: далекое, призрачное уханье совы, мерный, вибрирующий стрекот цикад. Она начала глубоко и размеренно дышать, стараясь нащупать точку опоры в собственном теле. С каждым вдохом представляла, как ночной покой вымывает из сознания остатки озонового жжения дуэльного зала и тяжесть чужих взглядов.

Однако вместе с воздухом внутрь проникали воспоминания, от которых было не скрыться. Перед глазами вновь оживали сцены бала: уверенная и властная рука Адриана на её талии, тепло которой проникало сквозь слои платья, заставляющая сердце менять ритм, и его горячее дыхание на виске, от которого по коже до сих пор бежали мурашки. Она вспоминала тот самый «заговорщический» взгляд в Зале Оракулов — мимолетный, обещающий нечто большее. Это волнение было странным: пугало своей новизной и силой, но в то же время приносило необъяснимое, почти болезненное удовольствие, от которого кружилась голова. Беда заключалась лишь в том, что Ая совершенно не могла его контролировать. Стоило Де Мору оказаться где то рядом, как хладнокровие рассыпалось, превращая её в рассеянную ученицу, едва способную удержать простейший щит.

Спустя некоторое время к ней пришло понимание: эти эмоции — слишком сильные, слишком яркие — метались на самой поверхности сознания. Именно они, точно раскаленные иглы, пробивали доспех её сердца, внося хаос в структуру магии.

Постепенно это внутреннее смятение начало странным образом резонировать с окружающим миром. Ая ощутила, как ветер переменялся: он больше не просто перебирал листву над головой, а словно проник внутрь её существа, становясь частью собственного дыхания. Этот поток был мягким, но настойчивым, колыхал её магические доспехи, как легкую ткань. Ветер ласкал её мысли, остужая жар воспоминаний. И в этом движении воздуха, среди шелеста ив, Ая уловила слова, напоминающие тихий шорох сухой листвы под ногами:

— То, что на поверхности, будет разбито бурей... Помести его в глубину, где тишина не имеет границ... Спрячь его в сердце...

Девушка замерла, пораженная простотой этой истины. Чувства к Адриану были опасны именно потому, что она пыталась бороться с ними, оставляя их на передовой своей защиты. Послушная таинственному совету, Ая начала медленно погружать эти волнующие образы в глубину сердца. Она бережно подхватила воспоминание о его руке на талии, блеске глаз, обжигающем дыхании, и перенесла их в тот самый сокровенный тайник, где уже жили образы Луки и матери.

Там, в тишине и нежности истинного «Я», эти чувства не погасли, но перестали разрушать её целостность. Они превратились в ровный, глубокий свет, скрытый от любого внешнего вмешательства. Как только образ Де Мора занял свое место в сердце, хаос в мыслях улегся.

Доспех вновь обрел монолитную плотность, и абсолютную прозрачность, укрепленный этой новой силой.

Ая открыла глаза. Мир вокруг казался теперь кристально ясным. Она больше не была рассеянной девчонкой, теряющей контроль от одного взгляда Адриана. Теперь она была женщиной, которая хранит свою нежность и свою мощь в одном и том же неприступном убежище.

Когда Ая поднялась со скамьи, она ощутила странную, почти невесомую легкость в каждом движении. Гравий дорожек едва слышно шуршал под туфлями, а ночной сад, казалось, расступался перед ней, признавая её своей частью. Она шла неспешно, впитывая прохладу сумерек, пока не достигла тенистой арки, увитой спящим жасмином.

В густом сплетении лунного света и угольных теней, она увидела Адриана. Он прислонился плечом к высокой колонне, и в этой неподвижности чувствовалось напряжение натянутой струны. Холодная луна серебрила его строгий, безупречный профиль, подчеркивая волевою линию подбородка и ледяной блеск глаз, в которых сейчас, казалось, отражалась вся бездонная глубина ночного неба.

— Ночь — не лучшее время для одиноких прогулок. Почему вы не спите? — его голос прозвучал своим неизменным ледяным тоном. В этом вопросе прозвучала странная, вибрирующая нотка, заставившая воздух вокруг них стать еще плотнее.

Ая остановилась. Между ними оставалось всего несколько шагов, но она не почувствовала смущения или желания опустить голову. Новое внутреннее равновесие, надежно укрытое в глубине сердца, создавало вокруг неё кокон абсолютного спокойствия. Девушка посмотрела на него прямо, и в этом взгляде Адриан впервые не нашел ни тени привычного раболепия. Вместо этого он увидел нечто такое, что заставило его сердце на мгновение сбиться с ритма. В её глазах светилась глубокая, спокойная сила.

— Не спится, господин Адриан. Захотелось пройтись, послушать безмолвие озера, — ответила она мягко. — А отчего не спится вам?

Адриан не ответил сразу. Вместо этого он оттолкнулся от колонны и начал медленно сокращать расстояние. Время в этот миг словно замедлилось, а затем и вовсе замерло. Все вокруг перестало существовать. Остались лишь они двое в этом призрачном круге лунного сияния.

Он подошел вплотную. Так близко, что Ая снова почувствовала исходящее от него тепло, парадоксально сочетающийся с ароматом морозного леса. В этот раз волнение, охватившее её, было иным. Оно больше не напоминало разрушительный шторм, готовый смести все на своем пути; это был глубокий, пульсирующий трепет, который томительным, сладким жаром растекался по всему телу. Волнение было удивительно приятным, почти опьяняющим, оно не лишало воли, а, напротив, наполняло каждую клеточку тела странной, вибрирующей энергией.

Адриан возвышался над ней, его тень полностью накрыла хрупкую фигуру Аи. Долго и внимательно всматривался в её лицо, словно видел его впервые. Во взгляде, обычно таком непроницаемом, сейчас читалось глубокое, почти осязаемое изумление. Он ловил себя на мысли, что ему до странности, приятно находиться здесь, в этой тишине, рядом с ней. Раньше Ая была для него лишь феноменом, любопытным объектом для холодного изучения, диковинкой из Низины. Но теперь она раскрывалась перед ним совершенно иначе. В ней не было той заученной, приторной грации и пустоты, которыми блистали знатные аристократки Академии.

В каждом её вздохе, он чувствовал подлинную, бьющую через край жизнь и достоинство, которое невозможно было симитировать. Ему впервые было искренне, по-настоящему жаль прерывать этот миг. Внутри Адриана, за броней льда и фамильной гордости, росло неосознанное, жгучее желание продлить это мгновение, просто стоять вот так, вдыхая аромат ночных цветов и чувствуя её присутствие. Он ощущал, как привычный холод его души начинает подтаивать от этого ровного, теплого света, исходящего от этой девушки из Низины. Это было

рождение чувства, которое пугало своей неодолимой силой, ломая все внутренние заслоны и превращая наследника великого рода в простого человека, очарованного ночью и женщиной.

— Стены Академии иногда становятся слишком тесными, — произнес он наконец уклончиво, и в голосе проскользнула странная, почти бережная нотка. — Озеро — коварный собеседник. Оно часто возвращает нам наши же страхи, выдавая их за истину. Но вы выглядите так, будто нашли там нечто... иное.

Ая не отвела взгляда, продолжая смотреть в его глубокие серые глаза. С удивлением отметила, что, парализующее волнение, которое раньше лишало возможности дышать, теперь трансформировалось во что-то совершенно иное. Оно больше не приводило её в смятение, и не выбивало почву из-под ног. Напротив, это чувство стало спокойным, тягучим и невероятно приятным, согревало изнутри.

В этом призрачном лунном свете Ая словно впервые увидела истинное лицо человека, стоящего перед ней. Пелена сословных предрассудков и навязанного страха спала, и перед ней предстал не высокомерный наследник самого богатейшего рода, а глубокая, бесконечно интересная личность. Она видела острый ум, скрытый за внешней безучастностью, и ту незримую тяжесть, которую он нес на своих плечах с таким достоинством. Его облик был окутан ореолом таинственности, который манил, вызывая непреодолимое желание прикоснуться к этой тайне. Она смотрела на Адриана глазами женщины, которая разглядела родственную душу, запертую в золотую клетку обязательств, и это открытие наполнило сердце тихим, торжествующим восторгом. Девушке хотелось остаться здесь, чтобы просто слушать его голос и чувствовать силу, исходящую от него.

— Возвращайтесь к себе, Ая, — прошептал Де Мор, его голос в этой близости казался почти физическим касанием. Продолжал смотреть на неё, словно запоминая каждую черту, не в силах первым разорвать эту невидимую связь, возникшую между ними. — Мне бы не хотелось, чтобы ваша новая тишина оказалась лишь иллюзией.

— Доброй ночи, господин Де Мор, — прошептала Ая, и в голосе, вопреки воле, проскользнула едва уловимая дрожь, выдавшая её сожаление.

Она развернулась и медленно направилась к входу в замок, чувствуя, на своей спине взгляд Де Мора. Идя по длинным коридорам, освещенным лишь бледным, призрачным светом магических светильников, размышляла о том, что ей хотелось бы подольше побыть с ним рядом, стоять в тишине, не нуждаясь в словах.

Адриан же долго стоял неподвижно, глядя ей вслед. Чувствуя, как ночной воздух без неё мгновенно стал холоднее, словно из сада выкачали всё тепло. Поймал себя на мысли, что совершил ошибку, так быстро отравив её к себе. Общество Аи дарило нечто такое, чего он не находил в своих книгах или в пустых беседах аристократов. Де Мор медленно развернулся и направился к северному крылу, шаги по гравию звучали тяжело, словно он уносил с собой не только свои мысли, но и часть той ночной тишины, которую они делили на двоих.

Глава 17 «Тень Кодекса»

Утром Ая проснулась с удивительным, почти забытым чувством полета — внутри всё ещё пело эхо ночного разговора в саду. Ая ощущала небывалый прилив сил и томительное, радостное предвкушение. Впервые за долгое время мир Академии Люминар не казался враждебным. Теперь, когда образ Адриана был надежно укрыт в её сердце, спрятанный в том же сокровенном тайнике, что и память о родных, она чувствовала себя неуязвимой. Это знание дарило новую опору: она больше не была одинокой щепкой в бушующем океане интриг.

Девушка собиралась с необычайной быстротой, едва касаясь ногами прохладного пола. Выбирая платье, Ая поймала себя на мысли, что хочет выглядеть безупречно. Она долго и тщательно укладывала волосы в аккуратный, высокий пучок, подчеркивавший изящную линию её шеи. словно поддавшись мимолетному порыву, намеренно выпустила пару тонких, вьющихся прядей — они кокетливо обрамляли лицо, придавая его чертам неуловимое очарование и мягкость, контрастирующую со строгостью форменного платья. Глядя в зеркало, заметила, что алая метка на запястье мерцает мягким, ровным светом — глубоким багрянцем, лишенным прежней тревоги. Предвкушение от встречи с Адрианом заставляло сердце биться чаще, наполняя тело приятным, щекочущим теплом, которое волнами расходилось от груди к самым кончикам пальцев.

Сегодня занятия проходили в Зале Свитков — огромной аудитории с высокими сводами. Это было пространство, где каждая деталь кричала о многовековом могуществе Академии. Огромные стрельчатые окна, украшенные тончайшим каменным переплетом, впускали широкие столпы утреннего света; лучи, проходя сквозь чистейшее стекло, дробились на мириады искр и огненными бликами рассыпались по зеркально отполированным поверхностям. Вдоль стен, тянулись тяжелые резные стеллажи из темного ореха. Они были до отказа заполнены бесчисленными манускриптами, чьи кожаные корешки и сургучные печати хранили тайны, недоступные непосвященным.

В центре зала, точно на шахматной доске, располагались учебные места. Изящные столы из редкого черного дерева, инкрустированных серебряными нитями, которые сплетались в сложные магические схемы. Рядом с каждым столом мягкие стояли резные стулья, обитые тяжелым бордовым шелком, на высоких спинках золотым шитьем был вышит герб Люминар. Венцом этого архитектурного торжества служил купол — сложная карта звездного неба, где созвездия, повинаясь скрытым механизмам, медленно меняли свое положение, отсчитывая ритм самой Вселенной.

Ая переступила порог, но всё это великолепие не коснулось её взгляда. Внешний блеск, который еще вчера мог бы заставить замереть в благоговении, сегодня казался лишь безжизненной декорацией. Взор, ведомый лишь одной целью, стремительно скользил мимо резных колонн и сияющих свитков, она искала Адриана глазами с жадностью, на которую способно лишь зарождающееся чувство. Взгляд привычно метнулся ко второму ряду, к тому самому месту у окна, где свет обычно подчеркивал его безупречный профиль. Но его там не было. Стол был пуст, а мягкий бордовый шелк стула не хранил тепла его присутствия. Радостное волнение, которое она бережно несла в себе всё утро, мгновенно сменилось разочарованием. Девушка почувствовала, как внутри всё сжалось от этой внезапной пустоты. Без Адриана величественный зал утратил свою магию, превратившись в холодное, чужое пространство. Она продолжала ждать до самого конца лекции, вздрагивая от каждого звука открываемой двери, но Адриан так и не появился.

Весь день прошел для Аи как в тумане. Голоса магистров сливались в неразличимый монотонный гул, а строки в учебниках казались бессмысленным набором знаков. Она механически записывала лекции, рука двигалась сама по себе, в то время как разум неотступно воз-

вращался к событиям прошлой ночи. «Где он? Почему его нет?» — этот вопрос пульсировал в висках, заглушая всё остальное. В памяти всплывали слова, сказанные им у колонны, блеск серых глаз в лунном свете и то, как время замирало, когда он стоял рядом.

Адриан не появился ни на обеде, ни на вечерних практиках. Его отсутствие было осязаемым. Ая не могла припомнить дня, когда бы не видела его холодные серые глаза и гордый профиль. Вечером, запершись в своих покоях, долго мерила комнату шагами, не в силах совладать с нарастающей тревогой. Неведение жгло изнутри. Тайна Де Мора не давала ей покоя. Та черная книга, закованная в золотые цепи, над которой он так внимательно изучал в подземелье... Ответы, возможно были там.

Когда замок погрузился в ночное безмолвие, Ая вновь решила отправиться в Комнату Забытых Имен. Она преодолела путь к подземелью быстро, почти инстинктивно минуя замершие анфилады залов и холодные витки лестниц, пока не оказалась перед знакомой массивной дверью из черного железа. Приложив ладонь к центру мертвого металла, девушка ощутила, как в самой глубине сердца зарождается живое тепло; которое мягкой волной разошлось по телу, концентрируясь в ладони. По металлу пробежала лазурная искра, пробуждая руны, скрытые под вековой пылью. Дверь, лишенная петель, бесшумно соскользнула в сторону, открывая взору безмолвное величие архива.

Ая целеустремленно направилась к центральному мраморному постаменту. Огромный фолиант в черной коже, закованный в тяжелые золотые цепи, лежал там, точно пленник в темнице. Нерешительно положив руку на поверхность обложки, попыталась открыть книгу, но наткнулась на невидимую преграду. Магическая печать отозвалась резким, вибрирующим холодом, который ледяным импульсом пронзил её руку до самого плеча. Девушка отшатнулась, чувствуя, как пальцы онемели от этого прикосновения. Книга была надежно закрыта, нужен был ключ, которого у неё не было.

Оставив бесплодные попытки открыть Кодекс, Ая побрела вглубь зала. Среди тысяч кристаллов надеялась найти тот, что хранил память о матери. Сердце тянуло её к дальним стеллажам, где шепот имен становился чуть громче.

— Вы чрезвычайно настойчивы в своем стремлении к запретному.

Девушка вздрогнула и резко обернулась. В тени массивных полок стоял Адриан. Ая ощутила, как по телу разливается обволакивающее тепло, мгновенно вытесняя холод. В неверном свете парящих кристаллов, мужественное лицо казалось особенно привлекательным, а высокая, статная фигура в строгом чёрном камзоле внушала одновременно трепет и восхищение. Приятное, обволакивающее тепло мгновенно разлилось по телу, вытесняя холод архива.

— Я хотела бы узнать хоть что-нибудь о своей матери, — ответила она тихим, но уверенным голосом, скрывая за этой правдой всё то волнение, что накопилось за день.

Адриан подошел ближе. Расстояние между ними сократилось до предела, и Ая снова почувствовала аромат морозного леса. Серые глаза изучали её лицо с каким-то новым вниманием. — Не все книги стоит открывать, — тихо произнес он. — Иногда правда ранит сильнее, чем ложь — произнес он своим неизменным ледяным тоном, но в глубине его взгляда промелькнуло нечто теплое.

Он долго смотрел в её глаза, и в этой тишине между ними возникло нечто большее, чем просто диалог. Адриан чувствовал, как его привычная холодность рушится под воздействием её тепла. Ему хотелось защитить, эту хрупкую девушку — и в то же время оставить рядом. — Позвольте, я провожу вас до вашей комнаты. Здесь не то место, где стоит задерживаться.

Они вышли из архива, и массивная дверь за спинами сомкнулась с глухим, вздохом, отрезая живых от царства теней. Какое-то время шли в абсолютном, молчании по длинным коридорам Академии, где бледные вспышки магических светильников рисовали на полу длинные, переплетающиеся тени. Это безмолвие не было для Аи тягостным или неловким; напротив, она впервые ощутила удивительный, почти целебный покой. Просто находиться рядом, слышать

ритм его размеренных, уверенных шагов и улавливать едва различимый аромат морозной хвои было достаточно, чтобы дневная тревога окончательно отступила. Казалось, что в этой хрупкой ночной тишине они ведут тайный диалог, понимая друг друга гораздо лучше, чем если бы произносили тысячи слов. Внутренне Ая замерла, боясь разрушить магию момента, и всем сердцем желала лишь одного — чтобы этот путь по заснувшему замку длился бесконечно.

Это невысказанное желание, словно невидимая волна, коснулось и Адриана, заставив его замедлить шаг. В этой гулкой тишине было удивительно, непривычно хорошо. Здесь, в защищенном мраком пространстве, вдали от пронзительных взоров магистров и высокомерных сверстников, он наконец-то мог позволить себе роскошь быть самим собой. Рядом с Аей тяжелая аристократическая маска, которую был вынужден носить с рождения, казалась ненужной и громоздкой. Больше не было необходимости изображать холодного и безучастного наследника великого рода; сама атмосфера свободы, исходящая от этой девушки, действовала на него как бальзам. После изматывающего, полного скрытого напряжения дня, это негласное соучастие приносило долгожданный покой.

— Вас не было весь день сегодня, — негромко заметила Ая, когда они миновали очередную анфиладу пустых залов. — Ваше место в Зале Свитков пустовало.

— Я должен был отлучиться по делам, которые требовали немедленного вмешательства, — ответил он и хотя тон остался ровным, Ая почувствовала в нем тень усталости.

Когда они достигли поворота к жилому крылу, Адриан вдруг остановился и задумчиво посмотрел на неё. — Скажите мне правду, Ая... что вы чувствовали, когда проходили через Арку? Что там происходило на самом деле?

Ая замерла, невольно возвращаясь памятью в тот страшный момент. — Сначала был страх. Всепоглощающий, пронизывающий холод. А потом услышала — голоса. Они обступили со всех сторон, шепча, что я должна отдать им всё. Я физически чувствовала, как мои самые ценные воспоминания — о доме, о матери, о Луке... как их буквально вытягивают невидимыми когтями. Становилось невыносимо пусто, точно из меня вынимали саму душу. Когда лицо моего маленького брата, начало словно растворяться в воздухе, страх сменился злостью. Я просто отказалась отдать им его. Изо всей силы начала цепляться за эти образы и тянуть их обратно, пока сама ткань реальности не затрещала. И тогда я просто выпала из Арки.

Адриан долго молчал, задумчиво глядя в сторону. — Вы обладаете волей, которая встречается очень редко, Ая, — произнес он наконец тихим голосом. — Но прошу вас, будьте осторожны. Не ищите ответов в темноте.

Когда они достигли дубовой двери её кельи, Адриан остановился. В полумраке коридора, где свет магических сфер едва теплился, его высокая фигура казалась частью теней, и лишь глаза, глубокие и серьезные, отражали слабый отблеск света.

Ая повернулась к нему, чувствуя, как внутри всё замирает. Не хотелось разрушать эту хрупкую тишину, которая за время пути стала для них общей.

— Мы пришли, — негромко произнесла она.

Адриан долго и внимательно смотрел на неё, словно пытался запечатлеть в памяти этот момент — бледное лицо, выбившиеся из пучка пряди и тот особый свет в глазах, который видел только у неё. На мгновение его ледяная маска дрогнула, уступая место чему-то бесконечно человеческому и искреннему. Он сделал едва заметное движение вперед, склонил голову в изысканном поклоне.

— Доброй ночи, Ая, — в его низком голосе больше не было холода.

— Доброй ночи, господин Де Мор, — ответила она, и в интонации проскользнула тихая нежность, которую была не в силах подавить.

Ая медленно вошла к себе, чувствуя на себе его взгляд до последней секунды. Закрыла за собой дверь и прижалась спиной к прохладному дереву, боясь даже вздохнуть. Сердце пыта-

лось выпрыгнуть из груди. Она стояла неподвижно, вслушиваясь в мерный ритм удаляющихся шагов Адриана, пока они окончательно не затихли в безмолвии Академии.

Двигаясь медленно, точно в полусне, Ая пересекла комнату, опустилась на широкий мраморный подоконник и, подтянув колени к подбородку, устремила взор вглубь ночного сада. Снова и снова прокручивала в памяти путь из архива. В сознании, всплывали детали: наклон его головы, мимолетный блеск серых глаз и та особенная, тишина, которая не тяготила, а, напротив, дарила покой.

«Неужели мне показалось?» — прошептала она в пустоту комнаты, едва касаясь пальцами алой метки на запястье.

Пыталась понять, не была ли та неспешность их прогулки плодом её воображения, порожденного жаждой тепла, или же Адриан Де Мор, холодный и неприступный наследник древнего рода, действительно намеренно замедлял шаги. Был ли этот медленный ритм их движения тайным желанием продлить мгновение? Мысль о том, что он тоже искал повода задержаться рядом с ней, просто подышать одним воздухом в этой ночной тишине, вызывала в душе волну пугающего и в то же время упоительного восторга.

В эту ночь Ая так и не смогла сомкнуть глаз. Лежала в темноте, укрытая шелковым одеялом, сон казался досадным препятствием. Ей не хотелось забываться в сновидениях — напротив, хотелось как можно дольше удерживать в памяти каждое мгновение их встречи, смакуя детали. Она словно хотела продлить наслаждение от этой встречи, вновь и вновь прокручивая в мыслях ту удивительную легкость, что возникла между ними. Холодные стены Люминар больше не казались такими давящими, ведь теперь они хранили тепло их общего секрета.

Глава 18. «Резонанс крови»

Рассветные сумерки едва начали рассеиваться, когда Ая всё же забылась коротким, но удивительно глубоким сном. Девушка проспала не более двух часов, но пробуждение оказалось легким и радостным, точно само утро решило вознаградить её за ночные бдения. Первые лучи солнца, робко пробивавшиеся сквозь витражное стекло и дробившиеся на разноцветные искры, ласково коснулись лица. Ая еще некоторое время нежилась в постели, не желая покидать уютный кокон из мягкого шелка. Ночная встреча у архива оставила в душе бесконечно приятные, волнующие воспоминания, которые отзывались легким трепетом в сердце. Она вновь и вновь, прокручивала в памяти их прогулку по заснувшим коридорам, вслушивалась в воображаемое эхо неспешных шагов Адриана и заново переживала ту незримую связь, что возникла между ними в тишине подземелья.

В этот миг безмятежного, покоя тишину комнаты прорезали голоса. На этот раз они не были невнятным гулом, а звучали отчетливо, заставляя Аю вздрогнуть и окончательно очнуться от сладкой грезы. — *Стены знают много тайн...* — прошелестело у самого изголовья. — *Научись слушать...* *Тишина камня красноречивее слов...* — отозвалось эхом из угла комнаты.

Ая села на кровати, обхватив колени руками и прислушиваясь к замирающему шепоту. Эти слова больше не пугали её, но заставляли разум лихорадочно искать ответы. Медленно, преодолевая остатки ночного оцепенения, спустила ноги на прохладный пол и решительно поднялась. Ая подошла к умывальнику, плеснула на лицо холодной водой, наблюдая, как капли хрустальной влаги стекают по бледной коже. Пока она умывалась, смывая остатки короткого сна, и облачалась в строгое синее платье, мысли были целиком заняты расшифровкой этого внезапного послания. Что скрывают эти стены? И почему именно сегодня они решили заговорить с ней открыто? Если стены помнят всё, то помнят ли они её мать?

Каждое действие теперь сопровождалось внутренним анализом. «Научись слушать» — это не просто совет, это был ключ.

По дороге в Зал Свитков девушка шла неспешно, погруженная в свои раздумья. Когда переступила порог аудитории, сердце радостный подпрыгнуло. У высокого стрельчатого окна, залитого ярким утренним светом, она увидела знакомый, безупречный профиль. Адриан стоял к ней спиной, застыв в своей привычной, исполненной врожденного достоинства позе. Он смотрел вдаль, на расстилающийся внизу парк, и в этой неподвижности Ая уловила странную, едва заметную пелену одиночества. Сердце радостно подпрыгнуло, ей стоило колоссальных усилий сохранять внешнее беспристрастие. Усилием воли заставила себя идти медленно, не ускоряя шага, хотя внутри всё пело от одного только факта его присутствия.

Опустившись на свое место, Ая аккуратно посмотрела в его сторону. В этот момент Адриан, словно почувствовав её присутствие, медленно повернул голову. Их глаза встретились на краткий миг. На лице Де Мора, как обычно, лежала непроницаемая маска холодного безразличия, но Ая, чьи чувства после ночи в архиве были обострены до предела, успела уловить в самой глубине серых глаз едва заметную, мимолетную искру нежности. Это был лишь всполох, короткое движение тепла в ледяной пустыне, но он сказал ей больше, чем могли бы сказать слова. Адриан тут же отвел глаза, возвращаясь к созерцанию парка.

Лекция началась, магистр монотонно вещал о законах передачи эфира. В какой-то момент голоса вновь дали о себе знать. — *Стены знают много тайн...* — повторили они требовательнее.

Послушная зову, Ая прикрыла веки и попыталась сосредоточиться на ритме своего дыхания, стараясь отсечь внешние звуки: скрип перьев по пергаменту, негромкое перешёптывание соседей, шелест перелистываемых страниц. Но покой не приходил.

Всё внутри сопротивлялось сосредоточенности. Окружающий мир, казался вызывающе громким. Она слышала, как за окном ветер играет листьями, и даже то, как бьется её сердце. Но главным препятствием был не шум. Адриан, сидевший не так далеко, и Ая кожей чувствовала присутствие Де Мора. Это было странное, ощущение тяжести и тепла, исходящее с его стороны. Стоило ей закрыть глаза, как перед взором тут же всплывал его профиль на фоне окна, мимолетная искра в серых глазах и аромат морозной хвои, который, казалось, пропитал всё пространство вокруг. Его близость действовала на неё как мощный магнит.

Ая оставила все попытки погрузиться в себя и слушать стены прямо посреди лекции. Девушка поняла, что здесь не найти нужного спокойствия. К тому же, присутствие Адриана действовало слишком умиротворяюще и одновременно волнуяще. Стоило закрыть глаза, как мысли тут же соскальзывали к воспоминаниям о ночной прогулке, не позволяя сосредоточиться на стенах Академии. Она решила, что повторит этот опыт вечером, в тишине своей комнаты, где ей никто не помешает.

Весь остаток дня Ая пребывала в странном, состоянии полёта. Обычные, порой бесконечно скучные лекции больше не казались изнурительными. Внутри, в самом сердце, теплилась тихая, осторожная радость, которая мягким светом озаряла серые будни Академии.

Самым волнующим в эти часы были их редкие, почти случайные встречи взглядами. Ая не решалась смотреть на Адриана открыто, боясь разрушить магию их ночного секрета или, что еще хуже, привлечь ненужное внимание. Лишь изредка, словно невзначай, поднимала голову от пергамента. В эти мимолетные мгновения она ловила на себе его взор — быстрый, холодный и, казалось бы, безразличный для любого стороннего наблюдателя. Но Ая, успевала заметить в глубине серых глаз ту самую, почти призрачную искру.

Адриан сразу отводил глаза, возвращаясь к лекции с подчеркнuto скучающим видом, но этого мига хватало, чтобы сердце наполнилось теплом. Они не нуждались в долгих диалогах — достаточно было этого зыбкого присутствия друг друга в одном пространстве.

Когда занятия закончились, Ая вернулась к себе. Вечернее солнце ласково золотило стены комнаты, создавая длинные, мягкие тени. Девушка поняла, что пришло время исполнить задуманное. Подошла к стене, чья поверхность казалась почти теплой от уходящего дня, и медленно положила на неё ладонь.

Закрыв глаза начала глубоко, размеренно дышать. Она старалась отпустить все дневные впечатления, оставляя лишь ритм своего сердца и тишину камня под пальцами. Некоторое время просто слушала пустоту, стараясь слиться с самой материей здания. И тогда из глубины фундамента стали проступать слова. Они звучали сухо и безжизненно.

— *Род Де Морв... Хранители долга...* — донесся до неё безжизненный шелест, от которого воздух вокруг, казалось, мгновенно остыл. — *Кровь за власть...* — вторил другой голос, более глубокий, заставляя само сердце биться в такт этому страшному ритму.

Послание вошло в резонанс с её существом, заставляя пульс участиться. Каждое слово вонзалось в сознание, оставляя горький след. Хранители долга... Кровь за власть... Эти фразы окутывали имя Адриана мрачной пеленой. Радость от их мимолетных взглядов столкнулась с ледяной тяжестью вековых тайн. Она стояла у стены, не в силах пошевелиться, понимая, что коснулась чего-то, что может навсегда изменить восприятие человека, к которому её так неодолимо тянуло. Интрига вокруг его фамилии теперь казалась не романтической тайной, а зловещей пропастью, в которую она едва не шагнула с закрытыми глазами.

Когда солнце начало медленно клониться к закату, окрашивая пространство в тревожные багряные тона, Ая нестерпимо захотелось покинуть стены своей кельи. Тишина комнаты, давила на нее, возвращая к эху услышанных слов: «Кровь за власть...» Ей нужно было пространство, где воздух не был бы пропитан вековыми тайнами, и ноги сами понесли по знакомым, усыпанным гравием дорожкам к Черному озеру.

Подходя ближе к озеру, Ая еще издали заметила высокую и статную фигуру. Адриан стоял спиной к ней, застыв в задумчивом созерцании заката. Смотрел, как небо медленно истекает расплавленным золотом, густой медью и глубоким багрянцем, который огненными всполохами отражался в неподвижном зеркале воды. В одиноком силуэте было столько величественного покоя, что Ая невольно замедлила шаг.

Уловив едва слышный шорох шагов, Адриан медленно обернулся. Лицо, смягченное последними лучами уходящего солнца, казалось менее суровым, чем обычно. Когда их взгляды встретились, Ая вновь поймала в его глазах ту самую едва заметную искру нежности. Она была похожа на теплый блик на холодном металле, и от этого мимолетного проблеска, всё внутри вновь затрепетало, вступая в мучительный конфликт с осторожным рассудком.

— Воздух в стенах Академии иногда бывает чересчур удушающим, вы не находите? — негромко произнес Де Мор, и в его ледяном голосе на этот раз прозвучала странная, почти человеческая усталость, лишенная привычного высокомерия.

Ая на мгновение растерялась, стояла раздираемая противоречивыми чувствами. Одна часть души по-прежнему неодолимо стремилась навстречу этой внезапной мягкости, жаждала тепла его общества и того особенного удовольствия, которое находила в их разговорах. Но другая часть, всё еще ощущала могильный холод зловещего послания — заставляя сердце сжиматься от предчувствия опасности. Она не решилась рассказать ему о том, что узнала, так как не была уверена, что подобная откровенность будет безопасна для неё.

Сделав глубокий, успокаивающий вдох, Ая взяла себя в руки. Она не перестала чувствовать к Адриану глубокое влечение, но теперь расположение к нему было окрашено новой, осознанной осторожностью. Девушка решила поддерживать ту тонкую игру, которую он вел, скрывая свои подозрения за маской привычной скромности и почтения.

— Согласна с вами, господин Де Мор, — ответила она, подходя чуть ближе, но сохраняя почтительную дистанцию. — Порой кажется, что только здесь, под открытым небом, можно позволить себе просто дышать.

Она посмотрела на него, стараясь, чтобы взгляд оставался ясным и кротким, несмотря на бурю, бушующую в сознании. Интрига их связи вновь обрела ту самую хрупкую форму, где каждое слово было наполнено двойным смыслом. В этот закатный час они стояли на берегу Черного озера, объединенные общим нежеланием возвращаться в душные коридоры, и Ая чувствовала, что, несмотря на все тайны его рода, ей по-прежнему хочется верить не стенам, а той искре, что мерцала в серых глазах.

Глава 19

Глава 19. «Разлом доверия»

Адриан неторопливым жестом указал на старую каменную скамью, ту самую, где Ая еще недавно пыталась обрести покой. — Присядем? — голос лишенный привычного холода, прозвучал как приглашение в некий общий круг тишины.

Они опустились на прохладный камень. Между ними оставалось ровно столько пространства, чтобы Ая могла кожей чувствовать исходящее от него тепло, но при этом не нарушать ту незримую границу, которую диктовал этикет. Над озером воцарилось долгое, глубокое молчание. Оно не было тягостным или неловким, в нем не было той удушливой необходимости подбирать слова, которая обычно сковывает в обществе аристократов.

Пока минуты медленно растворялись в сгущающихся сумерках, Ая невольно призналась самой себе: молчание рядом с этим человеком приносило ей странное, почти пугающее умиротворение. Несмотря на весь хаос в голове, несмотря на то, что её мир за последние часы перевернулся, здесь и сейчас она ощущала себя на своем месте. Но это чувство безопасности было хрупким, точно первый лед. В глубине сознания, как ядовитая змея, продолжала ворочаться мысль о его роде. «Хранители долга... Кровь за власть...» Эти слова стен набатом звучали в памяти. Как она могла доверять ему, если Адриан был плоть от плоти той самой системы, которая требовала Жатвы? Де Мор был связан с Аркой незримыми, но неразрывными узами, и эта связь делала его потенциально опасным, кем бы он ни пытался казаться.

Адриан, обладавший поразительным чутьем на малейшие перемены в настроении собеседника, ощутил исходящую от нее вибрацию тревоги. Внутри зашевелилось беспокойство, несвойственное его обычному хладнокровию. Он видел, как она смотрит на воду, словно ища там ответы на неразрешимые вопросы. «Она знает что-то, — пронеслось в его мыслях. — Или чувствует. Что обозначает эта внезапная отстраненность». Он чувствовал, что нить, натянутая между ними ночью, готова оборваться, и это открытие отозвалось в его сердце странной глухой болью.

— Вы молчите, Ая, но ваша тишина сегодня слишком... громкая, — тихо заметил он, внимательно изучая её профиль. — В ней появилось нечто новое. Словно вы пытаетесь разглядеть за закатом не красоту, а какую-то угрозу. Что-то беспокоит вас?

Ая вздрогнула, стараясь не выдать своего смятения. Она продолжала смотреть на озеро, избегая его прямого взгляда. — В таком месте, как Люминар, трудно отличить правду от отражения в темной воде, — ответила она туманно, а голос прозвучал как шелест камыша. — Возможно, это просто вечерняя прохлада навеивает странные мысли.

Адриан не сводил с неё глаз. Ответ не принес ему облегчения — напротив, в нем сквозило недоверие, которое он надеялся преодолеть. Наступила пауза, наполненная лишь далеким криком ночной птицы.

— Вам, вероятно, кажется, что в этих стенах у вас нет ни малейшего основания доверять кому бы то ни было, — произнес он наконец, и в голосе прозвучала непривычная серьезность. — И ваше право быть осторожной неоспоримо. Однако даже в этом враждебном мире, где каждый носит маску, можно встретить тех, кто способен не только понять вашу ношу, но и разделить её. Иногда помощь приходит оттуда, откуда меньше всего ждешь.

После его слов воцарилось долгое молчание. Ая чувствовала, как внутри всё переворачивается, словно привычный мир окончательно потерял устойчивость. Признание Адриана, его неожиданная искренность и мягкая глубина, что прозвучала в голосе, вступили в схватку с леденящим шёпотом стен. Она ощущала себя стоящей на самом краю обрыва, где почва под ногами уже начала осыпаться, грозя увлечь за собой в бездну.

Всё её существо неодолимо тянуло к нему. Она чувствовала, как в душе, вопреки здравому смыслу, расцветает чувство любви. Но эта нежность больше не приносила радости; теперь она была источником острой, почти физической боли.

Трагедия момента сдавливала ей горло. Этот бесконечно дорогой человек, чье присутствие стало единственным оазисом в ледяной пустыне Академии, — оказывался её врагом. Боль от этого осознания была невыносимой, словно разрывала её надвое: одна Ая хотела броситься в это пламя, довериться его сильным рукам, а другая — та, что слышала правду камня — кричала о предательстве.

Как можно было позволить себе любить того, кто является «замком на воротах Бездны»? Того, чья власть куплена кровью таких же несчастных, как она сама?

Она замерла в этом мучительном равновесии, глядя, как последние багряные блики солнца медленно тонут в глубине Черного озера. Она не могла заставить себя оттолкнуть его — это было бы равносильно тому, чтобы вырвать собственное сердце, но и шаг навстречу казался ей сейчас прыжком в бездну. В этом золотом молчании заката их судьбы сплелись в узел, который невозможно было развязать, не пролив крови.

Тишина, воцарившаяся между ними, стала почти невыносимой. Ая чувствовала, что если останется здесь еще хоть на мгновение, то окончательно утратит самообладание, либо выдаст себя. Комок в горле мешал говорить, а близость Адриана — его тепло, едва уловимый аромат морозной хвои — теперь казались ей почти болезненными. Она медленно поднялась со скамьи, стараясь придать своему голосу ровность, хотя он всё равно прозвучал глухо и надтреснуто.

— Простите, господин Де Мор... Я чувствую, что сильно устала. Весь этот день выдался слишком... странным. Я хотела бы отправиться к себе, — она произнесла это, глядя куда-то в сторону темнеющей воды.

Но в какой то, момент всё же не выдержала и вскинула на него взгляд. То, что она увидела в глубине его серых глаз, заставило её сердце на мгновение остановиться, а затем забиться с удвоенной силой. На неё смотрели бесконечно грустные, почти отчаявшиеся глаза. На долю секунды, сквозь ледяную броню аристократа, проступила обнаженная, ничем не защищенная боль. Ая видела, как он страдает от того, что она отталкивает его своим внезапным холодом, уходя именно сейчас, когда он — впервые в своей жизни — попытался приоткрыть ей дверь в свою душу.

Не в силах выносить это немое обвинение, Ая поспешно присела в реверансе и почти бегом бросилась прочь. Её шаги по гравийной дорожке звучали слишком громко в вечерней тишине. Она не пошла в свою келью; ей нужно было поговорить с тем, кто не носил масок и не хранил кровавых тайн. Ноги сами несли её по извилистым тропам парка в сторону северного крыла, к Обсерватории, где она надеялась найти Илая.

Ая решила не испытывать судьбу. Главный вход, с его величественными арками и вечно бдящими стражами, сейчас казался ей ловушкой, залитый слишком ярким магическим светом. Вместо этого девушка направилась к западному крылу. Она знала о существовании другого входа — высокого и изящного, ведущего в крыло Наставников, через которое можно было сразу подняться в Обсерваторию.

Бесшумно открыв дверь, выполненную из мореного дуба и украшенная тонкой серебряной чеканкой, Ая попала в Западную галерею. Стены, облицованные панелями из редкого сандала, чередовались с нишами, в которых на постаментах из белого мрамора замерли изящные статуи из матового стекла, светящиеся изнутри мягким лазурным светом. Потолок, расписанный золотыми узорами, отражался в идеально отполированном полу, создавая иллюзию бесконечного пространства.

Ая проходила через узкую малую галерею, заставленную высокими шкафами из черного дерева с позолоченной фурнитурой. Они были до самого верха заполнены архивными свитками, перевязанными алым шелком. Это место дышало благородной стариной и безупречным

вкусом. Магические светильники в виде распускающихся хрустальных лилий горели вполсилы, наполняя пространство мягким, жемчужным светом, который играл на дорогих корешках книг и серебряных накладках стеллажей.

Ая двигалась совершенно бесшумно, мягкие туфли не издавали ни звука на шелковых ковровых дорожках. Она буквально растворялась в этом изысканном интерьере, замирая в тени резных шкафов при малейшем колебании воздуха.

Сквозь тяжелые, расшитые серебряными нитями и жемчугом портьеры, отделявшие галерею от приватной приемной, донеслись голоса. Эта комната была предназначена для важных, не терпящих огласки встреч. Ая мгновенно узнала голос Доминика Де Мора и, повинувшись интуиции, затаила дыхание. Обычно она прошла бы мимо, но сейчас, помня совет «научись слушать», замерла, затаив дыхание.

Любопытство, смешанное с тревожным предчувствием, заставило её осторожно, точно тень, приблизиться к приоткрытой двери. Она скользнула в нишу за массивной статуей, сливаясь с темнотой. Сердце колотилось так сильно, что казалось — его стук выдаст её.

— Я должен уехать в столицу, Вариан. Дела в Совете не терпят отлагательств, — раздался властный, глубокий голос Доминика Де Мора. В нем не было и тени той мягкости, которую Ая видела в Адриане; это был голос человека, привыкшего повелевать жизнями.

— Разумеется, господин Де Мор, — почтительно отозвался магистр. — Академия будет под моим присмотром.

— Меня беспокоит не Академия, Вариан, а мой сын, — в голосе Доминика прорезалось глухое, тяжелое раздражение. — Присматривай за Адрианом. В последнее время его поведение становится... вызывающим. Совершенно не проявляет никакого интереса к делам семьи. Более того, в последнее время открыто отказывается принимать участие в наших обязательствах. Он забывает, чья кровь течет в его венах и какую цену мы платим за это величие.

Ая прижала ладонь к губам, боясь, что даже самый тихий вздох может выдать её в этой тишине роскошного зала. Каждое слово герцога Доминика Де Мора падало, точно тяжелый слиток золота в пустую чашу.

— Он еще молод, — осторожно заметил Вариан, но Доминик резко перебил его: — Адриан — единственный наследник. У которого нет права на сомнения. Если продолжит игнорировать требования Кодекса, последствия будут катастрофическими для всех нас. Проследи, чтобы он не наделал глупостей, пока меня не будет. И... будь внимателен к тем, кто находится рядом с ним. Нам не нужны лишние привязанности, которые могут ослабить его волю.

Вскоре раздался мерный звук шагов, и Ая услышала, как Доминик Де Мор и магистр Вариан покинули помещение. В коридоре вновь воцарилась давящая тишина, но Ая так и осталась стоять в своей нише, не в силах пошевелиться.

По спине пробежал ледяной холод, резко контрастирующий с теплом сандаловых стен. Всё, во что она верила еще час назад, рассыпалось. Адриан не был тем монстром, как она подумала. Боль в его серых глазах у озера теперь обрела свой истинный, трагический смысл. Он был человеком, который шел наперекор воле собственного рода, отказываясь от того мрачного наследия, которое навязывал ему отец. И сейчас, оттолкнув его своим молчанием у озера, Ая фактически оставила его одного в этом противостоянии с собственной судьбой. Девушка продолжала стоять в тени ниши, осознавая пугающую истину: за маской безупречного, ледяного аристократа скрывается душа, которая нуждается в понимании гораздо больше, чем её собственная.

Чувство вины, острое и жгучее, нахлынуло на неё. Вспоминая его бесконечно грустные глаза на закате, поняла, что её холодность стала для него еще одним ударом, возможно, самым болезненным за этот день. Ая медленно отстранилась от стены, понимая, что теперь ей не найти покоя, пока не увидит его снова.

Глава 20

Глава 20. «Встреча среди теней»

Ая совершенно не заметила, как преодолела путь до Обсерватории Стеклянных Слез. Ноги сами несли вверх по ступеням, пока в сознании бешеной лавиной кружились события этого дня — их было слишком много для одних суток, и разум просто не успевал справиться с такой нагрузкой. Перед глазами всё ещё стоял багряный закат у Черного озера и бесконечно грустные глаза Адриана, в которых на долю секунды обнажилась скрытая боль. А в ушах настойчиво звенели сухие, безжизненные фразы, услышанные в келье. Камни Академии открыли ей страшную, омытую кровью изнанку величия рода Де Моров. И эта правда теперь отравляла её изнутри. Подслушанный в Западной галерее разговор герцога Доминика и магистра Вариана окончательно запутал девушку, лишая способности трезво мыслить. «Он отказывается от обязательств идет наперекор воле отца» — эти слова меняли всё, переворачивая её недавние подозрения.

Когда Ая толкнула тяжелую створку двери, Обсерватория встретила её, глубоким ночным безмолвием. Огромный стеклянный купол, устремленный в чернильное небо, пропускал внутрь холодный свет застывшей луны и далеких созвездий, заливая зал мягким серебристым сиянием. Ая огляделась вокруг, судорожно втягивая прохладный воздух, Илая нигде не было. Вокруг простиралась лишь хрустальная пустота, в которой её собственное дыхание казалось слишком громким.

— Илай — позвала девушка, и её голос сиротливо отразился от прозрачных сводов купола.

В ту же секунду воздух у стеклянной стены начал сгущаться. Из лунного света медленно соткался знакомый дымный силуэт, окутанный серебристым маревом. Илай предстал перед ней. Его ртутные глаза тускло мерцали, а на призрачном лице застыло выражение безмолвного ожидания. Он не произнес ни слова, лишь мягко склонил голову, безмолвно приглашая её высказать всё, что скопилось в душе.

Ая сделала шаг вперед, пальцы судорожно сжались, и она первая нарушила тишину, спеша избавиться от груза, который тяжёлым камнем лежал на сердце.

— Илай, сегодня голоса в моей комнате, шептали, что стены знают много тайн и мне нужно научиться слушать. И когда я доверилась своим ощущениям, погрузившись вглубь себя, камни открыли, что скрывает род Де Моров. Они шептали: «Род Де Моров Хранители долга Кровь за власть Кодекс на крови».

Илай долго молчал, его взор оставался непроницаемым. Ртуть в глазах переливалась медленно и тягуче, отражая ледяной блеск далеких звезд. Когда он наконец заговорил, голос прозвучал как тихий, шелестящий вздох:

— Это действительно так, дитя. Мы, Сломанные, чувствуем эту связь каждой крупичей своей оставшейся сути. Стены Академии знают много тайн и рассказывают это тем, кто умеет слушать. Семья Де Моров веками удерживает равновесие этого места, и цена их могущества действительно омыта кровью. Именно поэтому я и предупреждал тебя, чтобы ты была как можно осторожнее с Адрианом.

Ая почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб. Сделав еще один быстрый шаг навстречу призраку, она поспешно продолжила, понизив голос:

— Но это еще не всё. Когда я шла сюда, в Обсерваторию, случайно подслушала разговор в Западной галерее. Герцог Доминик Де Мор говорил с магистром Варианом. Отец Адриана уезжает в столицу, но он в ярости. Он приказал Вариану неотступно следить за сыном, потому что Адриан ведет себя вызывающе, не проявляет никакого интереса к делам семьи и в открытую отказывается принимать участие в этих делах! Игнорирует требования Кодекса. Герцог

боится, что он наделает глупостей, и велел следить за его окружением, чтобы никакие привязанности не ослабили его волю.

Илай выслушал это известие спокойно, без тени импульсивности или внешнего удивления. Его дымные контуры оставались неподвижными в серебряном свете луны, но внутри него шла глубокая, скрытая работа мысли. Призрак погрузился в размышления, анализируя каждое услышанное слово. Отказ наследника великого рода от обязательств Кодекса был тектоническим сдвигом в устоявшемся порядке Люминар, способным разрушить весь этот блестящий и жестокий мир до самого основания.

Илай медленно перевел свой внимательный, пронзительный взгляд на Аю. В призрачном мерцании ртутных глаз читалось нечто большее, чем простое любопытство. Он долго всматривался в бледное лицо Аи, в прикушенную губу и в то, как судорожно её пальцы сжимали ткань синего платья. Призрак отчетливо видел, что девушка словно хочет сказать ему что-то еще — нечто глубоко личное, сокровенное, но так и не находит в себе смелости произнести это вслух.

— Я вижу, что тебя мучает что-то еще, Ая, — тихо произнес он наконец, и в шелестящем голосе прозвучал не вопрос, а мягкое побуждение к честности.

Девушка подняла голову и посмотрела прямо в глаза призрака. В этом ртутном сиянии сейчас светилась такая искренняя, теплая отеческая доброта и понимание, что последние барьеры внутри неё рухнули. Ая поняла, что больше не в силах держать эту бурю в себе. Слова хлынули горячим потоком.

Она рассказала Илаю обо всем, что так тщательно прятала на самом дне своего сердца: как Адриан неожиданно пригласил её танцевать на балу, перевернув её представление о сословных границах, о повторной ночной вылазке в архив. В деталях описала их новую встречу среди парящих кристаллов памяти, то, как Адриан вызвался проводить её обратно до кельи, и как в тишине пустых коридоров она ощутила странное, пугающее, но такое манящее притяжение к нему. И самое главное, чувствовала, что от него исходит ровно такое же ответное чувство.

Голос Аи задрожал, когда она перешла к событиям сегодняшнего вечера. Описала их встречу у Черного озера, залитого багрянцем заката, и то, как сильно она запуталась, испугавшись страшного пророчества стен. — Я отвергла его, Илай — прошептала девушка и на глаза навернулись слезы. — Закрылась от него своим холодным молчанием, поспешно ушла, почти убежала. И в момент прощания я увидела такую боль в серых глазах Адриана. Ему было невыносимо тяжело, а я просто оставила его одного.

Над Обсерваторией воцарилось долгое, тяжелое молчание. Илай не перебивал, лишь дымные очертания плавно колыхались в серебряном свете луны. Когда он снова заговорил, в голосе не было осуждения.

— Я догадывался о твоей привязанности, дитя, — негромко ответил призрак. — Я часто видел искры, вспыхивавшие в твоём взгляде каждый раз, когда речь заходила об Адриане. Такие вещи невозможно скрыть от тех, кто обречен лишь наблюдать.

Ая шагнула ближе к нему, ловя каждое движение призрачного лица. В душе, подпитанной подслушанным разговором герцога, крепла безумная, но отчаянная надежда. — Как ты думаешь, Илай стоит ли мне поговорить с ним открыто? — в глазах вспыхнул упрямый огонек. — Раз он идет против своего собственного рода, наотрез отказывается участвовать в этих кровавых обязанностях. Значит, так же одинок в этом замке, как и я. Мы оба заперты в чужой игре. Возможно возможно, мы могли бы помочь друг другу?

Илай надолго задумался, его ртутные глаза на мгновение потускнели, уходя в глубину собственных воспоминаний. — Возможно, — медленно, с явной неохотой произнес он, и этот шелест заставил Аю затаить дыхание. — Твои слова звучат разумно. Но все же не надо слишком доверять ему. И ни в коем случае не рассказывай всего. Помни, чья кровь течет в венах Адриана Де Мора. Даже самый искренний бунт против отца не стирает того, кем он рожден. Защити свою тайну, пока не будешь уверена до конца. Ты же понимаешь, что вас не должны

видеть вместе, не подходи к нему открыто, нужно дождаться когда представится возможность поговорить без свидетелей.

Девушка молча кивнула, соглашаясь с мудрым предостережением Илая. Слова призрака отрезвляли, заставляя упрятать вспыхнувшую надежду поглубже, но зародившееся чувство любви уже невозможно было вычеркнуть или остановить. Оно пустило глубокие корни, и теперь Аю неодолимо тянуло к Адриану, вопреки всем пугающим тайнам его великого рода.

Шли дни, но Ае никак не удавалось поговорить с ним. Открыто подойти к наследнику Де Моров посреди людных коридоров или учебных залов она не решалась, помня строгий наказ Илая не привлекать к себе и Адриану ненужного внимания. Магистр Вариан, исполняя волю герцога, теперь следил за каждым шагом юноши.

На занятиях Адриан вел себя так, словно между ними никогда не было ночной прогулки и заговорщических взглядов. Он снова стал прежним — подчеркнуто холодным, отстраненным и высокомерным аристократом, до которого невозможно дотянуться. Ае ни разу больше не удавалось поймать взор его серых глаз; Де Мор как будто намеренно избегал смотреть в её сторону, искусно выстраивая стену равнодушия и полностью исключая любые случайные встречи.

От этой внезапной изоляции Ая глубоко и мучительно страдала. Любовь к Адриану, заполняла всё её существо, превращая каждый учебный час в изощренную пытку. Каждый вечер, когда солнце начинало клониться к горизонту, окрашивая небо в золото и медь, девушка послушно приходила к Черному озеру в надежде увидеть его силуэт у воды. Но берег оставался пуст. Де Мор больше не приходил на их тайное место.

Вынужденная подчиниться обстоятельствам, Ая лишь украдкой, сквозь ресницы, наблюдала за ним на лекциях. Было невыносимо, видеть его ледяное, безразличное лицо. Но даже в самые тяжелые минуты, когда обида подступала к горлу, Ая напоминала себе о подслушанном разговоре. Она знала, какая тяжесть лежит на его плечах, и понимала, что за этим напускным холодом скрывается благородная душа, восставшая против кровавой обязанности рода Де Моров.

В эти дни одиночества Ая приняла твердое решение: в следующий раз она не станет делать поспешных выводов и поддаваться мимолетному испугу. Ей нужно быть более сдержанной, научиться безупречно контролировать свои эмоции. Прошло несколько долгих, мучительных дней, прежде чем судьба наконец смиростивилась над ней и предоставила возможность встретиться с Адрианом без свидетелей.

После череды невыносимо долгих, серых дней, сливавшихся в бесконечную пытку одиночеством. Терпение, к которому Ая себя призывала, иссякло, уступив место давящему чувству тоски. Разум твердил об осторожности, но сердце требовало действий. Ночью, когда последние разговоры студентов в жилом крыле окончательно затихли, а яркие огни магических светильников в бесконечных анфиладах коридоров стали значительно бледнее, погрузив Академию Люминар в полумрак, она снова решила отправиться в Комнату Забытых Имен.

В глубине души теплилась безумная надежда, встретить там Адриана — ведь именно подземелья когда-то сблизили их, сорвав маски ледяного безразличия. Если же судьба вновь окажется жестокой и ей не повезет, она использует это время, чтобы продолжить свои поиски и среди тысяч призрачных кристаллов постарается отыскать книгу своей матери, хранящую ключи к тайнам прошлого.

Девушка шла быстро, но осторожно, избегая ненужных встреч в спящем замке. Спуск в чрево Академии встретил привычным могильным холодом, но Ая почти не замечала его, охваченная лихорадочным предвкушением. Оказавшись в самом низу, у подножия древних скал, она немного замешкалась возле массивной черной двери, ведущей в архив. Набравшись смелости, девушка наконец решила и приложила руку к двери, переводя дыхание и молясь о том, чтобы этот поход не оказался напрасным. Защитные знаки послушно отозвались на при-

косновение, вспыхнув мягкой лазурью, и тяжелая створка беззвучно соскользнула в сторону, открывая проход.

Когда она вошла в величественные своды Комнаты Забытых Имен, её взгляд мгновенно устремился к центру зала, где находился мраморный постамент. Призрачное мерцание парящих в вышине кристаллов памяти выхватило из полумрака то, ради чего она сюда пришла. Возле закованного в золотые цепи Кодекса стоял знакомый, идеальный силуэт. Адриан замер над черным фолиантом. В тусклом сиянии магических огней его мужественное лицо с резкими скулами, гордой линией подбородка и безупречно уложенными черными волосами казалось воплощением величественной, суровой красоты, способной заворожить с первого взгляда.

В ту же секунду сердце девушки, готово было буквально выпрыгнуть из груди от дикой, оглушительной радости. Вся боль последних дней и мучительные вечера в одиночестве у Черного озера — всё это мгновенно растаяло, стоило только оказаться наконец-то наедине в безмолвном царстве теней. Ая замерла, боясь сделать вдох, чтобы не спугнуть это зыбкое, долгожданное чудо.

Глава 21 «Страшная правда»

Адриан, словно почувствовавший на себе пристальный взгляд, медленно повернул голову и увидел Аю. В полумраке Комнаты Забытых Имен, где единственным источником света оставалось призрачное, колеблющееся мерцание парящих под высокими сводами кристаллов, время для них двоих вновь остановилось. На его лице, казавшемся в этом неверном, зыбком сиянии бледной, безупречно выточенной маской, не отразилось ни единой эмоции — оно оставалось абсолютно непроницаемым, застывшим в своем привычном величии. Серые глаза, по обыкновению встретили её холодным, отстраненным взглядом, в котором не было ни капли прежнего тепла.

Ая неотрывно смотрела на Адриана, а внутри всё буквально клокотало от дикого, удушьящего волнения, которое волнами накатывало на неё, грозя полностью лишить самообладания. Сердце билось в лихорадочном, безумном ритме, ударяя в грудную клетку так сильно, что этот стук казался оглушительным в гробовой тишине подземелья. Разум девушки наполнило непреодолимое желание просто раствориться в этом моменте и запечатлеть в памяти каждую деталь его облика. Она впитывала глазами его строгую осанку, безупречно уложенные черные волосы и эту пугающую, но такую притягательную отстраненность.

Адриан медленно, с глухим, раскатистым стуком закрыл массивную черную книгу Кодекса. Тяжелые золотые цепи, сковывавшие фолиант, тихо звякнули, и этот металлический звук медленным эхом растаял в высоких сводах архива. Юноша отошёл от мраморного поста-мента сделав несколько медленных шагов, сокращая разделявшее их пространство. Каждый его шаг отзывался в душе девушки дрожью. Холодные серые глаза Адриана вопросительно и жестко смотрели на Аю, требуя немедленных и исчерпывающих объяснений её ночного появления здесь, в святая святых запретного архива.

Ая пытаясь унять бушующую внутреннюю бурю, справиться с парализующим волнением и наконец заговорить с Адрианом. Её горло перехватило спазмом, колени мелко дрожали, отказываясь держать тело. Каждое слово давалось ей с огромным, почти физическим трудом, преодолевая сопротивление внезапно онемевших губ. Девушка сделала тяжелый шаг навстречу, преодолевая слабость и ловя исходящий от него знакомый аромат морозной хвои, заставляя свой голос прозвучать тихо, но твердостью.

— Я должна объясниться с вами, — произнесла она опуская глаза, голос слегка дрогнул. — В тот день, когда мы последний раз встретились у Черного озера... утром я услышала голоса. Они говорили мне: научись слушать, стены знают много тайн. И после занятий я пошла к себе. Прислушалась... и стены рассказали мне... страшную тайну про род Де Моров.

На этих словах Ая резко запнулась, чувствуя, как ей не хватает воздуха. Волнение, копившееся все эти мучительные дни одиночества, хлынуло наружу, сдавило горло и лишило возможности продолжать. Она замолчала на какое-то время, прерывисто переводя дух, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце и удержать слезы, подступившие к глазам от переизбытка эмоций. Адриан же за всё это время никак не изменился в лице.

Ая подняла глаза и посмотрела на Адриана, ожидая увидеть какую-нибудь реакцию, Он всё так же продолжал молча смотреть на нее пронзительным и абсолютно холодным взглядом, словно безмолвно заставляя её продолжить эту опасную исповедь.

Не увидев никакой реакции на свои откровенные слова, она почувствовала, как удушливое отчаяние затапливает грудь, лишая последних сил. Из самой глубины души вырвался горький, надрывный вопрос:

— Что бы вы подумали, оказавшись на моем месте? Я потеряла родителей, не знала бабушек и дедушек, ведь арка, поглотила их прежде, чем я родилась. — В голосе Аи, отчетливо слышалась мольба человека, стоящего на краю бездны.

Адриан слегка наклонил голову, и его силуэт в призрачном мерцании кристаллов показался еще более величественным и опасным. Он не спешил с оправданиями, и маска безразличия даже не дрогнула.

— И что же? — негромко спросил он, и этот вопрос прорезал тишину, точно стальной клинок, требуя от неё предельной, сокрушительной честности.

Ая резко опустила глаза, не в силах больше выдерживать этот пронзительный, испытывающий взор. Она замолчала, чувствуя, как внутри всё сжимается. Слова застряли в горле. Ей было мучительно трудно произнести эти ужасные обвинения вслух. Несколько секунд длилась эта удушающая пауза.

Но затем, переборов минутную слабость, Ая вновь подняла голову, решительно посмотрела в глаза Адриана. И увидела взгляд его пронзительных серых глаз на долю секунды едва заметно смягчился. Этот мимолетный проблеск человеческого тепла подарил ей каплю безумного мужества. Девушка сделала глубокий вдох и произнесла сдавленным, прерывающимся от волнения голосом:

— Я подумала... что и вы причастны к этому кошмару. Мне было невыносимо больно это осознавать... Весь мой мир рушился от одной только мысли. Ведь вы... вы единственный человек во всей этой проклятой Академии, с кем я могу поговорить.

Слова сорвались на шепот и растаяли в полумраке Комнаты Забытых Имен. Адриан не ответил ни слова, сузив глаза, он принялся внимательно разглядывать Аю. Взгляд скользил по её бледному лицу, словно пытаясь проникнуть внутрь и увидеть потаенные мысли.

Наконец, Адриан нарушил тишину. Его ледяной голос прозвучал ровно, но в глубине серых глаз промелькнуло нечто острое, испытывающее. — Вы до сих пор так думаете? — негромко спросил он, и в этом вопросе Ая уловила, скрытое напряжение.

Она посмотрела на него прямо, чувствуя, как волнение уступает место чистой, выстраданной искренности. — Нет, — ответила она тихо.

Лицо Адриана оставалось безупречной мраморной маской, однако брови его едва заметно сошлись к переносице. Загадка её внезапной перемены мнения явно вызвала у него глубокий интерес. — Что же заставило вас изменить свое мнение? — взор серых глаз, стал еще более пытливым.

Ая замерла. Внутри всё сосредоточилось: она с пугающей ясностью осознала, что черта пройдена. Ей придется рассказать ему всю правду. Придется признаться, что она подслушала самые сокровенные, опасные тайны его семьи. Некоторое время она просто не решалась открыть рот, раздираемая внутренними колебаниями и тяжелым осознанием того, насколько глубоко она увязла в интригах Академии Люминар. Она судорожно вздохнула, борясь с онемением губ, а затем, медленно опустила глаза, не выдерживая тяжести его пронзительного взгляда, заговорила.

Сдавленным, прерывающимся от волнения голосом Ая рассказала ему, как после их тяжелого расставания у Черного озера не смогла вернуться в свою келью, как ноги сами понесли в сторону северного крыла и в полумраке уединенных коридоров крыла Наставников, она услышала голоса, за не запертой дверью приватной приемной. Ничего не скрывая, Ая поведала Адриану весь услышанный разговор между герцогом Домиником Де Мором и магистром Варианом. Каждое слово давалось с трудом, обнажая перед Адрианом её самую большую, смертельно опасную тайну.

Когда через некоторое время девушка наконец нашла в себе силы поднять голову и посмотреть на Адриана, дыхание перехватило от того, что открылось её взору. Безупречная, холодная маска аристократа, которую Де Мор носил словно вторую кожу, растаяла. В недрах его серых глаз, обнажилась страшная, затаенная боль. Юноша какое-то время хранил тяжелое, давящее молчание, и в этой звенящей тишине архива Ая почти физически ощущала, как его ломает изнутри от необходимости произнести то, что он годами, скрывал от всего мира.

Наконец, Адриан сделал глубокий вдох, и его низкий голос, лишенный прежнего высокомерия, глухо и надтреснуто разнесся под каменными сводами Комнаты Забытых Имен. С каждым словом его ледяная броня осыпалась прахом, являя Ае его истинную, израненную суть. Рассказал, что всё что она узнала про род Де Моров, действительно является правдой, от которой невозможно сбежать. Но то, что он хрипло произнес дальше, заставило кровь в венах Аи окончательно застыть.

Сдерживая клокочущую в груди бурю, Адриан поведал о том, что обязательства его семейства, гораздо страшнее. Они приносят в жертву не только безродных людей, чьи жизни для Совета были лишь разменной монетой. Род Де Моров на протяжении долгих веков, поколение за поколением, отдавал в жертву всех своих женщин, платя самую страшную, невыносимую цену за свое незабываемое величие и безграничную власть.

Адриан говорил медленно, и в интонации сквозила беспросветная, удушающая ярость. Рассказал, как сильно возненавидел эту ненасытную Арку, когда ему исполнилось семь лет. Именно в тот роковой, выжженный в памяти день. Его отец, герцог Доминик Де Мор, послушный древнему кровному долгу, хладнокровно принес в жертву его мать и маленькую сестренку, которой на тот момент едва исполнилось три года.

Семилетний мальчик остался один на один со своей безмерной, разрывающей сердце потерей и страшным осознанием того, что его отец — палач, а сам он обречен унаследовать эту кровавую плаху. Воспоминание о том, как закрылся зев Бездны над самыми дорогами ему людьми, навсегда выжгло на его душе клеймо, которое определило каждый его последующий шаг и заставило в открытую пойти наперекор воле могущественного рода.

Голос Адриана прервался, став совсем тихим, почти неузнаваемым от подступивших воспоминаний. Он опустил голову, и Ая увидела, как судорожно сжались его челюсти.

— Она часто снится мне, — хрипло, с невыносимой тоской выдохнул он, устремив пустой взгляд в темноту зала. — Почти каждую ночь я снова вижу её лицо. Она... так отличалась от моего отца. В ней не было слепой жажды власти и фамильного льда Де Моров. Моя мать была соткана из света и тепла. И так сильно, до беспамятства любила меня и сестренку. Она знала свою страшную участь. Знала, какой финал уготовлен ей этим контрактом. И именно поэтому так торопилась жить. Словно пыталась успеть отдать нам всю любовь, на какую только было способно её доброе, чистое сердце. Каждую свободную минуту она обнимала нас, пела песни, пытаясь защитить от тени, которая неумолимо сгущалась над её головой. И отец... отец отнял у меня этот свет. Сам, своими руками, толкнул её в Бездну ради сохранения величия нашего имени.

Слова Адриана затихли, медленным эхом растворяясь среди бесконечных стеллажей, но в воздухе подземелья еще долго продолжала вибрировать эта страшная, оголенная правда. Ая стояла неподвижно, чувствуя, как от его слов в её собственной груди всё разрывается от невыносимой, щемящей жалости. Перед ней больше не было высокомерного наследника Де Моров, опасного стража Бездны. В призрачном мерцании кристаллов она видела лишь осиротевшего, глубоко израненного мальчика, который один несет сквозь годы этот непосильный груз и свою священную ненависть к законам собственного дома.

Девушка сделала медленный, почти неосознанный шаг вперед, сокращая то последнее расстояние, что всё еще разделяло их. Совсем не хотелось говорить пустых слов утешения — они были бы святотатством перед лицом такой трагедии. Она лишь смотрела в серые глаза Адриана, в которых сейчас отражалась вся боль разбитого детства, и её взгляд был полон абсолютного принятия. Ая как никто другой, понимала его боль, ведь она была созвучна с её собственной. Теперь их объединяло не просто хрупкое взаимное притяжение, а общая, незаживающая рана. Эта ненасытная Арка у них обоих отобрала самых родных и дорогих сердцу людей. Одно и то же зло сломало их судьбы, и это страшное сходство связывало их крепче любых клятв.

В полумраке этого безмолвного некрополя памяти время окончательно прекратило свой ход. Они просто стояли друг напротив друга — двое самых одиноких пленников Академии Люминар, разделяя одну на двоих тяжелую тайну и одну общую потерю. Ая понимала, что эта ночь навсегда изменила всё. Завтра им снова придется вернуться под удушающие своды учебных залов, прятать глаза, носить безупречные маски и делать вид, что они чужие. Но здесь, в тишине подземелья, между ними пролегла уже не просто хрупкая нить доверия. Это было нечто гораздо более глубокое, мощное и необратимое — зародившееся чувство, которое отныне связывало их судьбы в единый, нерушимый узел, способный либо спасти их, либо вместе утянуть на самое дно Бездны.

Глава 22 «Невидимые пути»

Слова Адриана о погибшей матери и маленькой сестре еще долго вибрировали в тишине Комнаты Забытых Имен. Юноша искренне удивился тому, что только что произошло, почему он рассказал эту страшную тайну, именно ей? За все эти долгие годы одиночества он ни разу, ни с одним человеком не откровенничал на эту тему. Де Мор привык заживо хоронить свои воспоминания под толщей фамильного льда, ревностно оберегая свою рану от чужих, любопытных глаз. Однако теперь, раскрыв жуткую правду своей семье перед Аей, он внезапно ощутил, как с плеч спала невидимая тяжесть. На душе стало гораздо легче, ушёл весь груз одиночества, годами копившегося в груди.

Постепенно ледяной разум аристократа начал возвращать себе привычный контроль над растревоженными чувствами. Адриан окончательно пришел в себя, дыхание выровнялось, а осанка вновь приобрела былое величие. Он сделал короткий, решительный шаг вперед, сокращая разделявшее их расстояние, и мягко, но уверенно взял руки Аи в свои ладони. Его пальцы были теплыми и сильными, и от этого прикосновения по всему телу девушки разлилась волна успокаивающего, щемящего тепла. Он посмотрел на нее серьезно, и лишь в самой глубине серых глаз девушка смогла разглядеть едва заметную, искру теплоты.

— Вы должны выслушать меня, — негромко произнес Адриан, в низком голосе больше не было прежнего высокомерия, только вибрирующая серьезность. — В тот день, когда вы прошли через Арку, я заинтересовался вами не из простого любопытства. Если она не смогла поглотить вас, и вы сумели удержать свои воспоминания и вырваться обратно, значит, эта сила Арки не абсолютна. В её механизме есть брешь. Я подумал, это дает мне шанс найти слабое место в самом Кодексе Жатвы, чтобы навсегда разорвать контракт моего рода.

Его ладони едва заметно, почти неосознанно сжались, у Аи перехватило дыхание.

— Мы можем встречаться здесь, в тишине этого архива, чтобы вместе искать ответы, — продолжил Адриан, взгляд стал сосредоточенным, заставляя Аю ловить каждое слово. — Но нам нужно быть предельно осторожными. Если кто-нибудь из магистров или Совета узнает, что мы посещаем это место втайне от всех. Вас, сразу закуют в глубоком подземелье под замком — там, где древняя защитная кладка полностью блокирует эфир, там бессильна любая магия и никто не сможет вам помочь.

Де Мор на мгновение замолчал, внимательно, с затаенной тревогой вглядываясь в бледное лицо девушки, словно проверяя, готова ли она выдержать этот груз и не сломаться под его тяжестью.

— И, конечно, вы понимаете, — его тон стал более сдержанным, холодным. — Днем вы не должны даже смотреть в мою сторону. Мы и так привлекли к себе слишком много внимания. Раз отец отдал приказ Вариану следить за моим окружением, наш союз будет представлять для них огромную опасность.

Ая внимательно слушала, чувствуя, как близость Де Мора и доверие, зародившееся между ними, наполняют душу новой, созидательной силой. Пользуясь тем, что Адриан впервые был с ней так честен и открыт, решила озвучить то, что мучило её каждую ночь, лишая покоя и заставляя плакать в подушку.

— Я всё понимаю, и буду послушна этим правилам, — тихо произнесла она, не отводя взгляда от его глаз. — Но... у меня в Низине остался маленький брат. Мой Лука. Я ничего не знаю о судьбе мальчика с тех пор, как меня насильно забрали в Академию. Можете ли вы как-нибудь узнать, что с ним? Жив ли он?

Адриан на мгновение нахмурился, и в глазах отразилась тяжелая, напряженная работа мысли, смешанная с глубоким сочувствием. Он медленно опустил её руки, и этот разрыв контакта отозвался в душе Аи легким уколом холода.

— В данной ситуации, когда за каждым моим шагом следят, а Вариан проверяет любое послание, уходящее за пределы Академии, сделать это будет достаточно сложно, — ответил он честно, и в голосе проскользнула усталость. Однако, заметив, как померк, наполнившись тихим отчаянием взгляд Аи, добавил чуть мягче, почти бережно: — Но я придумаю что-нибудь. Мой род имеет свои каналы связи, которые не подконтрольны наставникам. Я найду способ отправить верного человека.

В полумраке Комнаты Забытых Имен повисла короткая, но осязаемая пауза прощания. Здесь, глубоко под землей, под защитой тяжелых железных дверей и векового камня, они были в абсолютной безопасности — в этом уединенном некрополе памяти их никто не мог подслушать. Но риск быть замеченными на обратном пути все еще оставался. Адриан еще раз пристально посмотрел в её глаза, во взгляде читалась бесконечная, щемящая грусть.

— Берегите себя, — негромко произнес он, и в низком голосе, обычно таком ровном, проскользнула едва заметная, дрожащая нотка. — Помните всё, о чем мы говорили. От этого зависит ваша жизнь.

Ая почувствовала, как к горлу подступил комок, а на глаза наворачиваются слезы.

— Я буду осторожна, обещаю, — прошептала она.

Юноша ничего не ответил, но взгляд потеплел так сильно, что Ае на мгновение показалось, будто весь холод этого подземелья отступил. Медленно поднял руку и на долю секунды коснулся кончиками пальцев её щеки, убирая выбившуюся темную прядь. Это мимолетное, прикосновение, обдало девушку жаром.

— Доброй ночи, — тихо сказал он, наконец делая шаг назад, медленно удаляясь от Аи к центральному постаменту с Кодексом, залитого призрачным светом.

Ая возвращалась в келью быстро, стараясь сливаться с каждым выступом прохладных каменных стен. Этот путь назад, сквозь бледные, едва теплящиеся огни угасающих светильников, показался бесконечным лабиринтом. Каждый шорох сквозняка в пустынных коридорах, заставлял замирать на месте. Ею двигал лишь безумный, оглушительный стук собственного сердца, который набатом отдавался в ушах. Руки всё еще помнили тепло сильных ладоней Адриана, а щека горела от прикосновения его пальцев. Оказавшись у себя и заперев дверь, она без сил опустилась на кровать. Сон так и не пришел к ней этой ночью; Ая лежала в темноте, глядя на высокие своды потолка, оглушенная невероятной, трагичной историей и волнующей близостью, что связала их в архиве.

На следующее утро Зал Свитков встретил студентов своим привычным, величественным шиком. Ая заняла свое место, стараясь дышать как можно ровнее, хотя внутри всё горело от напряжения. Выполнить требование Адриана — и не смотреть в его сторону — сегодня было труднее, чем когда-либо в жизни. Мысли то и дело возвращались в ночное подземелье, к теплу его рук, и той страшной правде, что намертво связала их судьбы.

Стоило магистру Вариану войти в аудиторию, как атмосфера в зале мгновенно потяжелела, став давящей, удушающей и густой. Его шаги по шелковым ковровым дорожкам были абсолютно беззвучными, но присутствие ощущалось как парализующий пресс. Вариан занял свое место у кафедры и медленно, с пугающей, въедливой пронизательностью обвел взглядом ряды студентов. Ая кожей почувствовала, как его тяжелый, сканирующий взор на долю секунды задержался на ней, словно он пытался просветить её насквозь и вытащить наружу скрытые ночные секреты.

Девушка приложила колоссальные усилия, чтобы удержать лицо абсолютно спокойным, холодным и безучастным, демонстрируя лишь привычное, скромное почтение, хотя внутри всё клочкотало от волнения. Адриан сидел у окна, выпрямив спину с безупречным, высокомерным достоинством. Даже не смотрел в ту сторону, где сидела Ая, оставаясь идеальным воплощением аристократического безразличия.

Когда лекция в Зале Свитков наконец подошла к концу, адепты начали неспешно собирать свои пергаменты, перевязывая их бархатными лентами. Ая мысленно уже праздновала маленькую победу — ей удалось выдержать этот долгий час под пристальным взором магистра Вариана, ни разу не выдав волнения, не покидавшего девушку, от воспоминаний о ночной встрече. Вариан поднял руку, призывая всех к порядку.

— Оставьте манускрипты, — негромко, но властно произнес магистр Вариан. — Наша практическая часть занятия, сегодня пройдет в Зале Оракулов. Пожалуйста, проследуйте за мной. Мы проверим, насколько надежны ваши ментальные щиты перед лицом прямого давления.

Ая почувствовала, как внутри всё напряглось. Огромный Зал Оракулов, обычно использовался для магических дуэлей и самых суровых испытаний. Мысль о том, что придется выйти туда под бдительным прицелом наставника, заставила сердце биться в учащенном ритме, от тревожного предчувствия. Она понимала: Вариан, исполняя волю герцога и что то, задумал.

Адепты покорно потянулись к выходу из аудитории. Ая шла в общей массе студентов, стараясь ничем не выделяться и сохранять внешнее спокойствие. Но едва процессия свернула в длинный коридор, ведущий к дуэльному корпусу, шум шагов и гул голосов, внезапно отступил на второй план. В сознании Аи, перекрывая шорох мантий и приглушенные разговоры аристократов, вновь ожили те самые голоса, чей невнятный, скорбный фон сопровождал девушку. Но сейчас, в отличие от прежнего смутного шелеста, она отчетливо услышала их предупреждение.

— *Вариан ищет скрытое... Тот, чей щит дрогнет, обнажит перед ним все свои потаенные страхи и скрытые секреты... Не дай ему заглянуть за занавес...*

Ая замерла на долю секунды, но тут же заставила себя продолжить движение, чтобы не привлечь внимания идущей следом Селесты. Услышанное послание мгновенно вытравило из души последние остатки спокойствия. «Тот, чей щит дрогнет, обнажит потаенные страхи...» — эти слова ледяной иглой вонзились в сознание. Если магия Вариана прорвет её защиту, он увидит всё: ночную встречу у Кодекса, прикосновение Адриана, и тайный заговор.

Двери Зала Оракулов медленно распахнулись, являя свое величественное и мрачное великолепие. Студенты полукругом выстроились вдоль каменных трибун, окружавших платформу. Ая заняла место чуть поодаль, стараясь унять внутреннюю бурю и полностью сконцентрироваться на защите. Её взгляд против воли скользнул в сторону. Адриан стоял среди высокородных адептов, безупречно прямой, с привычным, высокомерным достоинством. Он смотрел перед собой холодным, отстраненным взором, идеально разыгрывая роль аристократического безразличия, но Ая знала — сейчас его внимание напряжено до предела.

Магистр Вариан медленно взошел на обсидиановую платформу, и его шаги гулким эхом разнеслись под высокими сводами зала. Он поправил манжеты своего строгого камзола и медленно принялся сканировать лица замерших адептов.

— Сегодня мы повторно проведем испытание, которое покажет, насколько прочны ваши ментальные доспехи, — негромко произнес Вариан, и его тяжелый, испытывающий взор сфокусировался прямо на Ае. На его тонких губах промелькнула едва заметная полуулыбка, от которой по спине девушки пробежал мороз. — И начнем мы с вас, Ая. Пожалуйста, поднимитесь на платформу.

В зале воцарилась тишина. Все взгляды мгновенно устремились на неё. Ая сделала глубокий вдох и сделала первый шаг к обсидиановому кругу. Ступив на холодную, зеркальную поверхность дуэльной платформы, почувствовала, как внутри пытается подняться волна парализующего волнения. На кону стояло слишком многое, и цена ошибки была непомерно высока.

Остановившись в самом центре платформы лицом к лицу с магистром, Ая начала дышать — глубоко, мерно и размеренно. С каждым медленным выдохом заставляя утихать бушевавший в груди шторм, силой воли возвращая себе ледяное самообладание. Она успокаивала дрожь в теле, слой за слоем возводя в мыслях нерушимую стену. Ей нужно было во что бы то

ни стало запереть свои ночные воспоминания, укрыть образ Адриана и подслушанный разговор в самых недостижимых глубинах своего существа.

Девушка посмотрела прямо в глаза Вариана встретила тяжелый, испытывающий взор. Лицо её теперь было абсолютно спокойным, маска скромного почтения — безупречной, но внутри всё было натянуто, как звенящая струна. Невидимые пути их тайного союза с Адрианом натянулись до своего предела, готовые либо выдержать грядущий удар, либо оборваться навсегда.

Глава 23 «На грани небытия»

Получив четкий приказ от герцога Доминика проверить окружение наследника, магистр Вариан действовал вслепую. Он не имел ни малейшего понятия, с кем именно тайно общается Адриан, и потому принял единственное верное решение — устроить тотальную проверку для каждого студента без исключения. Он искал любую, даже самую мимолетную вспышку чужих эмоций, которая могла бы выдать скрытую связь с Де Мором.

Решив не тратить время на долгие вступительные речи. Холодный, пронизывающий взгляд Вариана сфокусировался на девушке, заставив её внутренне подобраться.

— Вы готовы, Ая? — негромко, но властно спросил он, и этот сухой вопрос гулким эхом разнесся под высокими сводами зала.

— Готова, — твердо ответила Ая.

Девушка понимала, что малейшее волнение сейчас погубит её, выдав наставнику всё, что происходило ночью. А, так же другие компрометирующие события. Сделав глубокий вдох, Ая заставила себя полностью отрешиться от сотен пристальных глаз. Погрузила, все недавние события, которые могли ее погубить в самую недостижимую глубину своего сердца. Оставила лишь малоинтересные будни. В ту же секунду ощутила, как доспех любви горит ровным светом, выстраиваясь вокруг этих воспоминаний словно несокрушимая монолитная стена.

Ая закрыла глаза и привычным усилием соорудила ментальный щит. Стоило зафиксировать барьер, как на неё мгновенно обрушилась огромной мощи ударная волна. Атака Вариана была сокрушительной, ядовитой и безжалостной. Каждое мгновение стоило Ае колоссальных, почти нечеловеческих усилий, чтобы просто удерживать этот яростный напор чужой воли.

В голове девушки промелькнула мысль: оказывается, когда у неё была дуэль с Адрианом, тот либо щадил её, намеренно сдерживая свой напор, либо магистр Вариан обладал куда большей, разрушительной силой. Напор чужого разума становился невыносимым, внешняя защита трещала по швам, и Ая, потеряв уверенность в том, что сможет устоять под этим разрушительным шквалом, пошла на отчаянный шаг. Перестала концентрироваться на внешнем щите, мысленно уже проиграв этот поединок.

Вместо этого она решила проверить доспехи любви, укрывшие все её тайны. Заглянув внутрь себя, Ая с изумлением увидела, что эти созидательные доспехи, рожденные из чистого чувства, достойно и непоколебимо держат сокрушительный удар магистра. Монолитная стена в глубине сердца даже не дрогнула. Девушка с облегчением поняла, что Вариан, как бы сильно ни давил на её разум, физически не сможет пробиться к скрытым воспоминаниям и увидеть события, которые она так бережно укрывала.

Внешний щит окончательно разлетелся на осколки, и Ая, обессиленная этим изнуряющим поединком, тяжело упала на колени на холодный обсидиан платформы. Дыхание было прерывистым, а по телу разлилась свинцовая слабость.

Магистр Вариан, так и не увидев в её поверхностных мыслях ничего, кроме малоинтересной, будничной студенческой жизни, потерял к Ае всякий интерес. Не проронив больше ни слова, коротким, повелительным знаком указал стоявшему у края платформы магистру Кассиану, чтобы тот помог девушке подняться и освободить обсидиановый круг для других испытуемых. Вариан повернулся к замершим студентам, готовый продолжить свою методичную, слепую охоту за чужими секретами.

Магистр Кассиан быстро подошёл к Ае, сильные руки аккуратно подхватили её под локти, помогая подняться на ноги, которые всё ещё мелко дрожали от пережитого напряжения. Девушка едва переставляла стопы, чувствуя, как свинцовая тяжесть разливается по суставам. Покорно склонила голову перед Варианом в прощальном жесте скромного почтения и медленно, опираясь на наставника, сошла с платформы к каменным трибунам.

Пока Ая возвращалась на своё место в глубине рядов, Зал Оракулов вновь наполнился приглушённым, тревожным перешёптыванием. Студенты провожали её напряжёнными, оценивающими взглядами. Селеста, сидевшая чуть впереди, даже не скрывала своей надменной, торжествующей ухмылки: падение внешнего щита безродной девчонки из Низины выглядело как полное позорное поражение. Ая опустила на каменную скамью, судорожно вдыхая прохладный, пахнувший озоном воздух, и украдкой, сквозь полуопущенные ресницы, посмотрела в сторону Адриана.

Наследник рода Де Моров сидел всё так же безупречно прямо. Лицо оставалось непроницаемой маской, но Ая, уловила едва заметное изменение в осанке. Плечи, бывшие до этого мгновения натянутыми как струна, едва ощутимо расслабились. Адриан понял, что Вариан ничего не увидел. Невидимые пути их тайного союза выдержали этот свирепый натиск.

Тем временем слепая охота Вариана продолжалась. Не прерывая гнетущего молчания, магистр обвёл взглядом замершие трибуны, выбирая следующую жертву.

— Селеста Ван Торн, — сухой, ровный голос Вариана заставил зал снова затаить дыхание. — Ваша очередь. Поднимитесь пожалуйста на платформу и продемонстрируйте нам истинную стойкость высшего сословия.

Селеста победно вскинула подбородок и стремительным, изящным шагом направилась к обсидиановому кругу.

Испытание продлилось недолго. Несмотря на всю свою гордость, знатное происхождение и превосходную технику, ментальный щит тоже потерпел поражение под свирепым натиском магистра. Девушка приложила колоссальные усилия, чтобы сохранить лицо, и, хотя ей удалось остаться стоять на ногах, по бледному, искаженному напряжением лицу и судорожно сжатым губам, было очевидно — защита Селесты разлетелась вдребезги.

Один за другим испытуемые поднимались на обсидиановую платформу, и никто из них не смог выдержать сокрушительный напор Вариана. Магистр действовал методично и безжалостно, казалась его воля безгранична, и сам он, не выглядел усталым, раз за разом сокрушая ментальные щиты студентов.

Последним, чье имя прозвучало, был Адриан. Наследник великого рода медленно поднялся со своего места на трибуне. Благодаря ночному признанию Аи теперь он точно знал, что именно ищет Вариан и ради чего была устроена эта тотальная проверка. Де Мор давно научился безупречно контролировать свой разум, и умел искусно прятать все потаенные мысли и важные события в глубинах своей ярости. Юноша был полностью уверен, что магистр ничего интересного не обнаружит.

Он уверенно взошел на платформу и посмотрел магистру прямо в глаза, привычным, надменным, холодным взглядом, в котором сквозило врожденное превосходство. Вариан, почувствовав эту силу, слегка склонил голову и почтительно предложил наследнику приготовиться к поединку. Адриан лишь коротко кивнул.

Стоило Вариану поднять руку, как зал накрыла волна невероятного напряжения. Адриан был сильным соперником, у наставника не получилось одержать над Де Мором такую же легкую и быструю победу, как над остальными. Невидимое столкновение их воли заставило воздух над платформой ощутимо задрожать, а руны обсидианового круга вспыхнули багровым пламенем. Это была битва равных. Вариан, изрядно утомившись тратил колоссальные усилия, миллиметр за миллиметром продавливая защиту юноши.

Спустя несколько минут изнурительного противостояния магистр всё же одолел щит наследника, прорвав внешний барьер, но, столкнувшись с глухой стеной его ярости, так ничего и не увидел. Разум Адриана остался неприступной крепостью. Вариан тяжело опустил руку, на лбу выступили крупные капли пота, а в глазах читалось сильное истощение. Магистр выпрямился и хрипло объявил, что все могут быть свободны на сегодня.

Когда массивная дверь Зала Оракулов отворилась, студенты шумно высыпали наружу, заполняя коридоры Академии Люминар. Напряжение, сковывавшее всех последние часы, наконец прорвалось наружу. Студенты разбрелись кто куда: одни спешили занять уединенные ниши, другие направились к жилым корпусам. Разбившись на небольшие группы, они оживленно обсуждали свои ощущения, делясь пережитым шоком, недоумевая от столь внезапной и жестокой проверки. В воздухе висело глухое раздражение высшей аристократии, чья гордость сегодня была бесцеремонно растоптана магистром Варианом.

Ая, стараясь не привлекать внимания, незаметно скользнула к боковому выходу. Ей жизненно необходимы были тишина и свежий воздух. Выйдя, в сад, неторопливо пошла прогуляться по тенистым аллеям, ведомая лишь тихим шорохом листвы и собственными мыслями. Девушка с облегчением обнаружила, что в огромном саду Академии сейчас совершенно никого нет — все были, слишком поглощены обсуждая события дня внутри замка

Воспользовавшись, этим редким уединением отправилась к Черному озеру. Здесь, у самой воды, мир казался нетронутым и безмятежным, резко контрастируя с напряжённой атмосферой Зала Оракулов. Опустившись на старую каменную скамью, Ая почувствовала, как прохлада вечера ещё не успела прогнать тепло от камня, согретого за день ласковыми лучами солнца.

Созерцая застывшую красоту природы, Ая погрузилась в глубокие размышления. Теперь, когда она знала, какую чудовищную цену род Де Моров платит за свое величие, она не могла оставаться в стороне. Страстно желая помочь Адриану разорвать страшный кровный контракт. К тому же, её интуиция и некоторые знания подсказывали: этот шаг неизбежно привел бы к полному, сокрушительному краху всей существующей магической империи. Если наследник великого рода, найдёт лазейку и разорвёт обязательства семьи, Арку больше никто не сможет восстановить, а значит — кровавая Жатва навсегда закончится.

Но была и другая, глубоко личная причина, Ая надеялась увидеть свою мать среди тех Сломанных, что ещё остались в недрах Академии. Ей казалось, что если уничтожить этот кошмарный механизм, то сможет спасти её душу. Более того, девушку не покидала робкая надежда, что-нибудь узнать о судьбе своего отца, который бесследно пропал два года назад, оставив их с Лукой одних.

Чтобы получить ответы на все эти вопросы, Ая решила погрузиться в сумрачный предел — зыбкое пограничное состояние, где стираются границы между мирами и время течет по иным законам.

Размеренное, глубокое дыхание всегда помогало девушке восстановить внутренний баланс, вернуть контроль над эмоциями и окончательно успокоиться после тяжелого дня. Ая устремила взгляд на зеркальную гладь Черного озера. Она делала медленный, глубокий вдох, впитывая прохладу вечернего воздуха, и такой же плавный, затяжной выдох, мысленно отсекая от себя гул Академии, лица магистров и тяжесть обсидиановой платформы.

Повторяла этот цикл снова и снова, пока не ощутила удивительное, парящее состояние, словно тело потеряло всякий вес, растворяясь в окружающем пространстве. Границы реальности вокруг начали плавно размываться. Ая закрыла глаза и, окончательно погрузившись, начала легко скользить по зеркальной, туманной глади сумрачного предела, уходя вглубь затаявшихся тайн Академии Люминар.

Оказавшись по ту сторону привычной реальности, Ая мгновенно ощутила абсолютную ясность, какой не знала никогда прежде. Сумрачный предел больше не казался туманным лабиринтом; в этот момент он как будто, подчинился её воле. Сознание обострилось до предела, и она сразу сейчас можно получить ответ на абсолютно любой вопрос, который посмеет задать этому безмолвному пространству.

Первое, самое жгучее желание, узнать, как именно можно разорвать страшный, омытый кровью контракт рода Де Моров с Аркой. Девушка мысленно сосредоточилась на образе Адриана, на его многолетней боли, и воззвала к глубинам информационного потока.

Однако пространство не спешило являть ей готовые решения. Вместо четких ответов из глубины тумана до неё донеслось зашифрованное послание, похожее на едва различимый, зловеющий шепот. Это был лишь далекий намек, шифр. В этом шелесте Ая отчетливо расслышала только, одну-единственную фразу, которая ледяной иглой врезалась в память:

«Печать Истока вскроет лишь союз полярной крови в Час Равноденствия...»

Прежде чем она успела вдуматься в это туманное пророчество, Девушка внезапно ощутила, как её начало затягивать в самую глубь сумрачного предела. Окружающее пространство изменилось, уплотняясь и увлекая за собой на самое дно. Мысли начали путаться, теряя четкость, а все недавние переживания, вдруг показались чем-то бесконечно мелким, далеким и совершенно несущественным. Поймав себя на этой опасной, легкости, Ая опомнилась. В сознании вспыхнуло тревожное предупреждение: нельзя погружаться слишком глубоко, нужно лишь скользить по самой поверхности сумрачного предела, иначе возврата в мир живых уже не будет.

Но пространство потеряло осязаемые ориентиры, растворяясь в бесконечном сером мареве. Бездна, затаившаяся под зыбким, колыхающимся туманом, начала казаться невероятно привлекательной, манящей и умиротворяющей. Она звала беззвучным, но властным зовом, шепча о полном избавлении от всех земных страданий.

Ая почувствовала, как по телу разливается тягучая, невесомая эйфория. Это было невероятное, абсолютное наслаждение, какому человеческий разум просто не в силах был противостоять. Бездна ласково баюкала, укутывая в кокон из абсолютного покоя. Каждый вздох в этом пограничном состоянии приносил сладкое, пьянящее блаженство, от которого воля таяла, точно воск. Больше не нужно держать ментальный щит под тяжёлым натиском магистра Вариана, прятать глаза от сокурсников и ежесекундно опасаться предательства.

Сознание заполнило убаюкивающее, непреодолимое наслаждение. Чувство было настолько мощным, что стирало саму личность, превращая мысли в легкую, беззаботную дымку. Каждая клеточка души стремилась сдаться, сделать последний шаг и навсегда раствориться в этом ласковом, манящем небытии, которое казалось сейчас единственным истинным спасением.

Ая уже почти пропала. Сознание истончилось до прозрачной нити, готовой окончательно оборваться и навсегда раствориться в маслянистой черноте пустоты. Собственное имя казалось чужим, воспоминания о реальном мире угасали, как остывающие угли. Она медленно погружалась на самое дно, теряя последние капли человеческого «я», когда сквозь эту удушьящую, сладкую патоку небытия внезапно, прорвался мощный электрический разряд.

Резкая вспышка динамичной энергии, ворвалась в распадающийся мир. Из глубины угасающего сердца, проломив барьеры эйфории, вырвался образ Адриана спасительным якорем. Перед взором возник пронзительный взгляд серых глаз, в которых горело живое пламя. В сознание мощным толчком ворвалось воспоминание о тепле его сильных ладоней, которые сжимали её руки в подземелье, удерживая на краю пропасти. Но главным импульсом, который буквально вырвал девушку из оцепенения, стало эхо его хриплого голоса — его ночная исповедь у Кодекса Жатвы. Каждое слово о погибшей матери и маленькой сестренке, звучало в её голове как набатный призыв к действию.

Ая резко открыла глаза, судорожно втягивая прохладный воздух. Небо окрасилось в яркие, пылающие краски вечернего заката, заливая воду золотом и медью, Девушка не замечала этой красоты. Находясь в оцепенении, всем своим существом ощущая невероятную привлекательность Бездны, которая до сих пор не желала отпустить.

Глава 24. «Два полюса»

Дрожь в теле постепенно утихла, но сознание Аи всё ещё оставалось затуманенным после смертельно опасного погружения. Она полностью потеряла счет времени и совершенно не знала, сколько минут или часов вот так неподвижно просидела на каменной скамье у Черного озера. В ушах всё ещё стоял тот манящий, сладкий гул пустоты, от которого кружилась голова. Но когда она окончательно пришла в себя и сделала глубокий, осознанный вдох, вокруг было уже совершенно темно.

Плавающие краски заката бесследно растаяли, уступив место густой, чернильной ночи. Небо над Академией Люминар заволочло тяжелыми тучами, сквозь которые едва пробивался бледный свет далеких звезд, а зеркальная гладь озера превратилась в непроницаемую темную пропасть. Поднявшись со скамьи, Ая поправила складки своего синего платья, и в этот миг в памяти с кристальной четкостью всплыла зашифрованная фраза, которую она успела вырвать у сумрачного предела: «Печать Истока вскроет лишь союз полярной крови в Час Равноденствия...»

Ая медленно повторила эти слова про себя, вслушиваясь в их таинственное звучание. Она совершенно не понимала истинного значения этой фразы. Что за Исток скрывает в себе Академия? Чья именно кровь названа полярной? Вопросы множились, не находя ответов в её собственной голове, но внутри крепла уверенность: Адриан обязательно во всем разберется. Ая поспешила обратно к замку.

Ночной замок Люминар казался чужим и пугающим. Девушка пробиралась сквозь погруженные во мрак переходы Западного крыла, стараясь держаться как можно тише и буквально вжимаясь в стены при каждом шорохе. Шаг за шагом она приближалась к цели, и вот впереди уже показался темный, арочный проем, за которым начиналась крутая винтовая лестница, ведущая напрямиком в запретный архив. Ая мысленно выдохнула, понимая, что до Комнаты Забытых Имен осталось совсем немного.

Она почти уже дошла до винтовой лестницы, как вдруг сознание прорезало предупреждение. Те самые голоса, чей невнятный фон непрерывно пульсировал на периферии разума, на этот раз зазвучали отчетливо и громко: — *Прячься... Тень идет...*

От этого внезапного призыва кровь стыла в жилах. Ая не стала тратить драгоценные секунды на размышления — инстинкт выживания сработал быстрее рассудка. Справа от неё находилось глубокое стрельчатое окно, прикрытое тяжелой, плотной портьерой. Девушка быстро юркнула за штору, буквально вжавшись спиной в прохладное стекло, затаила дыхание. Она замерла, прижав ладони к губам, чтобы не выдать своего присутствия даже самым тихим вздохом.

Прошло несколько долгих, невыносимых мгновений, прежде чем Ая увидела в узкую щель между складками тяжелой ткани то, о чем предупреждали голоса. Едва различимый в полумраке, бесшумно проходил магистр Вариан.

Он двигался с грацией ночного хищника, совершенно беззвучно, и лишь тусклый лазурный отблеск его перстня-фокусирума на мгновение выхватил из темноты его строгое, сосредоточенное лицо. Магистр замедлил ход, словно его чуткое восприятие уловило легкое колебание в воздухе, и Ая почувствовала, как по позвоночнику побежал ледяной пот. Вариан постоял в тишине коридора, внимательно сканируя взглядом полумрак галереи, но, так ничего и не обнаружив, продолжил свой бесшумный ночной обход, медленно удаляясь в сторону крыла Наставников. Девушка стояла неподвижно, чувствуя, как по спине струится ледяной пот. Тайный союз с Адрианом сейчас держался на волоске, и если бы не своевременное предостережение голосов, Ая никак не смогла бы объяснить свое присутствие здесь в такой час.

Постояв в своем укрытии еще некоторое время и вслушиваясь в ночную тишину, Ая наконец решилась действовать. Аккуратно, едва дыша, выглянула из-за тяжелой портьеры. Погруженный в полумрак коридор был абсолютно пуст. Стараясь не издавать ни единого звука и ступая так легко, словно была бесплотной тенью, девушка поспешила к темному арочному проему винтовой лестницы. Каждый шаг вниз по крутым каменным ступеням отдавался в груди гулким стуком сердца. Спустившись в самый низ, ощущая прохладу подземелья, Ая остановилась перед массивной железной дверью архива. Ей нужно было хотя бы немного отдышаться и унять лихорадочную дрожь в руках после опасной встречи. Прижав ладонь к груди, сделала глубокий вдох, а затем медленно приложила руку к холодному металлу.

Массивная створка послушно и совершенно бесшумно отошла в сторону, открывая проход в Комнату Забытых Имен. Пройдя немного вглубь, Ая замерла. В ровном сиянии парящих под высокими сводами кристаллов, увидела такой дорогой её сердцу силуэт Адриана. Юноша стоял у центрального постамент и сосредоточенно изучал страницы Кодекса Жатвы, полностью погрузившись в чтение. Однако нервы Адриана после тяжелого дневного поединка с Варианом были натянуты как струна, а все чувства обострены до предела. Он мгновенно, на интуитивном уровне ощутил чужое присутствие в помещении, резко повернулся и увидел Аю.

На безупречном лице на долю секунды, отразилась целая гамма скрытых эмоций, которые он тут же спрятал за привычной сдержанностью. Он быстро, размашистым шагом подошел к выходу, нажал на скрытый в каменной кладке рычаг, и тяжелая железная дверь с тихим щелчком закрылась, отрезая их от внешнего мира. Адриан вплотную приблизился к Ае. Взгляд серых глаз был серьезным, строгим и пронзительным.

— Вам не стоит приходить сюда каждый день, — произнес он тихим, глухим голосом. — Вас могут увидеть. Магистр Вариан ищет любую зацепку, и если он поймает вас на пути к архиву, я не смогу вас защитить.

Ая посмотрела на него снизу вверх, и в её глазах, вопреки суровости Де Мора, светилась безграничная нежность и доверие. Мягко покачала головой, давая понять, что пришла не просто так.

— У меня есть послание, — ответила девушка, и голос слегка дрожал от пережитого волнения. — Но я не очень понимаю его смысл. Надеюсь, что, возможно, вы сможете мне разобраться в этих словах.

Адриан слегка нахмурился, и в пытливом взоре мелькнул живой интерес. Он скрестил руки на груди, не сводя с неё глаз.

— Какое же? — негромко спросил Де Мор.

Ая сделала глубокий вдох, на мгновение зажмурилась, чтобы точнее воспроизвести в памяти заветный шифр, и отчетливо произнесла фразу, которую вырвала у сумрачного предела:

— *«Печать Истока вскроет лишь союз полярной крови в Час Равноденствия...»*

Лицо Адриана на секунду окаменело, а в глубине его серых глаз промелькнула леденящая вспышка. Он слегка поддался вперед и спросил с недоверием в голосе:

— Откуда у вас это послание?

Ая не стала лукавить, понимая, что ложь разрушит всё, что они успели построить. Она открыто призналась, что погрузилась в сумрачный предел, стремясь помочь ему, разорвать страшный кровавый контракт. Девушка подробно рассказала, как её сознание скользило по туманной глади, как из серого марева соткался зловещий шепот и как она вырвала у этой пустоты заветную фразу. Однако намеренно утаила самую пугающую часть своего опыта: ни словом не обмолвилась, что Бездна едва не утянула её на самое дно, скрыв сладкую, удушающую эйфорию небытия, из которой её чудом вырвал его собственный образ.

Стоило ей закончить свой рассказ, как Адриан спросил всё с той серьезностью:

— Как вы вообще узнали про сумрачный предел? — В низком голосе, послышались жесткие нотки. — О его существовании не рассказывают студентам на лекциях, и не упоминают в свитках Академии. Про этот предел знают только те, кто стоит у самой верховной власти, но даже самые могущественные не решаются пользоваться им. Это опасный, непредсказуемый портал. За крупницы тайного знания он забирает жизнь. Расскажите мне, как вам удалось вырваться оттуда невредимой?

Наступила долгая пауза. Ая смотрела на его строгое лицо, чувствуя, как внутри борются остатки осторожности и непреодолимое желание полностью открыться. Немного помедлив и переведя дыхание, она тихо произнесла:

— Могу ли я доверять вам, господин Де Мор? Если я сейчас расскажу всё, моя жизнь будет полностью в ваших руках.

Адриан молча сделал шаг вперед, сокращая то последнее расстояние, что всё еще разделяло их. Непроницаемая маска смягчилась, бережно, но крепко взял её ладони в свои руки и, смотря на неё более мягко, с затаенной нежностью, негромко произнес:

— Разве от того, что я уже знаю, ваша жизнь и так не находится в моих руках?

Эти слова, сказанные бархатным, низким голосом, окончательно разрушили последние сомнения девушки. Теплые пальцы Адриана, сжимавшие её ладони, дарили такое осязаемое ощущение безопасности, что Ая больше не могла ничего скрывать. И тогда доверилась ему полностью. Ничего не утаивая, рассказала абсолютно всё: про скорбные голоса, говорившие с ней, про своевременное предупреждение, только что спасшее её от Вариана, про расшифрованное послание на броши, как она слушала ветер у чёрного озера и узнала про сумрачный предел, так же про Илая — призрака из Обсерватории Стеклянных Слез, который стал ей единственным проводником в этом замке.

Адриан долго и задумчиво смотрел на Аю, не выпуская её ладоней из своих рук. В голове никак не укладывалось, как эта хрупкая девушка, смогла подчинить себе такие могущественные, опасные силы. Она ходила по самому краю Бездны, и возвращалась обратно, слушала тех, кого Арка стерла из живых. Хрупкая нежность, которую он испытывал к ней, пустила новые, глубокие корни в его сердце, став ещё крепче и осознаннее. Ая стала единственной союзницей, равной ему в этом мрачном мире.

Наконец, Де Мор нарушил тишину и стал вслух размышлять, медленно, повторяя загадочную фразу:

— *«Печать Истока вскроет лишь союз полярной крови в Час Равноденствия...»*

Медленно отпустил её руки и сделал несколько шагов по архиву, погружаясь в глубокое раздумье. Юноша нахмурился, взгляд устремился на закованный в золотые цепи фолиант. Загадочный шифр сумрачного предела не поддавался мгновенному анализу. Адриан ходил взад и вперед между высокими стеллажами, перебирая в памяти сотни прочитанных за эти ночи страниц.

Вдруг резко замер, и серые глаза широко распахнулись, отразив блеск парящих под сводами кристаллов.

— Полярная кровь... — прошептал он, и в голосе прозвучало ошеломляющее открытие. Стремительно подошёл обратно к Ае. — Я вспомнил. В самых первых главах Кодекса Жатвы, упоминалось, что прочность контракта держится на равновесии двух абсолютных, непримиримых противоположностей. На двух полюсах. Полярная кровь — это мы с вами.

Он подошел к ней вплотную, в интонации зазвучала уверенность:

— Мой род — это вершина власти, те, кто веками выполняют контракт и подпитывают Арку. Это кровь палачей. А вы — та, кого привели сюда как бесправную жертву, но вы сломали систему. Выжили внутри Арки и вернулись с её силой. Наша кровь полярна по своей природе, мы — два противоположных конца одной цепи. Магия древнего договора требует, чтобы её

омыли одновременно и согласие наследника, готового отречься от своего величия, и воля той, кто должен был стать безликой жертвой, но сохранил свою личность.

Ая слушала затаив дыхание, ловя каждое слово.

— Если с полярной кровью всё сходится, то Час Равноденствия наступит уже на следующей неделе, — тихо продолжил Адриан, его взгляд снова стал тяжелым и серьезным. — В этот час потоки эфира замрут, давая нам единственный шанс, если мы его упустим, следующий настанет только через год. Главная загадка — это таинственная печать Истока. Где она находится? Если контракт запечатан на физическом предмете, нам придется найти его до того, как весы природы уравниваются. Иначе в Час Равноденствия нам просто нечего будет вскрывать.

Они стояли в полумраке архива, оглушенные этой новой, интригующей загадкой. Ответ на один вопрос породил пугающую неизвестность.

Глава 25 «Загадочный шифр»

До Часа Равноденствия оставалось всего пять дней. Это время казалось ничтожно коротким. Не было ни малейшего понимания, где находится печать источника. Но за пять дней обязательно нужно его найти.

— Мы не можем действовать вслепую, — твердо произнес Адриан, нарушая воцарившуюся тишину. Он медленно перевел свой серьезный взгляд на Аю, и в серых глазах вновь отразилась нежность, которая крепла с каждым часом, проведенным наедине. — Нам нужно точно знать, что именно представляет собой эта таинственная Печать Источника и самое, главное, где она находится. Попробуйте поговорить с Илаем. Сломанные веками блуждают по коридорам Академии, заглядывают в самые потайные щели замка и слышат много разговоров. Возможно, они что-то знают или слышали. Я же останусь здесь и продолжу искать в Кодексе. Если вам удастся хоть что-то выяснить у своего призрачного друга, приходите на следующую ночь сюда, в архив. Если же нет — лучше не рисковать. Не появляйтесь здесь без веской причины.

Закончив говорить, Адриан на мгновение замолчал, словно борясь с собственными внутренними запретами, но непреодолимая тяга к этой хрупкой девушке оказалась сильнее сдержанности. Сделал несколько шагов вперед, плавно сокращая последнее расстояние, разделявшее их. Оказавшись вплотную к Ае, бережно, но крепко взял её ладони в свои. Внутри неё, как и в прошлый раз, всё затрепетало от сладкого, щемящего восторга.

Де Мор смотрел прямо в её прекрасные глаза, в его взоре сейчас явственно пылало пламя разгорающейся любви, которую он больше не мог и не желал скрывать.

— Мне так не хочется отпускать вас... — негромко произнес юноша, низкий, бархатный голос слегка дрогнул от переизбытка чувств. Рядом с ней многолетнее одиночество полностью растворилось, уступая место согревающему, счастью. Он чувствовал, что готов вечно стоять здесь, защищая её от всего мира, но суровая реальность Люминар безжалостно напоминала о себе. — Но вам лучше отправиться к себе.

Ая смотрела в ответ с такой безграничной преданностью и душевным трепетом, какие невозможно было выразить словами. Каждая клеточка её существа отзывалась на его близость, чувство любви заполняло душу до самого края, вытесняя страх.

— Мне тоже хотелось бы побыть с вами подольше, — прошептала она, пальцы девушки едва заметно ответили на его пожатие, даря всю свою нежность.

— Вам лучше уйти до начала рассвета, — ответил Адриан, в интонации проскользнула трогательная забота. — Иначе по дороге вас могут заметить.

Но, несмотря на собственные рациональные слова, Де Мор продолжал крепко держать руки Аи, словно каждая секунда этого контакта была бесценным сокровищем, глотком чистого воздуха, без которого он задохнется. Любовь и глубокая взаимная тяга друг к другу с каждой минутой становились всё сильнее, прочно связывая их судьбы.

Прошло еще некоторое время, прежде чем Адриан наконец, преодолевая внутреннее сопротивление, медленно отпустил её руки.

— Уходите же скорее, — тихо, но настойчиво произнес юноша, делая несколько шагов назад. — И будьте предельно осторожны.

Ая послушно кивнула, запечатлев в памяти его пламенный взгляд, и бесшумно скользнула к выходу. Она осторожно пробиралась сквозь погруженный во мрак ночной замок. Добравшись до своего жилого крыла незамеченной, переступила порог своей комнаты, заперла дверь на задвижку. Всё внутри содрогалось от волнения, охватившего её после этого невероятного, трепетного свидания с Адрианом, а сердце бешено колотилось в груди. Изнуренная испытанием в сумрачном пределе и этой ночной эмоциональной бурей, без сил бросилась на

кровать, даже не раздевшись, прямо в платье, мгновенно заснула, погружаясь в глубокий, спящий сон без сновидений.

Весь следующий день Ая и Адриан идеально играли свои роли, словно никогда не было их трогательных встреч. В Зале Свитков, где утренний свет ярко освещал полированные столы из черного дерева, они делали вид, что совершенно не замечают друг друга. На занятиях Де Мор оставался безупречным воплощением холодного отчуждения, ледяной, отрешенный взгляд скользил мимо, словно она была лишь пустой тенью.

Ая отвечала ему тем же. Она приложила колоссальные усилия, чтобы удержать маску скромного почтения и полностью контролировать свои эмоции, усердно переписывая эфирные формулы и ни разу не повернув головы в сторону окна, где сидел наследник Де Моров. Никто в Академии, включая бдящего наставника, не смог бы заподозрить, какая непреодолимая сила любви и общих тайн связывает этих двоих на самом деле, пока их чувства продолжали крепнуть вопреки удушающим запретам.

После занятий, Ая поспешила к Илаю. Открыв тяжелую дверь в Обсерваторию Стекло-Слез, огляделась и никого не обнаружила. Просторное помещение заливали яркие, золотые лучи солнца, которое только начало клониться к закату. Девушка тихо позвала:

— Илай, мне нужно поговорить с тобой... Это очень важно.

Ответа не последовало, Ая подошла к огромной стеклянной стене, решив дождаться призрака, и устремила взгляд на прекрасный сад.

Солнце озаряло ласковым янтарным сиянием раскинувшийся внизу парк. Тени от вековых тисов и пышных, аккуратно подстриженных ясеней изящными геометрическими узорами ложились на идеально ухоженные изумрудные лужайки. На безупречных газонах ровными рядами цвели кусты диких роз, чьи бутоны были обращены навстречу уходящему солнцу. В дальнем углу парка, среди аллей, вымощенных светлым песком, искрился серебристый блеск величественных мраморных фонтанов. Белоснежные чаши, украшенные тонкой резьбой, ловили солнечные блики, направляя хрустальные струи воды высоко вверх. Каменные арки и изящные беседки, обвивал изумрудный плющ. Весь пейзаж был наполнен покоем и величественной красотой.

Ая задумчиво созерцала все это великолепие, как вдруг почувствовала чье-то прохладное присутствие за спиной. Её как будто обдало легким, освежающим ветерком, от которого многочисленные пылинки в воздухе закружились в золотых лучах, в причудливом танце. Девушка плавно повернулась и увидела перед собой знакомую, добродушную улыбку Илая. Призрак соткался прямо посреди залитого светом пространства.

— Я не хотел пугать тебя, дитя, — негромко произнес он, шелестящий голос прозвучал мягко в тишине купола. — Рад, что ты пришла.

Ая улыбнулась в ответ, чувствуя, как рядом с этим существом натянутые нервы наконец-то начинают отпускатся. Не теряя времени, подошла чуть ближе и подробно, во всех деталях начала рассказывать события последних дней. Голос то взлетал от волнения, то опускался до заговорщического шепота.

Девушка поведала Илаю о том, как снова тайно спустилась в Комнату Забытых Имен и поговорила с Адрианом, честно объяснив ему, почему оттолкнула его своим холодным молчанием у Черного озера. Сдавленным голосом она описала, как Адриан рассказал страшную тайну своей семьи, о гибели матери и маленькой сестренки, которых его собственный отец хладнокровно принес в жертву ненасытной Арке ради сохранения могущества Де Моров.

Илай слушал неподвижно, когда Ая перешла к своей главной тайне — к тому, как она побывала в сумрачном пределе, — призрак едва заметно вздрогнул. Девушка подробно раскрыла всё, что узнала на грани небытия. Она прошептала фразу, которую вырвала у тумана: *«Печать Истока вскроет лишь союз полярной крови в Час Равноденствия...»* Рассказала, что Адриан уже разгадал половину этого шифра — полярная кровь означает их союз, кровь палача

и выжившей жертвы. Но теперь осталось понять, что такое Исток и где скрывается эта таинственная печать.

Выслушав эту исповедь, Илай глубоко задумался. Призрачная фигура словно заледенела в лучах заходящего солнца. Взгляд ртутных глаз остановился, замерев в одной точке на стеклянной стене, словно он ушел глубоко в недра памяти, перебирая обрывки воспоминаний Сломанных за многие столетия. Прошло довольно много времени, и в этой тяжелой паузе Ая боялась даже пошевелиться, ловя каждое изменение на прозрачном лице.

Затем, после долгого молчания, Илай как будто бы пришел в себя. Ртуть в глазах снова пришла в движение, и он с серьезным выражением посмотрел в глаза Аи.

— Сломанные слышали это слово лишь однажды, — негромко произнес Илай. — Мы лишены тел, но наши неприкаянные души вплелись в саму плоть Академии. Мы блуждаем по коридорам, точно эхо, и ловим звуки, которые живые пытаются навсегда скрыть от посторонних ушей.

Призрак сделал легкое движение вперед, дымные одежды плавно колыхнулись, а шелестящий голос стал тише, напоминая шуршание высохших листьев. Он продолжал внимательно всматриваться в лицо девушки, не отводя своего пронзительного взора. Ая ловила каждый его вздох, боясь упустить главное.

— Твои слова разбудили воспоминание, которое долго спало в темноте, — продолжил Илай. — Источник О нём никогда не говорили открыто. Сломанные лишь один раз слышали упоминание о Источнике, но это откровение навсегда запечатлелось в нашей памяти. Перед смертью старейшина Совета бредил и оставил лишь одну туманную фразу.

Илай замолчал на секунду, словно собираясь с силами. Когда заговорил вновь, его голос раздвоился, зазвучав одновременно и в пространстве Обсерватории, и в сознании Аи, заставляя её сердце замереть:

«Ищи Исток там, где Тень смыкается со Светом, где лед хранит нетронутый огонь. Печать безмолвна в сердце камня, пока полярный круг не разомкнет ладонь»

Слова Илая растаяли под хрустальным куполом, оставив после себя легкий запах озона и звенящую паузу. Ая замерла, безмолвно шевеля губами и пытаясь вдумать в это новое, пугающее пророчество. Каждый слог этого шифра казался одновременно спасительной подсказкой и опасной ловушкой. Она совершенно не понимала, где именно лед может хранить огонь, но внутри крепла уверенность, что Адриан сможет разгадать этот ребус.

— Это всё, что мне удалось вспомнить, дитя, — мягко произнес Илай, глаза светились отеческой заботой. — Будьте очень осторожны. Вариан прочесывает замок, и если этот шифр попадет к нему, вы оба пропали. Расскажи Адриану то, что услышала. Только истинный наследник Де Моров, сможет понять, где сокрыта эта печать.

Ая молча кивнула, впитывая каждое слово призрака. Загадочный шифр, оставленный умирающим старейшиной, теперь жил внутри, требуя немедленного осмысления. Она сделала глубокий вдох, пытаясь унять поднявшуюся волну волнения, и ласково посмотрела на Илая.

— Спасибо, — тихо, но с бесконечной теплотой произнесла она. — Ты даже не представляешь, как сильно помог нам.

Илай беззвучно улыбнулся в ответ, в ртутном взоре скользнула едва заметная грусть — так смотрят те, кто обречен лишь наблюдать за чужой битвой со стороны. Дымный силуэт начал медленно, крупица за крупицей, растворяться в золотистых лучах заходящего солнца, пока окончательно не растаял в воздухе.

Ая осталась стоять у огромной стеклянной стены. Солнце уже почти коснулось горизонта, окрашивая небо в густые, багряные и медные тона, но девушка больше не замечала этой роскоши. Мысли унеслись далеко вниз, под холодные каменные своды замка, к человеку, чьи теплые руки она всё еще помнила. Теперь у неё в руках был еще один бесценный шифр, и мед-

лить было нельзя. Девушка твердо знала, что нужно лишь дождаться наступления ночи, чтобы, вновь пробраться в Комнату Забытых Имен и передать Адриану еще одно загадочное послание.

Глава 26 «По тонкому льду»

Ая еще долго стояла у стеклянной стены Обсерватории Стеклянных Слез, замороженно глядя на то, как последние багряные блики солнца медленно угасают на вечернем небе. Наконец девушка сделала глубокий вдох и направилась к выходу. Вместо привычного, короткого маршрута по коридорам замка, она намеренно выбрала путь через улицу. Ей захотелось подышать свежим весенним воздухом. Торопиться было некуда, до полуночи оставалось еще целых два часа.

Выйдя на улицу, Ая неторопливо пошла по ухоженным песчаным дорожкам парка, стараясь держаться в тени живых изгородей, чтобы не привлекать внимания. В голове набатом звенел шелестящий голос Илая, раз за разом повторяя загадочное послание: *«Ищи Исток там, где Тень смыкается со Светом, где лед хранит нетронутый огонь»* Каждое слово казалось драгоценным сокровищем, которое нужно было во что бы то ни стало донести до Адриана.

Осторожно скользнув внутрь здания через боковой вход, Ая быстро добралась до своего жилого крыла. Оказавшись в своей комнате, задвинула задвижку на двери. В келье царил густой полумрак. Девушка опустилась на кровать, не зажигая магического светильника. Сердце учащенно билось от предвкушения новой ночной встречи под сводами архива. Тяга к Адриану, теперь заполняла всё её существо, согревая душу.

Время тянулось томительно долго, превращая каждую минуту в изнурительное испытание. Каждая секунда казалась преградой, вечностью, застывшей в воздухе. Пламя любви горело внутри ярким огнем, заставляя сердце то замирать в сладком оцепенении, то пускаться вскачь. Каждое воспоминание о тепле ладоней Адриана, низком, бархатном голосе и как нежно он держал её руки, накатывало волнами невыносимой тоски и одновременно — окрыляющей радости. Девушка жаждала снова заглянуть в серые глаза и увидеть в них тот самый отблеск затаненной нежности.

Стрелки часов словно застыли на месте, издевательски замедляя свой ход. В этой давящей тишине Ая лихорадочно перебирала в уме слова Илая, боясь упустить хоть одно слово. Казалось, что эта просторная комната превратилась в одиночную камеру, где единственным спутником было её собственное дыхание. Время превратилось в осязаемый густой кисель. Девушка боролась с желанием бросить всё и побежать вниз раньше назначенного часа. Мерила шагами комнату от двери до окна, кусала губы и прижимала ладони к пылающим щекам, пытаясь усмирить бурю эмоций, бушующих в сердце.

Чувство всепоглощающей любви и ответственности за их опасный заговор не давали ей расслабиться. Один неверный шаг может разрушить всё, но робкое, согревающее торжество от того, что у неё в руках появился еще один ключ к свободе Адриана и спасению Сломанных, отменяло любые сомнения. Ая упрямо караулила стрелки часов, мысленно отсчитывая минуты до полуночи, когда замок окончательно затихнет и она сможет бесшумно пробраться в Комнату Забытых Имен.

После мучительного ожидания, стрелки часов наконец приблизились к заветной отметке. Действовать нужно было стремительно, пока замок спал, а ночные патрули не начали свой обход. Ая бесшумно поднялась с кровати, стараясь не шуршать подолом платья, и на цыпочках подошла к двери. Пальцы слегка дрожали, когда она аккуратно, миллиметр за миллиметром отодвигала тяжелый железный засов, молясь, чтобы металл не издал предательского скрипа. Когда дверь приоткрылась, Ая скользнула в холодную пустоту коридора, растворяясь в тенях жилого крыла.

Путь к Комнате Забытых Имен напоминал балансирование на натянутой струне. Замок Люминар ночью казался зловещим лабиринтом: бледный свет угасающих магических кристаллов едва выхватывал из темноты очертания массивных колонн, а каждый шаг, несмотря на

предельную осторожность, казался Ае оглушительным. Пульс лихорадочно стучал в висках, но страх полностью уступал место непреодолимой тяге к Адриану. Осознание того, что в памяти запечатан загадочный шифр, способный подарить ему свободу и спасти Сломанных, побуждал двигаться вперед.

Девушка почти достигла галереи Наставников, как вдруг в тишине коридора эхом раздалась тяжелые, мерные шаги ночных стражей Академии. Сердце мгновенно ушло в пятки. Оглядевшись в поисках укрытия, заметила неподалеку высокое стрельчатое окно, зашторенное плотной парчовой портьерой.

Через несколько мгновений в узкую щель между складками ткани показались два закованных в латы стража. Патрульные двигались медленно, неторопливо совершая ночной обход, освещая свой путь факелами, багровые отсветы которых зловеще плясали по каменным стенам. Яркие огненные блики осветили портьеру, заставляя Аю испуганно замереть.

Каждое мгновение ожидания казалось бесконечным. Сердце билось так сильно, что казалось, его стук выдаст её с поличным под треск горящего пламени. Девушка стояла неподвижной статуей, едва смея дышать, пока не исчез колеблющийся свет факелов и шаги не затихли в дальнем конце коридора. Но даже когда всё полностью смолкло, она еще какое-то время помедлила, не решаясь покинуть безопасное укрытие, и лишь затем аккуратно выбралась из-за портьеры.

Стараясь не издавать ни звука, стремительно спустилась по крутым виткам каменной лестницы. Оказавшись у заветной черной двери подземелья, Ая приложила ладонь. Металл послушно и беззвучно поддался, пропуская её внутрь.

Переступив порог Комнаты Забытых Имен и пройдя внутрь, она увидела Адриана, стоявшего у мраморного постамента, внимательно изучающего Кодекс Жатвы. Услышав легкий шелест шагов, юноша резко обернулся. Суровая маска на лице наследника мгновенно дрогнула. Во взгляде вспыхнуло облегчение и нежность.

Адриан стремительно сократил разделявшее их расстояние. В несколько широких шагов оказался вплотную к девушке и уверенно взял её хрупкие ладони в свои сильные руки. От этого прикосновения Ая почувствовала, как уходит напряжение и тепло разливается по всему телу, прогоняя холод подземелья. Де Мор некоторое время молча смотрел на неё, просто наслаждаясь ее присутствием, наконец произнес:

— Я рад видеть вас, — негромко произнес он, всматриваясь в её лицо. — Раз вы здесь, значит, есть новая информация?

Ая посмотрела на него с нежностью и сделала глубокий вдох, успокаивая бешено бьющееся сердце.

— Илай сказал, — тихо начала она. — Сломанные слышали про Исток лишь однажды от старого магистра перед его смертью: *«Ищи Исток там, где Тень смыкается со Светом, где лед хранит нетронутый огонь. Печать безмолвна в сердце камня, пока полярный круг не разомкнет ладонь»*

Юноша застыл, медленно повторяя про себя эти слова. Взгляд потемнел, уходя глубоко в размышления. Затем, резко повернулся и направился быстрыми шагами к мраморному постаменту с Кодексом. Подойдя, положил ладонь на железную печать на книге, древний манускрипт послушно отозвался на прикосновение наследника, с тихим, сухим шелестом раскрылся. Адриан принялся лихорадочно перелистывать страницы, пока его взгляд не зацепился за один абзац, который слегка подсвечивался.

— «Лед хранит нетронутый огонь» — негромко зачитал он, в серых глазах вспыхнул лихорадочный блеск. — Это Замерзший грот в подземельях под крылом Наставников. Там веками горит первородное пламя, запечатанное в глыбе вечного льда. Возможно, Исток спрятан именно там. Нужно придумать как пробраться туда.

— Но строчку про «полярный круг» еще предстоит разгадать — Адриан резко поднял взгляд, и долго сосредоточенно смотрел на девушку. — Ая, это значит, что вскрыть печать мы сможем только вместе. Нужен союз полярной крови — наследника рода и выжившей в Арке жертвы. Без вас мне не разорвать контракт.

Юноша на мгновение замолчал, внимательно глядя в ее глаза, словно пытаясь прочесть мысли.

— Нас могут схватить, — тихо, но отчетливо произнес Де Мор, в низком голосе проскользнула глубокая тревога. — Пробраться туда будет очень сложно. Готовы ли вы пойти на такой риск, Ая? Для вас это опасное приключение может закончиться смертью.

Девушка посмотрела на него, чувствуя, что ради Адриана готова пойти на всё. Остатки страха окончательно исчезли, уступая место безоговорочному, полному доверию к этому человеку. Взаимная тяга и общая тайна отныне крепко связывали их.

— Я готова, Адриан, — твердо ответила она.

Юноша бережно, но крепко сжал её хрупкие ладони в своих руках.

— До Равноденствия осталось четыре дня, — произнес он. — Рисковать сейчас и идти в грот сегодня — безумие, нужно подготовиться разузнать какая там охрана, есть ли какая-нибудь возможность, проникнуть не замеченными. Вариан на взводе после тотальной проверки.

Ая вспомнила как она узнала тайну семьи Де Моров и предложила:

— Я попробую узнать у стен Люминар, — тихо предложила она, в глазах вспыхнула решимость. — Камни этого замка знают и помнят многое.

Юноша посмотрел с удивлением, проникаясь уважением к её смелости.

— Мне нельзя появляться возле Замерзшего Грота открыто — это сразу вызовет подозрения у Совета, — одобрительно кивнул он. — Постараюсь незаметно проследить за Варианом и изучить все его ночные маршруты.

— Я сделаю всё, что смогу, Адриан, — твердо ответила Ая, преданно смотря в серые глаза.

Адриан медленно поднёс её ладони к своим губам. Это был долгий поцелуй, в котором сквозило признание, понятное без лишних фраз. Ая почувствовала, как подрагивают его пальцы. В этот миг гордый наследник Де Моров впервые позволил себе полностью открыться. Присутствие этой хрупкой девушки и её готовность пойти ради него на смертельный риск растопили его сердце. Юноша осознал, что Ая стала для него самым дорогим человеком в этом мире, холодных и расчетливых лицемеров.

По телу Аи пробежала волна тепла, которая за секунды разлилась от кончиков пальцев до самых глубин души. Каждая клеточка её кожи будто ожила, впитывая тепло его губ, запоминая это драгоценное прикосновение. Пальцы непроизвольно дрогнули — то ли от волнения, то ли от желания прижать его руку крепче, продлить этот миг. Девушку захлестнул такой поток чувств, что закружилась голова. Ая ощущала, как их зарождающееся чувство превращается в осязаемую, нерушимую силу.

Адриан медленно поднял веки, их взгляды встретились. В серых глазах таких холодных обычно, сейчас плескалась живая человечность. Это обезоруживало. В груди Аи разливалось тихое, тёплое счастье, спокойное, глубокое чувство.

Наконец юноша опомнился, взгляд стал чуть более собранным, хотя в глубине глаз всё ещё отражалась буря эмоций. Мягко отпустил её ладони, но пальцы на миг задержались на запястье девушки, будто не желая прерывать связь.

— Вам нужно срочно вернуться к себе, — произнёс он негромко, в низком голосе проскользнула нотка нежности и тревоги.

Ая сглотнула ком в горле. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, будто пытаясь удержать исчезающую близость. Она знала, что он прав, но мысль о расставании отзывалась глухой болью в груди.

— Да — её голос дрогнул, выдавая смятение. — Я понимаю. Но мы ведь встретимся завтра? Здесь, в это же время?

Адриан слегка кивнул, и в уголках губ мелькнула тень улыбки.

— Я буду ждать вас завтра, но будьте очень осторожны, стражи постоянно обходят замок. Я бы не хотел вас потерять.

Его пальцы вновь на секунду коснулись её ладони — лёгкое, невесомое прикосновение, будто прощальный шёпот.

— Я буду осторожна, — прошептала она, и в её голосе звучала твёрдая решимость, смешанная с тоской. — И сделаю всё, что смогу.

Адриан долго смотрел на неё, будто пытаясь запечатлеть в памяти каждую черту лица, каждую прядь волос, подсвеченную бледным светом магических кристаллов.

— Идите, — сказал он наконец, и в его тоне появилась привычная сдержанность. — Время не ждёт. Берегите себя.

Ая сделала шаг назад, чувствуя, как реальность давит со всех сторон, возвращая из мира их тайного тепла в холодную прагматику замка. Кивнула, не в силах вымолвить больше ни слова, развернулась и быстрыми шагами направилась к выходу. Она шла, не оглядываясь, зная, что Адриан провожал её взглядом до самой двери.

Глава 27 «Союз бури и света»

Ая вышла из Комнаты Забытых Имен, тяжелая железная дверь бесшумно закрылась за спиной. В груди щемила грусть от расставания, перед глазами всё еще стоял взгляд Адриана, смотрящий с глубокой грустью и нежностью. Каждое мгновение, проведенное рядом с ним, теперь казалось бесценным.

Она осторожно возвращалась к себе, стараясь скрываться в ночных тенях и ступая как можно тише. Дорога пролегла мимо величественного Золоченого зала. Внезапно в тишине коридора раздались далекие шаги. Девушка вздрогнула от неожиданности. Быстро скользнула в узкое углубление стены за массивной мраморной статуей, которая надежно скрыла её. Шаги приближались не торопясь, мерно отбивая четкий ритм по каменным плитам.

Патрульные еще не успели приблизиться к убежищу Аи, как вдруг к стражам со стороны темных переходов бесшумно подошел магистр Вариан. Девушка не видела наставника из своего укрытия, но сразу узнала его ледяной, властный голос, от которого перехватило дыхание, заставив её вжаться в холодный камень.

— Все ли спокойно в замке? — негромко спросил Вариан. — Встречали ли вы кого-нибудь на своем пути?

— Все спокойно, — четко ответил один из стражей, чьи доспехи тускло блеснули в багровом свете факела. — На обходе никого не видели.

Вариан на мгновение замолчал, затем сухо произнес:

— Верховный магистр прислал новое распоряжение. Патрулировать замок постоянно. Ни одна живая душа не должна покидать свои кельи после полуночи. Усилить бдительность.

— Так точно, Магистр Вариан, — хором ответили стражи.

После того как шум шагов окончательно затих в темноте, Ая еще долго стояла в своем убежище. В тишине коридора она лихорадочно размышляла, как поступить дальше. Первая мысль была безумной — немедленно вернуться в Комнату Забытых Имен и предупредить Адриана о постоянных патрулях. Но, немного подумав, девушка поняла, что может просто не застать его в архиве. Юноша ведь ясно дал понять, что собирается этой же ночью следить за Варианом и изучать его маршруты.

Времени на сомнения не оставалось, Ая быстро направилась к себе. Скрываясь в глубоких тенях, почти бегом миновала оставшиеся переходы. Придя в свою келью, трясущимися руками закрыла дверь на задвижку и обессиленно прижалась спиной к деревянному полотну. Сердце готово было выпрыгнуть из груди от пережитого волнения. Она была на волосок от гибели, но теперь, в относительной безопасности, пугала только одна мысль: справится ли Адриан со своей частью плана в замке, который теперь караулят постоянно?

Немного успокоившись, Ая решила исполнить свою часть плана. Подошла к каменной стене кельи, мягко приложила ладонь и начала глубоко, размеренно дышать. Девушка изо всех сил пыталась отрешиться от внешнего мира и сосредоточиться только на прохладной кладке, но ничего не получалось.

Она никак не могла перестать думать об Адриане. Сердце замирало от одной лишь мысли, что его могут схватить во время ночной слежки за Варианом. Конечно, ему не грозила расправа, как ей — наследника великого рода Де Моров защищал статус семьи. Но его поимка бесповоротно разрушила бы их общий план. Вновь и вновь Ая, пытаясь пробудить шепот камней, но сознание упрямо возвращало её к Адриану. Перед глазами раз за разом возникал его нежный, пронзительный взгляд и трогательное прощание в полумраке архива. Душа разрывалась от мучительного беспокойства, непрерывно переживая, всё ли с ним хорошо, и не наткнулся ли он на стражу. Нахлынувшие чувства и страх за любимого человека полностью лишили внутреннего равновесия, и настроиться на голос стен в таком состоянии было просто невозможно.

Поняв, что вернуть внутренний баланс сегодня не получится, она наконец оставила все попытки. Изнуренная ночными потрясениями, девушка легла спать, надеясь, что утро принесет нужную сосредоточенность.

Стоило Ае забыться тяжелым, прерывистым сном, как сознание заполнил один и тот же циклично повторяющийся кошмар. В этом видении она беспомощно наблюдала, как Адриан в одиночку пробирается по темным коридорам, но внезапно из темноты вырастают массивные фигуры стражей. Погоня была стремительной и беззвучной, а в конце кованые латы патрульных смыкались вокруг юноши, хватая его.

Девушка открыла глаза на рассвете, чувствуя себя совершенно уставшей, разбитой и измученной ночными кошмарами. В теле разлилась свинцовая тяжесть, а мысли путались. Ая даже не стала пытаться снова прижимать ладонь к каменной кладке и слушать стены — сил на концентрацию просто не осталось.

Быстро приведя себя в порядок и наскоро поправив складки форменного синего платья, она отправилась на занятия. Беспокойство внутри росло с каждым шагом, пока шла по коридорам. Вся её суть сейчас превратилась в одну отчаянную, надежду — поскорее увидеть Де Мора в Зале Свитков. Если он будет сидеть на лекциях, значит его не обнаружили во время ночной слежки за Варианом и кошмарный сон был лишь игрой воображения.

Ая вошла в Зал Свитков, быстро огляделась и не увидела Адриана. Сердце мгновенно застыло от ужаса. В голове кружились самые страшные мысли: неужели ночной кошмар оказался пророческим, Де Мора поймали стражи, и она больше никогда его не увидит? Ноги стали ватными, но девушка заставила себя дойти до своего места.

На лекции пальцы машинально сжимали перо, Ая записывала эфирные формулы, совершенно не вникая в их смысл. Буквы и знаки на пергаменте расплывались перед глазами. Однако, несмотря на глубокое уныние и подступающую панику, она изо всех сил старалась держать маску абсолютного безразличия. Никто в аудитории, а особенно бдящие наставники, не должны были заметить её переживаний. Девушка упрямо повторяла себе, что Адриан силен, умен и мог просто задержаться по какому-то важному поручению. Цепляясь за эту хрупкую надежду, пыталась унять лихорадочное волнение.

Лекция длилась бесконечно долго. Наконец Кассиан закрыл свой массивный фолиант и объявил, что теоретическое занятие окончено. Магистр строго обвел взглядом аудиторию и добавил, что теперь все должны проследовать в **Зал Оракулов**. Студенты собрали свои свитки, убрали перья в чернильницы и ровным потоком направились в дуэльный корпус.

Зал Оракулов, увенчанный величественным стеклянным куполом, встретил их холодным дневным светом, который ровно падал на обсидиановую платформу в центре.

Студенты заняли свои места, Кассиан вышел вперед, чтобы объяснить, какое практическое задание им предстоит выполнить. В этот раз наставник приготовил нечто совершенно уникальное.

— Сегодня ваша задача — Резонанс Первородного Эфира.

На середине этой фразы массивные двери Зала Оракулов распахнулись. В аудиторию вошёл Адриан. Он двигался уверенной походкой, смотря на присутствующих привычным ледяным взглядом, в котором не было ни капли ночной усталости. Адепты и магистр повернулись и посмотрели на входящего наследника великого рода. Де Мор, игнорируя чужие взгляды, прошёл и небрежно прислонился к ближайшей мраморной колонне у самого края платформы и коротко, едва заметно кивнул Кассиану. Преподаватель принял приветствие опоздавшего и продолжил прерванное объяснение:

— Перед каждым из вас на обсидиановой платформе активируется руническая матрица, которая начнет вытягивать вашу родную стихию, превращая её в осязаемую световую сферу. Вам нужно не просто удержать эту сферу в воздухе усилием воли, но и заставить пульсировать в такт вашему сердцу, одновременно подстраиваясь под колебания энергии соседа. Любая

вспышка страха, либо посторонняя мысль мгновенно разрушит сферу. Это проверка на абсолютный самоконтроль в условиях хаоса.

При появлении Адриана, сердце Аи запело от радости. Свинцовая тяжесть, сжимавшая удушливой хваткой грудь, мгновенно испарилась. По венам разлилось живое, вибрирующее тепло, прогоняя прочь остатки ночного кошмара. Худшие опасения рассыпались в прах. Де Мор был здесь, он был цел, невредим и полностью контролировал ситуацию. Девушке потребовались колоссальные усилия, чтобы счастливый вздох не сорвался с губ, а глаза не выдали всепоглощающей радости, которая сейчас бушевала внутри. Мир вокруг снова обрел краски, и Ая почувствовала, что теперь, когда он рядом, она не больше не была одинока.

Кассиан открыл свой массивный фолиант и попросил всех выстроиться в круг на обсидиановой платформе. Студенты послушно заняли свои места, образуя ровное кольцо. Адриан занял место напротив Аи и их глаза на долю секунды встретились.

Наставник сделал резкий взмах рукой, запуская испытание. Потолок Зала Оракулов отозвался на этот жест: хрустальные плиты купола потемнели, а в воздухе над платформой закружился яростный вихрь искусственных звуковых помех. Пространство заполнили оглушительный рокот бури, скрежет металла и завывание ветра, создавая условия хаоса. Эти звуки сильно давили на барабанные перепонки.

Под ногами студентов вспыхнули рунические матрицы. Прямо перед Аей засиял сложный геометрический узор, и невидимая сила начала ощутимо вытягивать энергию Света. Девушка вытянула руки, из ладоней сочилась полупрозрачная световая сфера, которая под воздействием окружающего грохота начала угрожающе вибрировать, грозя рассыпаться. Шум вокруг сбивал дыхание, заставляя энергетический шар то разрастаться, то сжиматься. Девушка изо всех сил пыталась удержать баланс, но хаос выбивал из равновесия.

В самый критический момент, когда сфера начала хаотично пульсировать, готовая, рассыпаться, Ая взглянула на Адриана, он медленно перевел на неё свой взгляд. Юноша сделал глубокий вдох, затем начал плавно выдыхать, без слов задавая ей правильный, спокойный ритм дыхания. Этот знак подействовал мгновенно. Ориентируясь на безмолвную поддержку, Девушка закрыла глаза, сделала глубокий, ровный вдох. Шум купола перестал существовать — световая сфера застыла и начала пульсировать идеально ровно в такт её сердца.

Ая полностью расслабилась и настроилась на колебания энергии бури Адриана. Она позволила своей энергии Света мягко вплестись в его грозовые разряды, и вдруг в голове отчетливо раздался голос юноши. Резонанс стихий открыл прямую связь между их мыслями.

— *Вам нельзя сегодня приходить в Комнату Забытых Имен,* — серьезно произнес Адриан в её сознании. — *Это очень опасно. Вариан установил там скрытые ловушки.*

Девушка мысленно ответила, стараясь удержать ровное дыхание:

— *Я очень беспокоилась за вас... Когда я шла ночью обратно, то чуть не столкнулась со стражами. К ним подошел Вариан и приказал обходить замок постоянно. Теперь патрули будут караулить коридоры без перерывов, после полуночи.*

— *Ситуация осложняется,* — отозвался его голос. — *Давайте встретимся в Обсерватории Стеклоанных Слез. Приходите туда в десять часов вечера. У меня есть новости для вас.*

— *Хорошо, я приду*— ответила Ая

В этот момент магистр Кассиан громко объявил об успешном завершении практики Резонанса, и рунические матрицы под ногами начали медленно гаснуть. Энергетические сферы растаяли в воздухе, обрывая ментальный диалог, внутри Аи не осталось и капли страха. Теперь у них было новое время и новое место для встречи.

Глава 28 «Голос древней кладки»

Вечером Ая возвращалась к себе, в приподнятом настроении. От страха и беспокойства не осталось и следа. Адриан был в полной безопасности, осознание этого дарило девушке удивительное чувство легкости. Теперь, когда сознание было кристально чистым. Ничто не мешало сосредоточиться, чтобы исполнить свою часть уговора и узнать, какие секреты хранит этот замок.

Ая неторопливо подошла к дальней стене комнаты, сделала глубокий, размеренный вдох и мягко опустила ладонь на прохладную, шероховатую поверхность камня. Закрывая глаза и полностью отрешилась от внешнего мира, заставляя утихнуть любые посторонние звуки Академии. Она будто превратилась в чуткий слух, растворилась в монолитной кладке и была готова слушать тайны, которые вековые камни могли доверить ей.

Камни отозвались не сразу — вековая кладка оставалась глухой и монолитной. Ая понимала, что поверхностного касания недостаточно, поэтому попыталась приблизиться своим сознанием к самому Источнику. Она мысленно потянулась вниз, сквозь толщу темного гранита, стремясь направить внутренний взор к потайному сектору под крылом Наставников. Пробираясь сквозь невидимые каменные вены Люминар, наконец ощутила давящий холод нужной пещеры и сосредоточилась на том, что там происходит.

Внезапно под пальцами зародилась тяжелая, вибрирующая пульсация. Из глубин стены донеслись иные, пугающие звуки. Ая явственно различала глухое, утробное дыхание и низкий, рокочущий рык, от которого по кладке пробежала едва заметная дрожь. Вход в грот охраняло нечто живое и куда более опасное — хищное слепое чудовище подземелий, порожденное тёмной изнанкой замка. Тварь медленно мерила шагами сырую пещеру, металлический стук когтей о гранит гулко отдавался в сознании девушки.

В голове родился резонный вопрос: можно ли как-то уничтожить это чудовище, чтобы освободить путь к Источнику? Камни отозвались на её безмолвную мысль. В сознании девушки раздалось, послание стен:

— В колыбели теней, где застыли века, Бдит слепая угроза, чья мощь велика. Не сокрушит её пламя, клинок не убьёт, Только сонная дрёма покой принесет. Тот, кто выше других на престоле сидит, Ключ от этой изнанки в чертогах таит

Ая уловила скрытый смысл этого иносказания. Уничтожить монстра физически было невозможно, можно было только усыпить заклинанием, которым владел верховный магистр.

От услышанного рыка чудовища и осознания масштаба новой проблемы она в задумчивости отдернула руку от стены. Девушка бросила быстрый взгляд на часы и вздрогнула: стрелки уже приближались к десяти часам вечера. Пора было собираться. Ей предстояло незаметно пробраться в Обсерваторию Стекланных Слез.

Ая бесшумно приоткрыла дверь и скользнула в прохладу коридора. Она решила выйти в парк и пробраться к Обсерватории через уединенный боковой вход.

Воздух в саду был наполнен благоухающей свежестью, но наслаждаться прогулкой времени не было. Едва Ая миновала Пруды Отражений, как в сознании тревожно зашелестели голоса Сломанных, требуя немедленно скрыться. Девушка мгновенно отреагировала на предупреждение и нырнула под своды изящной кованой перголы, густо оплетенной вьющимися цветами. Затаив дыхание замерла, вслушиваясь в приближающиеся голоса:

— Совет требует отчетов, Вариан, — негромко произнес незнакомый голос. — Жатва должна начаться через десять дней, а Арка, которую разворотило во время ритуала той девчонки, до сих пор разрушена.

В этот момент собеседники поравнялись с укрытием Аи. В узкий просвет между ветвями плюща она наконец смогла разглядеть того, кто шел рядом с Варианом. Им оказался муж-

чина преклонных лет, чья осанка, вопреки возрасту, оставалась безупречно прямой и величественной. Высокий и статный, он ступал уверенной походкой. Резкие, строгие черты лица выдавали в нем человека сурового опыта и большой власти. Бледная кожа была испещрена глубокими, морщинами, а длинные, серебристо-белые волосы аккуратно спадали на воротник тяжелой мантии из темного синего бархата. Самой пугающей деталью его облика были глаза — глубоко посаженные, холодные и пронзительные, способные видеть любого насквозь.

— Сильнейшие заклинания лучших магистров Академии круглосуточно направлены на стабилизацию контура, — ответил Вариан, и в его голосе промелькнуло затаенное раздражение. — Изначально на создание этой конструкции ушло несколько лет. Восстановить древнее и сложное плетение за столь короткое время — задача почти невыполнимая.

— Совет не волнует оправдания, — сухо отрезал пожилой мужчина. — В строго определенном час Арка должна функционировать. Если ритуал сорвется, Вариан, вы не просто лишитесь своего поста, последствия будут куда страшнее.

Когда шаги и голоса медленно затихли в глубине аллеи, Ая быстро пересекла открытую аллею и скользнула в боковую дверь. Стоило ей приблизиться к винтовой лестнице, ведущей к хрустальному куполу Обсерватории, как голоса снова подали тревожный знак. Где-то недалеко слышались шаги.

Единственным укрытием в холле оказались огромные напольные астрономические часы, стоявшие в нише. Это был настоящий шедевр старинных мастеров, высотой превосходивший человеческий рост. Их массивный корпус, выполненный из мореного черного дерева, был сплошь покрыт искусной резьбой в виде переплетающихся созвездий и мифических существ. За стеклом верхней панели плавно вращался сложный многоярусный механизм из золоченых шестеренок, который приводил в движение не только стрелки, но и миниатюрные серебряные полусферы, показывающие фазы лун и положение планет.

Ая быстро юркнула в пространство между стеной и деревянным корпусом часов. Сердце замерло, когда тяжелые шаги на мгновение заглушили тиканье механизма. Кто-то прошёл мимо, не заметив притаившуюся девушку.

Убедившись, что шаги окончательно стихли, Ая выбралась из своего убежища и стремительно взбежала по крутым виткам каменной лестницы. Оказавшись перед массивной дверью обсерватории, девушка остановилась, чтобы перевести дух, а затем с усилием толкнула тяжелую створку. Последние косые лучи Солнца мягко прорезали полумрак зала, ложась на пол длинными золотистыми полосами. У стеклянной стены в угасающем свете стоял Адриан. Стоило ему повернуться на скрип петель, как в серых глазах вспыхнуло облегчение.

Ая подошла ближе, юноша сделал шаг навстречу и негромко произнес: — Я очень рад, что вы смогли прийти.

Всё еще ощущая отголоски неожиданной встречи, девушка поспешила поделиться пережитым. Рассказала, как по дороге сюда голоса вовремя подали сигнал, позволив укрыться в саду до того, как её обнаружил Вариан в сопровождении незнакомца. Дословно передала услышанный разговор о разрушенной Арке, которую лучшие магистры сейчас круглосуточно восстанавливают сильнейшими заклинаниями, и о жестком требовании Совета завершить ремонт за оставшиеся десять дней до Жатвы.

Де Мор внимательно выслушал её, но его мысли, казалось, были заняты другим. Напряженное молчание затянулось, прежде чем он решился заговорить.

— У меня тоже есть известия, — тихо произнес он, в низком голосе прозвучали непривычно тяжелые нотки. — Мой человек вернулся из Низины. Он искал вашего брата.

В груди у девушки всё мгновенно перевернулось, а сердце замерло в мучительном ожидании.

— Мне жаль, — Адриан отвел взгляд, словно ему самому было больно произносить эти слова. — Дом, где вы жили, полностью уничтожен. Остались одни руины. Доверенному лицу

удалось обыскать окрестности, но выйти на след мальчика так и не получилось. Нам неизвестно, где он сейчас и что с ним произошло.

Ая почувствовала, как земля уходит из-под ног. Боль потери сдавила горло, девушка отвернулась, пытаясь спрятать подступающие слезы. Первые горячие капли беззвучно покатались по щекам, отражая золотистые отсветы заходящего солнца.

Адриан на мгновение растерялся. Не зная, как вести себя в подобной ситуации, и не привыкший разделять чужую уязвимость, лишь робко протянул руку и аккуратно положил ладонь на её плечо. В этом простом жесте аристократа читалось молчаливое, неумелое сочувствие, которое подействовало на Аю сильнее любых утешений.

Когда через некоторое время она нашла в себе силы обернуться, заплаканное и беззащитное лицо окончательно разрушило остатки его сдержанности. Не говоря ни слова, Адриан решительно притянул девушку к себе и бережно заключил в свои сильные объятия. Ая больше не могла сдерживаться: она уткнулась лицом в его грудь и тихо, горько заплакала, содрогаясь от нахлынувшего горя.

Они стояли так долгое время, растворившись в тишине пустующей Обсерватории. Косые лучи заходящего солнца медленно скользили по их фигурам, Адриан лишь молча прижимал её к себе, позволяя выплакать всю скопившуюся боль. Он впервые в жизни прижимал к себе женщину. В этот миг гордый наследник Де Моров чувствовал ошеломляющее, почти пугающее потрясение. Эта тоненькая девушка в его руках казалась невероятно хрупкой, почти невестомой, он инстинктивно рассчитывал силу, боясь причинить ей боль. Под пальцами Адриана испуганной птицей билось чужое, беззащитное сердце. Он понял, что отныне его судьба намертво связана с ней.

Ая немного успокоилась, рыдания сменились редкими, судорожными вздохами. Она впервые осознала, каково это — быть не одной в своей беде. На смену невыносимой боли потери, пришло трепетное осознание его близости. Уткнувшись в сильное плечо, Ая вдыхала, едва уловимый запах морозной хвои и дорогого парфюма. Каждой клеточкой тела ощущая, как сквозь дорогую ткань камзола пробивается живое тепло.

В душе бушевала целая палитра чувств: волнение смешивалось со сладким, обволакивающим ощущением защищенности. По коже пробежал электрический разряд, заставляя всё существо сладостно затрепетать. На мгновение закружилась голова, а земля словно ушла из-под ног. В душе вспыхнуло непреодолимое желание забыться и подчиниться этому моменту, буквально раствориться в его сильных руках, забыв о существовании всего остального мира.

Солнце окончательно село, оставив на горизонте лишь узкую багряную полосу, которая медленно растворялась в наступающих сумерках. Обсерваторию Стеклянных Слез заполнил полумрак. Сквозь прозрачный хрустальный купол на влюбленных смотрели первые вечерние звезды, а прохладный синий свет луны мягко очерчивал их силуэты, превращая этот потайной зал в уединенный остров посреди враждебного замка. В этой застывшей, интимной тишине Ая вдруг вспомнила, что ещё не успела поделиться тем, что сообщили ей стены Академии. Медленно подняла глаза, встречая глубокий взгляд Адриана, и тихо произнесла:

— Я должна рассказать вам, что мне удалось узнать.

Она сделала короткую паузу, собираясь с силами, на лице вновь отразился пережитый страх.

— Вход в Замерзший грот охраняет слепое чудовище. Оно непрерывно бдит и разорвет любого, кто посмеет приблизиться. Физически уничтожить его невозможно, но камни открыли мне послание:

— *«В колыбели теней, где застыли века, Бдит слепая угроза, чья мощь велика. Не сокрушит её пламя, клинок не убьет, Только сонная дрёма покой принесет. Тот, кто выше других на престоле сидит, Ключ от этой изнанки в чертогах таит»*

Ая замолчала, давая ему время осмыслить услышанное. Адриан внимательно выслушал послание. Немного поразмыслив, юноша открыл было рот, собираясь озвучить свою догадку, как вдруг тишину Обсерватории нарушил звук с нижнего яруса башни. По виткам каменной лестницы гулко покатилося эхо неторопливых шагов. Кто-то целенаправленно поднимался прямо к ним.

Адриан крепко перехватил Аю за талию и бесшумно увлек её вглубь помещения, к массивному шкафу из тяжелого мореного дуба, в котором хранились старинные звездные карты. Быстро сдвинув в сторону рулоны плотных пергаментов, они забрались внутрь тесного деревянного короба и бесшумно прикрыли за собой дверцы, погружаясь в абсолютную темноту. Де Мор плотно прижал девушку к своей груди. Они замерли, слившись в единое целое. Шаги все приближались, затем, массивная дверь обсерватории с легким скрипом отворилась. В полумрак зала ворвался колеблющийся свет факела.

Вслед за вспышкой огня раздались шаги. Вошедший не спешил, внимательно осматривая каждый угол Обсерватории. Звук шагов гулко отскакивал от стеклянного купола, и с каждым новым ударом подошвы о камень опасность становилась всё ближе.

Ая прижавшись головой к груди Адриана, слышала его бешено бьющееся сердце. Девушка крепко зажмурилась и перестала дышать, пока шаги медленно приближались к их деревянному укрытию.

Глава 29 «На волосок от Бездны»

Тяжелые, размеренные шаги замерли прямо перед дубовым шкафом. Сквозь узкую резную щель между дверцами пробивался багровый свет факела, который теперь неподвижно замер на полу холла.

У Аи от ужаса перехватило дыхание. В тесном пространстве шкафа она еще сильнее прижалась к Адриану, чувствуя, как сильное тело напряглось, превратившись в натянутую струну. Юноша не шевелился, но его ладонь, лежавшая на талии девушки, медленно соскользнула вниз. Ая физически ощутила, как вокруг его пальцев с глухим, едва слышным треском начала концентрироваться энергия Бури.

Вариан медленно поднял руку. Его бледная ладонь с тихим шорохом прошла по резному дереву дубовой створки, а длинные пальцы замерли на латунной ручке шкафа. Раздался леденящий душу металлический щелчок — это перстень пришельца стукнулся о латунную ручку шкафа.

Когда дверца уже была готова распахнуться, послышался скрип двери и с каменной винтовой лестницы донесся резкий, тревожный оклик стражника: — Магистр Вариан! Срочный вызов! Контур Арки снова нестабилен!

Наставник глухо выругался, резко отпустил латунную ручку и, не теряя ни секунды, стремительно направился к выходу. Багровые отсветы факела исчезли, тяжелая дверь башни захлопнулась, погрузив зал в спасительную ночную темноту.

Осознание того, что опасность миновала, накрыло их мощной волной. Адриан судорожно выдохнул и на секунду еще крепче, до боли прижал Аю к себе. Юноша уткнулся лицом в её волосы, тяжело и прерывисто дыша. Его сердце, только что готовое к схватке, теперь бешено колотилось. Девушка почувствовала, как колени подкашиваются от пережитого страха, она полностью доверилась сильным рукам Де Мора, позволяя ему удерживать себя. Они стояли так, некоторое время согревая друг друга и мысленно благодаря богов.

Наконец Адриан ослабил хватку, нащупал деревянную панель и толкнул дверцу. Створка с тихим шорохом распахнулась, впуская шкаф мягкое сияние звезд.

Юноша первым осторожно выбрался на обсидиановый пол Обсерватории и протянул Ае руку, помогая выйти из укрытия. Оказавшись в прохладном полумраке зала, Адриан несколько секунд молча всматривался в ночную панораму за стеклянным куполом, а затем повернулся к девушке и высказал свое предположение.

— Тот, кто выше всех на престоле Это, мой отец, — негромко произнес он, и в голосе прорезались жесткие нотки. — Тайное заклинание, способное усыпить слепую тварь, хранится у него.

Он на мгновение задумался, складывая в голове детали, и добавил:

— Я вспомнил одну деталь. Я видел у него небольшую старинную шкатулку из черного камня, которую отец никогда и нигде не оставляет без присмотра. Она всегда при нем. Уверен, заклинание для усыпления монстра заперто внутри. Но в ближайшее время отец в Академии не появится, поэтому нужно придумать веский повод приехать к нему и попробовать незаметно выкрасть у него шкатулку.

Ая внимательно слушала, понимая, что этот шаг станет для Адриана самым опасным испытанием, ведь пойти против собственного отца, означало поставить на карту всё.

— Перед Жатвой наследники великих фамилий обязаны пройти обряд, — задумчиво произнес Адриан, в глазах появился холодный блеск стратега. — До жатвы осталось всего десять дней, и я могу заявить, что мне необходимо личное присутствие отца и доступ к родовым алтарям в нашем поместье, чтобы запечатать силу Де Моров перед финальным ритуалом.

Он перевел взгляд на Аю, голос сразу смягчился: — Отец одержим чистотой нашей крови и величием рода. Он не станет рисковать моим потенциалом и примет без лишних расспросов. Это идеальный повод.

Внутри Аи всё сжалось от понимания того, насколько высоки ставки. Если Верховный магистр, раскроет план сына — Адриан потеряет всё.

— Будьте предельно осторожны, — тихо произнесла она, в голосе проскользнула глубокая грусть. — Я буду ждать вашего возвращения и знака.

Адриан внимательно посмотрел на девушку. Взял её руки в свои, в Обсерватории, залитой синим сиянием звезд, воцарилось нерушимое согласие.

Они стояли так долгое время, просто наслаждаясь близостью и теплом друг друга в сумерках Обсерватории. Торопиться было некуда: магистр Вариан оказался полностью поглощен внезапным сбоем Арки, а от обычных ночных патрулей при должной осторожности было легко укрыться.

Первым затянувшееся молчание нарушил Адриан. — Вероятно, меня не будет два дня, — тихо произнес он.

Юноша посмотрел на Аю потемневшими от грусти глазами, бережно поднял её ладонь и прижался долгим поцелуем. — Мне будет вас очень не хватать, — с трудом выдавил он из себя это непривычное, но искреннее признание, давалось не легко.

Ая почувствовала, как к горлу подступил ком. Не в силах произнести ни единого слова из-за нахлынувших чувств, девушка лишь преданно и нежно смотрела в серые глаза Адриана. Юноша снова привлек её к себе, крепко прижимая к груди. В его душе бушевало болезненное чувство тревоги — но не за свою судьбу перед встречей с Верховным магистром, а за неё.

— Не приходите больше в Обсерваторию, пока я не вернусь, — наконец произнес он тихим голосом. — Это слишком рискованно. Когда я пройду обряд укрепления родовой силы, я смогу подключиться к вашему энергетическому каналу, и говорить с вами на любом расстоянии, но мне также станут доступны ваши потаенные мысли. Готовы ли вы быть настолько открыты передо мной, Ая?

Девушка слегка отстранилась, на лице не было ни тени сомнения.

— Мне совершенно нечего скрывать от вас, — горячо ответила она, открыто встретив пронзительный взгляд серых глаз. — Моё сердце и мысли принадлежат вам, я готова открыть перед вами всю свою душу. Буду ждать вашего знака с нетерпением.

Адриан медленно склонил голову и запечатлел на её щеке робкий, трогательный поцелуй. От этого мимолетного прикосновения его губ, у Аи сладко замерло сердце, по телу разлилась волна согревающего тепла, вытесняя ночную тревогу.

Юноша неохотно отстранился, бережно выпуская её из своих сильных объятий, хотя пальцы еще на секунду задержались на её талии.

— Нам нужно возвращаться в свои покои, Ая, — негромко произнес он, в голос снова вернулась привычная собранность.

Девушка послушно кивнула, унося это хрупкое воспоминание в самом сердце. Они вместе, покинули Обсерваторию Стекланных Слез, бесшумно спустились по крутым виткам каменной винтовой лестницы, стараясь не издавать ни единого звука. Затем пути влюбленных разошлись. Одновременно выйдя в полумрак коридора, направились каждый в свою сторону.

Сделав всего несколько шагов, Ая замерла. Сердце болезненно сжалось, и, повинувшись внезапному порыву, она резко обернулась и негромко, почти шепотом позвала: — Адриан.

Юноша обернулся на её зов.

— Будьте осторожны, — сдавленным от подступающих слез голосом произнесла она.

На лицо Де Мора падал чистый свет луны. В этом серебряном сиянии Ая увидела, как он мягко улыбнулся — той самой редкой, предназначенной только для неё улыбкой, от которой

на душе стало тепло. Адриан кивнул, этот безмолвный знак придал ей сил. Они развернулись и пошли дальше.

Каким-то чудом Ая добралась до своего жилого крыла, не встретив на пути ни одного патрульного поста. Проскользнув в келью, трясущимися пальцами заперла дверь на задвижку и, не раздеваясь, прямо в синем платье без сил бросилась на кровать.

В душе всё клокотало от смешанных чувств. Пылающая любовь неукротимым пожаром разливалась по венам, окрашивая её жизнь в яркие тона. Воспоминание о тепле его рук на талии и робком поцелуе кружило голову, заставляя сознание улетать куда-то ввысь. Но в то же время этот внутренний огонь сталкивался с леденящим чувством тревоги. Мысли о том, на какой риск идет Адриан, тяжелым прессом давили на грудь. Разум лихорадочно рисовал пугающие картины встречи с пронизательным Верховным магистром. В этой интимной тишине комнаты её существо разрывалось между безграничным счастьем от обретенного взаимного чувства и глухим, изнуряющим страхом перед неизвестностью грядущих двух дней.

Сон не шел. Ая лежала на постели, утопая в мягких шелковых простынях и пуховых подушках, но даже изысканный комфорт, не мог подарить ей долгожданного забвения. Девушка безучастно смотрела в высокий сводчатый потолок. Ткань дорогого синего платья, в котором она так и осталась лежать, сковывала движения, но переодеться не было сил — этот наряд всё ещё хранил едва уловимый запах морозной хвои, исходивший от камзола Адриана. Она бережно прижала ладонь к щеке, словно пытаясь удержать на коже мимолетное, робкое тепло его поцелуя.

Мысли, точно растревоженный улей, кружились вокруг одной и той же картины. Верховный магистр Доминик Де Мор Очень пронизательный, холодный и расчетливый человек, от чьего всевидящего взора практически невозможно скрыть даже крупицу лжи. Сможет ли Адриан скрыть свои намерения перед человеком, который годами читал его как открытую книгу? Получится ли завладеть отцовской шкатулкой и заветным заклинанием? Ая зажмурилась, чувствуя, как от лихорадочного вихря мыслей, начинает пульсировать боль в висках. Захотелось закричать от собственного бессилия. Она ничем не могла помочь любимому человеку, оставалось только ждать.

Ночной мрак за окном начал медленно бледнеть. Синее сияние звезд, освещавшее их в Обсерватории, уступило место сырому туману, который напознал на Академию со стороны Низин. Ая поднялась с кровати, ступая босыми ногами на пушистый ковер. Тело била мелкая, едва заметная дрожь от эмоционального истощения. Подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу.

Внизу, во внутреннем дворе, патруль стражей лениво обходил территорию, их доспехи тускло поблескивали в утренних сумерках. Мир вокруг просыпался, возвращаясь к своему привычному ритму. До Дня Равноденствия оставалось три дня. Всего три дня на то, чтобы совершить невозможное, успешно выкрасть заклинание, добраться до Замерзшего грота, усыпить слепого монстра подземелий и вырваться на свободу.

Ая сделала глубокий вдох, заставляя утихнуть внутреннюю панику. Вспомнила свои собственные слова, сказанные Адриану: «Мне совершенно нечего скрывать от вас». Это была чистая правда. Между ними больше не было тайн, а окрыляющая любовь сейчас давала ей силы. Она не имела права сломаться сейчас, когда он рискует всем ради их будущего. Нужно быть сильной и выдержать эти два дня неизвестности, чего бы это ни стоило.

Глава 30 «Маска долга»

Тяжелая черная карета с золотым гербом рода Де Моров плавно остановилась у парадного крыльца величественного особняка. Кованая дверца со щелчком распахнулась, и Адриан вышел на безупречно чистые мраморные плиты. Юноша бросил короткий взгляд на фасад фамильного гнезда, где светлые гранитные стены, обвитые густым плющом, гармонично сочетались с высокими стрельчатыми окнами и изящными барельефами, отражающими славу его предков. Не теряя ни секунды, он решительными, быстрыми шагами направился к парадной двери.

Переступив порог, Адриан оказался в холле. Высокие своды подпирали колонны из редчайшего антрацитового мрамора, чьи природные прожилки мерцали чистым серебром в теплом свете огромных хрустальных люстр. Под ногами расстился роскошный ковер ручной работы с золотым шитьем, полностью глушивший звук шагов, а стены были обтянуты дорогим темным шелком, на котором тускло поблескивали вышитые вручную фамильные узоры.

Миновав холл, Адриан уверенно свернул в правое крыло особняка, предназначенное для личного пользования главы рода. Он шел по длинной, богато украшенной галерее, где вдоль стен на постаментах из слоновой кости выстроились старинные скульптуры и рыцарские доспехи, а в простенках висели огромные живописные полотна в тяжелых золочёных рамах. Путь пролегал мимо закрытых дверей малых гостиных и зимнего сада, пока наконец впереди не показались массивные, инкрустированные перламутром дубовые двери, ведущие в святая святых дома — рабочий кабинет отца.

Наследник уверенно переступил порог рабочего кабинета. Интерьер этой комнаты кардинально отличался от роскошных залов особняка: здесь царила подчеркнутая, строгая сдержанность, которая, впрочем, лишь подчеркивала истинное богатство хозяина. Высокие стены были облицованы панелями из ценных пород темного дерева, чья полированная поверхность мягко отражала свет. Вдоль стен выстроились тяжелые книжные шкафы с застекленными дверцами, за которыми ровными рядами стояли старинные книги в дорогих переплетах, а на изящных подставках покоились редкие коллекционные артефакты.

Глава рода сидел в глубоком кресле с высокой резной спинкой, за внушительным рабочим столом, выполненным из цельного массива мореного дуба и украшенным искусной ручной резьбой по краям. Что-то сосредоточенно писал на плотном пергаменте с гербом их семьи. При появлении сына на лице Доминика на мгновение отразилось удивление. Адриан был редким гостем в родовом гнезде, сознательно предпочитая жизнь вдали от жесткого отцовского контроля.

Юноша неторопливо прошел в глубь кабинета и опустился на коричневый кожаный диван с резными деревянными ножками. Он вёл себя подчеркнуто спокойно, совершенно не спеша объяснять цель своего внезапного визита.

Доминик отложил перо и пронзительно смотрел на сына, используя всю свою проницательность, чтобы разгадать его мотивы. Буквально сканировал Адриана взглядом, но лицо молодого аристократа оставалось безупречной, абсолютно непроницаемой маской. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Даже врожденный дар, позволяющий главе рода улавливать отголоски чужого разума, на этот раз оказался бессилён перед этой ледяной броней. Доминик был вынужден мысленно признать: Адриан — достойный преемник своей фамилии.

— Что же привело тебя в поместье, сын? — наконец прервал тишину Верховный магистр, внимательно глядя в юношу.

Адриан выдержал размеренную паузу, делая вид, будто подбирает слова с некоторой неохотой, и лишь затем произнес ледяным, ровным тоном:

— Я тщательно обдумал наш последний разговор, отец. И принял решение. Я готов продолжить дело нашей семьи и чтить её традиции, как того требует мой долг.

Адриан безупречно отыгрывал роль гордого, но осознавшего реальность наследника, который, преодолев юношеский бунт, возвращается на истинный путь хоть и нехотя, но признает свои ошибки.

На лице Верховного магистра отразилось неприкрытое торжество. Доминик слишком долго ждал этого момента, и теперь победа над упрямством сына тешила его самолюбие. Немного подумав и взвесив ситуацию, он властно произнес:

— В таком случае мы не станем терять времени. Нам нужно сегодня же провести церемонию инициации и укрепить твою силу.

Адриан, намеренно не смотря на отца, лишь коротко и сухо кивнул в знак согласия. Доминик воспринял этот жест как окончательное смирение гордого юноши. Глава рода помнил их последнюю встречу, когда наследник наотрез отказывался продолжать семейное дело, заявляя, что совершенно не готов к подобному бремени, и настойчиво просил отложить этот вопрос хотя бы до следующего года. Теперь же, видя перед собой покорного преемника, Доминик потерял бдительность.

Верховный магистр протянул руку, взял со стола изящный серебряный колокольчик и резко тряхнул им. Высокий металлический звон эхом разнесся по кабинету. Дверь мгновенно отворилась, и на пороге беззвучно вырос слуга в чёрной ливрее по краям, расшитой серебром. Доминик, не оборачиваясь, сухо отдал распоряжение:

— Немедленно подготовьте зал обрядов. Всё должно быть через три часа. И вели подавать обед в малую столовую через полчаса.

Слуга почтительно поклонился и так же бесшумно исчез, оставив отца и сына наедине.

Доминик, находясь в приподнятом настроении, откинулся на спинку кресла и принялся расспрашивать сына о делах в Академии. Сперва его вопросы казались обычным проявлением отцовского интереса, но вскоре он вскользь поинтересовался, известно ли наследнику, какими темпами продвигается восстановление разрушенной Арки.

Адриан, не терял бдительности на всем протяжении разговора. За маской благодушной беседы отчетливо почувствовал тонкое, едва заметное прощупывание. Верховный магистр, несмотря на свою радость, оставался верен себе и всё еще искал скрытые мотивы в неожиданном визите юноши. Доминик прекрасно знал, что раньше Адриан демонстративно игнорировал любые дела Совета, и его внезапная осведомленность о ремонте секретного контура выглядела бы по меньшей мере подозрительно.

Лицо наследника сохранило безупречное, холодное безразличие. Он ответил ровным, слегка скучающим тоном, заявив, что в Люминар всё идет своим чередом, лекции скучны, как всегда, про Арку ничего не знает, поскольку чужие обязанности его никогда не привлекали. Чтобы окончательно усыпить бдительность отца и прекратить этот допрос, Адриан поднялся с кожаного дивана. Сослался на утомление после поездки и попросил позволения подняться в свои покои, чтобы немного отдохнуть и привести себя в порядок перед обедом.

Доминик кивнул, удовлетворенный ответом, который полностью укладывался в привычный эгоистичный характер его сына.

Адриан покинул кабинет, вернулся в парадный холл и поднялся на второй этаж по широкой белой мраморной лестнице, ступени которой были натерты до зеркального блеска. Отсюда его путь пролегал по длинному коридору, мимо бесконечной вереницы пустующих гостевых спален. Его покои располагались в самом тупике крыла — это была самая крайняя, уединенная комната.

Толкнув тяжелую створку, переступил порог помещения огромного размера, каждый предмет интерьера безмолвно свидетельствовал о высоком статусе владельца. Вся мебель была изготовлена искусными мастерами из благородного резного красного дерева.

С лева у стены стояла шикарная кровать, напоминавшая королевское ложе. Высокое изголовье из резного красного дерева было украшено искусными, строгими узорами, в которых переплетались рельефные очертания грозовых облаков, пикирующих соколов и яростных разрядов молний. Матрас, наполненный тончайшим гусиным пухом, бережно принимал тело, а безусловно гладкие простыни из белоснежного китайского шёлка приятно охладили кожу. Над всем этим великолепием раскинулся тяжёлый, величественный балдахин из плотного тёмно-синего бархата. Его пологи, подвязанные плетеными золотыми шнурами с массивными кистями, ниспадали мягкими складками до самого пола, создавая внутри постели уединенное пространство.

Чуть поодаль, у высокого окна, расположился письменный стол с аккуратно разложенными письменными принадлежностями, а рядом с ним — обитый дорогим бархатом стул с изогнутой спинкой. В противоположной части спальни уютно расположилась зона отдыха: камин из полированного белого мрамора, перед которым стояли два глубоких кресла, обтянутых редкой тисненой кожей, и невысокий чайный столик на гнутых ножках. У боковой стены высился массивный комод с кованой фурнитурой, на гладкой столешнице которого под стеклянными витринами покоилась фамильная коллекция старинных кинжалов.

Смежная дверь вела в отдельную просторную гардеробную. Внутри царил безупречный порядок: парадные камзолы и плащи были аккуратно развешены по цветам, а дорогие туфли из тончайшей кожи стояли в ряд на длинной деревянной полке из морёного дуба.

Юноша прошел вглубь своих владений и устало, прямо в дорожной одежде, опустился на кровать. Он посмотрел на противоположную стену, где всегда висел портрет покойной матери — единственная вещь, хранившая тепло его детских лет. Однако сейчас на шёлковой обивке стены Адриан с потрясением обнаружил совершенно иное полотно в тяжёлой золочёной раме. Вместо нежного лица матери на него холодным, надменным взором смотрел его собственный портрет, написанный лучшим живописцем столицы по заказу Доминика.

Осознание того, что отец намеренно заменил картину, безжалостно стирая из этого дома память о женщине и заставляя сына созерцать лишь собственное фамильное величие, заставило Адриана разозлиться. Внутри вскипела глухая, яростная обида на чёрствость Верховного магистра, и юноша крепко сжал руки в кулаки, заставляя себя дышать глубже. Лишние эмоции сейчас могли разрушить всё.

Немного успокоившись, Адриан погрузился в тяжёлые раздумья, просчитывая каждый последующий шаг. На рабочем столе отца он заметил ту самую заветную шкатулку из черного камня. Теперь главной задачей было усыпить бдительность проницательного Верховного магистра. Наследник резонно рассудил, что Доминик наверняка сам захочет отпраздновать это долгожданное событие сразу после в посвящения. Требовалось лишь мягко поддержать инициативу отца и в нужный момент ненавязчиво подтолкнуть его почаще поднимать бокал с вином. Стоило алкоголю притупить врожденное чутье и реакцию Верховного магистра, как шкатулка окажется беззащитна. А дальше оставалось лишь действовать по обстоятельствам.

Выделенные на сборы полчаса пролетели незаметно. В тишине покоев раздался короткий, тактичный стук в дверь.

— Войдите, — холодно отозвался Адриан.

Порог переступил слуга, который почтительно поклонился и принялся помогать молодому хозяину переодеться к обеду. Он ловко и аккуратно завершил туалет наследника, застегнув последние серебряные пуговицы на парадном камзоле из плотной тёмно-синей шерсти и аккуратно расправив манжеты тончайшей батистовой рубашки.

Адриан покинул свои покои и неторопливо спустился по парадной лестнице, направляясь в малую столовую. Она предназначалась для частных семейных трапез и ослепляла своим утонченным и статусным великолепием. Высокие стены были затянуты гобеленовым шёлком цвета спелого граната с искусным золотым шитьём. Под потолком сияла массивная люстра из

венцианского хрусталя, чьи бесчисленные подвески дробили дневной свет на тысячи радужных бликов. В центре залы стоял обеденный стол из полированного до зеркального блеска эбенового дерева, окруженный стульями с высокими резными спинками и бархатной обивкой.

Сервировка стола была выполнена по наивысшему разряду и поражала безупречной геометрией: белоснежная скатерть из дамасского льна хрустела от свежести, на ней ровными рядами красовался коллекционный фарфор с фамильным золотым кантом. Рядом покоились столовые приборы из чернёного серебра, инкрустированные крошечными драгоценными камнями на рукоятках. В тонких хрустальных бокалах и массивных резных графинах уже тускло переливалось коллекционное тёмное вино, а в серебряных супницах и на широких блюдах исходил паром изысканный обед из нескольких перемен блюд, приготовленный лучшими поварами поместья.

Наследник уверенно прошел по мягкому ковру, шурша полами камзола, и сел напротив отца, встретив его изучающий, пронизательный взор. Первый раунд опасной игры был официально начат.

Глава 31 «Печать силы»

Доминик удовлетворенно окинул взглядом сидящего напротив сына. Неторопливо протянул руку к хрустальному бокалу, в глубине которого густым рубиновым блеском переливалось старинное вино. Подняв его, Верховный магистр выдержал паузу, позволяя тишине столовой подчеркнуть важность момента.

— За твоё возвращение к истокам, Адриан, — звучным, властным голосом произнес Доминик, в глазах вспыхнул огонёк триумфа. — Род Де Моров всегда держал в руках бразды правления, наследник не должен растрачивать свой потенциал. Я рад, что благоразумие взяло верх над твоим упрямством. Пусть грядущий обряд усилит не только твою магию, но и верность нашему общему долгу.

Он сделал лёгкое приглашающее движение бокалом в сторону сына, предлагая разделить этот тост.

Адриан с ледяным безразличием на лице, в ответ потянулся к своему бокалу. Юноша прекрасно понимал: отец пьёт не за его благополучие, а за собственную победу и абсолютную покорность преемника. Подняв хрусталь, Адриан едва заметно кивнул, сделал один глоток и аккуратно поставил бокал обратно. Терпкое вино обожгло язык.

На протяжении всего обеда отец и сын почти не общались. Трапеза проходила в молчании, прерываемом лишь едва слышным стуком столового серебра о коллекционный фарфор. Впрочем, так было всегда — их редкие встречи в родовом поместье никогда не отличались семейной теплотой. Едва они закончили трапезу, Доминик поднялся и ушёл лично проконтролировать, как идёт подготовка к обряду. Адриан уединился в своей комнате.

Через пару часов в дверь спальни постучали. — Войдите, — глухо отозвался Адриан, поднимаясь с кровати.

В комнату вошёл слуга. Почтительно поклонился и пригласил наследника проследовать в зал обрядов.

Адриан в сопровождении проводника спустился, по потайной винтовой лестнице, удивившей глубоко вниз, слуга уверенно нажал на скрытый рычаг среди каменной кладки. С глухим скрежетом часть стены ушла в сторону, открывая потайной ход. Наследник шёл здесь впервые в жизни, отец никогда ранее не допускал его до главных семейных тайн и скрывал это место. Воздух здесь был прохладным и чистым, стены скрытого коридора облицованы плитами из полированного тёмного гранита, отражавшими мягкое свечение редких кристаллов.

Наконец потайной ход вывел их, к колоссальной подземной пещере, которая служила роду главным залом обрядов.

Несмотря на своё природное происхождение, это грандиозное подземное пространство не имело ничего общего с дикими гrotами. Владелец превратил пещеру в шедевр архитектуры. Стены, идеально выровненные искуснейшими мастерами и сплошь покрыты тонкими пластинами из мерцающего антрацитового сланца, на котором золотой нитью были выгравированы узоры, изображающие триумф стихии. Пещера была залита ярким, торжественным светом: по всему периметру в резных кованых держателях из чёрного серебра горели сотни факелов, заправленных особым маслом, которое давало ровное, чистое пламя без копоти.

Вдоль этих сияющих стен высились колонны, искусно высеченные в форме исполинских крылатых чудовищ из чёрного базальта. Их мускулистые спины и раскрытые крылья уходили ввысь, и они как будто силой удерживали на своих когтистых лапах тяжёлый свод пещеры, теряющийся в вышине. С этой головокругительной высоты на массивных золочёных цепях спускались огромные кованые люстры, где полыхал багровый ритуальный огонь, заливая яркими отблесками всю залу. Посередине пещеры, на широком многоярусном возвышении, располагался круглый алтарь, высеченный из монолитного куска редчайшего дымчатого хрусталя,

границ которого искрились и преломляли потоки света. Всё здесь было подчинено идее безграничной власти и величия рода Де Моров. В самом центре этого мрачного великолепия, спиной к вошедшему сыну, уже стоял Верховный магистр, в церемониальной мантии.

Доминик неторопливо повернулся, мантия из тяжёлого тёмно-синего бархата, расшитая серебряными нитями, мягко шуршала по гладким каменным плитам. Лицо Доминика Де Мора оставалось бесстрастным, но в глубине глаз горело холодное удовлетворение. Он медленно поднял руку и властным жестом пригласил сына взойти на хрустальный подиум.

Адриан прошёл вперёд и поднялся по широким прозрачным ступеням, замер в самом центре круглого алтаря. Юноша внешне оставался абсолютно спокойным, но внутри каждый нерв был натянут до предела.

Доминик глубоко вздохнул и раскинул руки в стороны. Тотчас яркий свет десятков факелов на стенах пещеры начал стремительно тускнеть, словно какая-то невидимая сила высасывала само пламя. Багровый огонь в огромных кованых люстрах под самым сводом, напротив, вспыхнул с яростной силой, выбрасывая длинные языки пламени. Воздух внутри колоссального зала наэлектризовался, став тяжёлым и тягучим. Базальтовые колонны в форме крылатых чудовищ, казалось, глухо завывали, когда сквозь их чёрный камень потекли первые мощные потоки родовой магии.

— Закрой глаза и прими силу, что по праву принадлежит твоему имени, — раскатистым эхом разнёсся голос Доминика под высокими сводами.

Верховный магистр начал зачитывать древнее заклинание. Слова звучали резко, словно раскаты грома вдали. С каждым новым звуком хрустальный подиум под ногами Адриана начал вибрировать всё сильнее, наполняясь внутренним лазурным сиянием. Из-под прозрачных плит вырвались первые тонкие нити чистой энергии. Они змеями обвили лодыжки юноши, медленно поднимаясь выше по его телу и проникая сквозь плотную ткань парадного камзола прямо к венам.

Адриан стиснул зубы, сдерживая рвущийся наружу стон. Обряд укрепления силы был болезненным: казалось, будто по крови пустили жидкое, раскалённое серебро. Грозовые разряды начали с треском срывать с пальцев, окутывая фигуру наследника плотным сияющим коконом. Доминик полностью сосредоточился на ведении ритуала, вкладывая всю свою волю в стабилизацию бушующих потоков магии. Взор был прикован только к энергетическим каналам сына, а разум целиком ушёл в управление стихией.

Адриану требовалось выдержать эту пытку до конца. Только завершив обряд и получив обещанную силу, он сможет открыть ментальный канал связи с Аей, как и обещал ей перед разлукой.

Потоки лазурных молний становились всё яростнее, а базальтовые чудовища на колоннах словно оживали в пульсирующих багровых отсветах люстр. Грозовой кокон полностью скрыл фигуру наследника, пещера содрогнулась от финального, оглушительного аккорда магии. Вспышка ослепительного света на мгновение выхватила из темноты каждый уголок зала, после чего буря резко утихла, оставив после себя лишь тихий треск статического электричества в воздухе.

Доминик тяжело опустил руки, дыхание было прерывистым, на бледном лице сияло абсолютное торжество. Обряд прошёл безупречно.

— Всё кончено, — глухо произнёс Верховный магистр, с гордостью глядя на преемника. — Твой источник стабилизирован. Возвращайся в свои покои и восстанови силы перед праздничным ужином. Сегодня мы отметим твой истинный триумф.

Адриан, едва удерживаясь на ногах от накатившей слабости, коротко кивнул. Медленно спустился с хрустального подиума и, в сопровождении слуги, поддерживавшего его, направился обратно.

Вернувшись в свои покои, наследник чувствовал себя абсолютно разбитым. Силы покинули его. Покорно позволил слуге раздеть себя, снять парадный камзол и, добравшись до кровати, без сил упал на шёлковые простыни. Сон сморил его мгновенно. Это было глубокое забытьё, утнувшее его сознание в глухую темноту.

Проснулся юноша от настойчивого стука в дверь. Некоторое время лежал совершенно неподвижно, ещё не до конца понимая, где находится. Он растеряно вглядывался в полумрак просторной спальни, пока туман в голове не рассеялся. Окончательно придя в себя, Адриан огляделся по сторонам. Взгляд зацепился за его собственный портрет на стене, и в памяти мгновенно восстановились все предыдущие события: обед с Домиником, базальтовые чудовища в пещере и ослепляющая вспышка магии.

— Войдите, — ровным, восстановившим силу голосом отозвался он, садясь на постели.

В комнату бесшумно вошёл слуга. Почтительно поклонился и принялся помогать молодому хозяину одеться к ужину. Подавая вещи и застёгивая пуговицы нового камзола, слуга действовал расторопно, Адриан в это время всё сильнее и глубже ощущал колоссальные изменения внутри своего существа. Энергия Бури стала мощнее и ощущалась как сокрушительная сила. Эта новая укрепившаяся магия теперь пульсировала в венах ровным, концентрированным теплом, даря невиданную ранее уверенность и открывая, пугающие возможности.

Адриан покинул свои покои и спустился в большую парадную столовую, где высокие стены были гармонично облицованы панелями из ценнейшего розового дерева, поверх которых висели огромные старинные гобелены, сотканые золотыми и серебряными нитями.

На этих полотнах были искусно изображены великие исторические сражения и триумфальные победы предков Адриана. Огромные окна во всю высоту помещения были занавешены тяжёлыми портьерами из глубокого тёмно-синего бархата.

Пространство зала заливал ослепительный свет двух массивных многоярусных люстр, кованные обручи которых были украшены тысячами огранённых подвесок из горного хрусталя. Этот свет мириадами искр отражался на безупречно натёртом паркете из ценных пород древесины, выложенном сложным мозаичным узором. В самом центре залы стоял обеденный стол, способный вместить несколько десятков человек. Сейчас он был накрыт белоснежной скатертью из тончайшего льна и буквально ломился от редчайших деликатесов, поданных на изящных серебряных подносах. По всему периметру стола выстроились резные стулья с высокими спинками, обтянутые синим бархатом в тон шторам. Во главе стола, в массивном кресле, больше напоминающем трон, восседал Доминик.

Адриан неторопливо прошёл мимо бесконечного ряда пустых бархатных стульев и опустился на место, напротив отца. Лицо юноши совершенно не выражало эмоций, а взгляд оставался отрешённым и холодным.

Глава рода пребывал в превосходном, на редкость благодушном расположении духа. Успешное завершение древнего обряда и видимая покорность сына радовали его. Стоило Адриану сесть, как к столу тут же беззвучно подошли двое слуг в парадных ливреях, принесли хрустальные графины и почтительно налили в бокалы хозяев коллекционное вино многолетней выдержки. Один из лакеев наполнил кубок наследника, в то время как второй столь же бережно налил тёмно-рубиновую жидкость главе рода.

— Выглядишь отдохнувшим, — звучным, властным голосом произнёс Доминик, поднимая хрустальный бокал. В глазах вспыхнул огонёк тщеславия и триумфа. — Наша родовая сила приняла тебя целиком, я ощущаю её. За твоё новое могущество и за великое, неоспоримое будущее рода Де Моров!

Адриан небрежно приподнял свой бокал, прямо и открыто встретив изучающий взгляд отца. На губах застыла едва заметная, холодная полуулыбка. Наследник едва заметно кивнул, сделал маленький глоток и поставил бокал обратно на белоснежную льняную скатерть.

На протяжении всего ужина юноша лишь делал вид, что выпивает, искусно имитируя прикосновение губ к хрустальному краю при каждом тосте. Довольный Доминик, ослеплённый собственным триумфом, даже не заметил, что бокал наследника практически не пустеет. Адриан же в своей привычной манере, держась холодно и высокомерно, уверенно вёл разговор, мягко подыгрывая безграничному тщеславию отца. Он терпеливо выслушивал пространные рассуждения о величии их фамилии, изредка кивая и задавая короткие, вопросы, которые заставляли Доминика с гордостью делать новые большие глотки. Вышколенные слуги действовали безупречно, мгновенно наполняя бокал главы рода, как только тот пустел.

Праздничный вечер закончился тем, что тяжёлый алкоголь окончательно сморил Верховного магистра. Движения Доминика потеряли былую чёткость, речь стала бессвязной, а веки отяжелели. По сигналу старшего лакея к столу беззвучно подошли слуги, которые бережно подхватили хозяина под руки и помогли ему отправиться в свою комнату. Адриан в этот момент искусно делал вид, будто вино точно так же опьянило и его самого: тяжело опираясь на локти и туманным взглядом смотрел, как уводят Доминика.

Глава 32 «Сквозь расстояние»

Когда слуги начали беззвучно убирать со стола серебряные блюда и хрусталь, Адриан поднялся со своего места. Сохраняя расслабленную походку захмелевшего человека, неторопливо покинул столовую, вышел в сад через стеклянные двери и пошёл по мощёной дорожке, вдоль которой тянулись аккуратно подстриженные живые изгороди. По обе стороны от тропинки раскинулись ярусы изысканных цветников. Редкие ночные бутоны чернильных лилий и серебристой примулы раскрылись навстречу луне, наполняя воздух тонким, сладковатым ароматом. Дорожка петляла под раскидистыми кронами дубов, чьи переплетённые ветви отбрасывали на землю причудливые тени. Чуть поодаль, в небольших декоративных прудах, выложенных тёмным сланцем, переливалась вода, отражая в своей неподвижной глади холодный блеск далёких звёзд. Шаг за шагом юноша удалялся от особняка, пока камни под ногами не привели его к уединённой кованной арке, сплошь обвитой пышными кустами цветущих белых роз. Под сводом которой стояла изящная резная скамья из морёного дуба.

Юноша опустился на скамью, скрывшись в густой тени ароматных цветов. Решил немедленно связаться с Аей. Адриан закрыл глаза, сосредоточился и вызвал в памяти её образ, удерживая его перед мысленным взором с помощью своей новой, многократно укрепившейся магии. В его разуме, словно тихий испуганный шёпот, внезапно отозвались чужие мысли. Это была Ая. Сквозь расстояние, отчётливо уловил её внутренний монолог: *«Где же он?.. Хоть бы с ним всё было хорошо. Пожалуйста, пусть этот страшный обряд уже закончится... Я просто не вынесу, если Верховный магистр что-то с ним сделал...»*

Осознав, что связь установилась, Адриан мягко вклинился в этот поток и мысленно произнёс:

«Ая, вы слышите меня?»

В эту самую секунду в Академии Люминар девушка неподвижно лежала на своей кровати. Сон не шёл к ней, внезапно в голове отчётливо и ясно прозвучал знакомый голос Адриана. Она резко приподнялась на локтях, дыхание перехватило от неожиданности. Осознав, что это не игра воспалённого разума, мысленно ответила ему, не скрывая захлестнувшей радости:

«Адриан! Как я рада вас слышать... Я так беспокоилась за вас!»

«Я тоже рад слышать ваш голос, — отозвался наследник, в его мыслях впервые за этот бесконечный день промелькнуло подлинное, живое тепло. — Обряд, успешно завершён, и моя сила возросла».

Ая вздохнула, прижимая ладонь к груди, в которой наконец утихло изнуряющее волнение.

«Я места себе не находила, — мысленно прошептала девушка, укутываясь в одеяло. — Ваш отец... он ничего не заподозрил?»

«Всё прошло по плану, — уверенным тоном ответил юноша. — На протяжении праздничного ужина я лишь делал вид, что пью вино. Доминик, ослеплённый собственным триумфом, ни о чём не догадался. Сейчас крепко спит в своих покоях под действием алкоголя, а слуги заняты уборкой. У меня есть немного времени, чтобы поговорить с вами, пока в особняке не воцарится затишье».

Ая почувствовала, как по телу разливается тепло, но в мыслях всё ещё сквозила лёгкая тревога.

«Пожалуйста, будьте осторожны, Адриан. Что вы планируете делать дальше?»

«Мне нужно решить ещё несколько важных вопросов, пока отец спит, — уклончиво ответил Адриан, открывая глаза и всматриваясь в светлые силуэты роз над скамьей. — Я планирую отправиться в обратный путь на рассвете.»

«Пожалуйста, вернитесь невредимым, Адриан. Я буду ждать вас каждую секунду.»

Юноша замер, вслушиваясь в искренние слова. Трепетное тепло, исходившее от её сознания сквозь расстояние, на миг заставило его забыть о холоде родового особняка Де Моров.

«Я вернусь, Ая. Чего бы мне это ни стоило, — тихо, с непривычной для себя мягкостью ответил он.»

В ответ девушка ничего не сказала, но Адриан ощущал её присутствие нежно, словно едва заметное прикосновение к щеке. В этом безмолвном жесте было гораздо больше поддержки и скрытой привязанности, чем в красивых словах. Юноша сделал глубокий вдох, позволяя этому ощущению закрепиться внутри, затем закрыл диалог, но оставляя тонкую, как волосок, связующую нить.

Ночной сад вернул свои привычные звуки: шелест дубовых крон и тихий всплеск воды в декоративных прудах, где в темноте изредка плескались японские карпы кои. Адриан помедлил ещё некоторое время, собираясь с мыслями.

Затем плавно поднялся с деревянной скамьи. Неторопливо пошёл по мощёной дорожке обратно в сторону погружающегося во мрак особняка. Походка вновь стала ровной, а лицо приняло привычное бесстрастное выражение. Ментальная связь с Аей подтвердила, что ритуал Доминика дал ему колоссальное преимущество. Теперь, оставалось лишь бесшумно проникнуть в кабинет Верховного магистра.

Адриан неторопливо вернулся к дому. Свет в окнах особняка уже полностью погас, погружая массивное здание в глубокий ночной сон. Бесшумно скользнув внутрь через стеклянные двери сада, юноша пробрался в правое крыло, которое сейчас было освещено лишь бледным, призрачным светом редких магических кристаллов, вмонтированных в стены. Замкнутые в драгоценные оправы камни давали мягкое свечение.

Наследник остановился прямо перед дверью отцовского рабочего кабинета и уверенно взялся за резную металлическую ручку. Как он и ожидал, кабинет был заперт на замок. На губах Адриана появилась едва заметная холодная улыбка. Во внутреннем кармане его камзола был небольшой стальной ключ со сложной, витиеватой бородкой.

Доминик даже не догадывался о существовании этого дубликата. Когда Адриан был ещё подростком, в особняк пригласили лучшего слесаря, чтобы тот обновил замок в кабинете Верховного магистра. Маленький Адриан, терзаемый любопытством, часами крутился возле работающего мастера и внимательно следил за его действиями. Пользуясь тем, что Доминик отлучился на заседание Совета, а ремесленник ненадолго отвлекся, мальчик проявил хитрую смекалку. Достал из кармана кусок мягкого воска, крепко прижал его к ключу от кабинета отца и сделал глубокий слепок с обеих сторон бородки.

Через неделю слуги повезли юного наследника в город на первую примерку праздничного костюма к портному. Воспользовавшись моментом, пока прислуга разговаривала с подмастерьем у входа в ателье, Адриан незаметно ускользнул на соседнюю улицу в лавку к бедному городскому мастеру. Он отдал ему восковую форму и щедро заплатил за молчание золотой монетой. Спустя три дня, когда слуги привезли мальчика в город во второй раз — уже забирать готовый костюм, Адриан снова улучил минуту, тайно добежал до лавки слесаря и забрал готовый, идеально выточенный дубликат. Все эти годы Доминик ни разу не усомнился в абсолютной надёжности своих запоров, даже не подозревая, что у сына есть ключ.

Наследник достал ключ, стараясь не издать ни единого звука, плавно вставил его в замочную скважину. Ключ мягко, без единого скрипа провернулся в замочной скважине. Едва слышный щелчок известил о том, что замок поддался, Адриан осторожно толкнул дубовую дверь. Бесшумно проник внутрь кабинета и сразу же притворил за собой створку, Закрывая задвижку, чтобы случайный сквозняк не выдал его присутствия.

Помещение было погружено в густой сумрак. Едва глаза привыкли к темноте, юноша решительно направился к рабочему столу. Однако заветной шкатулки на привычном месте не

оказалось — гладкая лакированная столешница была абсолютно пуста, если не считать письменных приборов.

Адриан на секунду нахмурился, но паника не взяла верх над его холодным разумом. Действуя быстро и предельно аккуратно, он принялся обыскивать весь кабинет. Юноша проверял ящик за ящиком, стараясь возвращать каждую вещь точно в том же положении, в каком она лежала. Наконец, заглянув в глубокую потайную нишу за книжными стеллажами, он обнаружил то, что искал.

Чёрная каменная шкатулка покоилась на нижней полке, скрытая от беглого взгляда. Адриан достал её и затаил дыхание. Аккуратно поддел изящную металлическую защёлку, и крышка с тихим сухим щелчком откинулась назад. Внутри на бархатной подложке лежал старинный, пожелтевший от времени пергамент. Развернув его, наследник узнал ломаные, острые руны — это было то самое тайное заклинание, ради которого он рискнул всем. Не теряя времени, юноша свернул документ и быстро спрятал его во внутренний карман своего камзола. Каменную шкатулку запер и вернул точно на то же место в нише, затем так же бесшумно покинул кабинет, заперев за собой дверь.

Буквально растворяясь в бледных тенях коридоров, Адриан благополучно вернулся в свою спальню. Оказавшись в безопасности своих покоев, запер дверь и облегчённо выдохнул. Внутренний карман камзола приятно согревая грудь обретённой добычей. Юноша сел в глубокое кресло, устало откинул голову на мягкую спинку и прикрыл глаза. Сфокусировав своё внимание на Ае, он без труда восстановил невидимый мост сквозь пространство, безошибочно отыскав тёплый след чужого сознания. Нежно коснулся разума девушки и мысленно произнёс:

«Ая, вы слышите меня?»

Ответ пришёл мгновенно, словно всё это время она сидела затаив дыхание и неотрывно ждала его знака. В ментальном послыании сквозило такое сильное напряжение, что наследник почти физически ощутил её дрожь.

«Адриан! Слава богам... Всё прошло спокойно? Вы в безопасности?»

«Да, я в своей спальне, — ответил юноша, на губах появилась победная улыбка. — Всё получилось. Пергамент с заклинанием у меня».

В ответ в его голове воцарилась тишина. Ая словно лишилась дара речи, поражённая этой ошеломительной новостью. Древний фамильный секрет, который казался абсолютно недостижимым под постоянным присмотром Верховного магистра, теперь принадлежал им.

«Я даже не рассчитывала на столь благополучный финал, — наконец отозвалась Ая, сквозь расстояние Адриан почувствовал её подкатившие слёзы. — Это кажется настоящим чудом!»

«Пока нам сопутствует удача, — отозвался Адриан, лицо осветила усталая улыбка».

Юноша ощутил, как на него накатывает усталость. Напряжение последних часов и огромные затраты сил во время ритуала дали о себе знать: веки стали наливаться свинцом, а удерживать мысленную связь становилось всё труднее.

«Вам нужно отдохнуть, Ая. Постарайтесь уснуть, — мягко добавил Де Мор, заботливо укутывая её своим ментальным теплом. — На сегодня потрясений достаточно. Я планирую выехать из поместья на рассвете, так что уже к обеду буду в академии».

«Доброй ночи, Адриан. Я буду ждать вас», — едва уловимым эхом отозвалась девушка.

Адриан бережно разорвал контакт и без сил рухнул на постель прямо в камзоле. Глубокий сон овладел им мгновенно.

Когда рассвет только подкрался к усадьбе, окрасив раскидистые дубы в бледно-розовые тона, Адриан уже спускался по парадной лестнице к выходу. У крыльца, окутанная пеленой утреннего тумана, ожидала запряжённая четвёркой вороных коней карета. Распоряжение подготовить экипаж к раннему выезду он отдал прислуге ещё до праздничного ужина, просчитав каждый шаг наперёд. Наследник уезжал без лишних церемоний, даже не подумав известить

отца о своём отбытии. Впрочем, пренебрежение правилами вежливости в этом доме уже давно стало для него привычным делом. К тому же, внезапная вежливость, наоборот, насторожила бы крайне подозрительного Доминика.

Один из личных лакеев, сопровождавших наследника, почтительно распахнул перед ним дверцу. Адриан сел в просторный салон и откинулся на мягкое кожаное сиденье, после чего слуга с глухим стуком закрыл карету снаружи. Кучер взмахнул хлыстом, колёса с хрустом покатались по гравийной дорожке, и экипаж на полной скорости устремился прочь от фамильных владений, держа курс назад, к Академии Люминар.

Глава 33 «Там, где затихает эхо»

Карета прибыла к главным воротам Академии Люминар точно к полудню. Вышколенный лакей привычным движением распахнул дверцу, и юноша уверенно спустился на мощёную площадку. Дорога из фамильного поместья заняла несколько часов, все это время Адриан дремал. Ощущая голод после долгой поездки, неторопливо направился напрямик в просторный трапезный зал академии, где в самом разгаре был обед.

Внутри помещения стоял привычный приглушённый гул, а воздух был пропитан аппетитными шлейфами изысканной кухни. Ая сидела за одним из дальних столов. Намеренно избегала смотреть на входные двери, боясь выдать окружающим своё томительное ожидание. Аппетита не было вовсе. Девушка делала вид, что увлечена едой, отрешённоковыряя серебряной вилкой кусочки нежного фазана под брусничным соусом, поданного на подушке из запечённых лесных грибов и пряных трав.

Момент, когда Адриан переступил порог залы, она не увидела, но сердце учащённо забилося. Сквозь пряные ароматы горячих блюд до неё донёлся едва уловимый, знакомый запах морозной хвои, неизменно окружавший наследника Де Моров. Ая замерла, кожей ощущая, что он наконец вернулся и находится совсем близко.

Адриан скользнул беглым взглядом по рядам и сразу отыскал место, где обычно в полном одиночестве сидела Ая. Удостоверившись, что с ней всё в порядке, со свойственной ему хищной, кошачьей грацией пересёк зал и опустился на место, которое всегда занимал в изголовье стола, за которым собиралась высшая аристократия Люминара. По своему обыкновению, Де Мор проигнорировал светскую беседу сокурсников. Отрезав себя от окружающих стеной ледяного высокомерия, и с явным аппетитом принялся за трапезу, всем своим видом демонстрируя абсолютную невозмутимость.

При этом его внимание было сосредоточено на Ае. Настроив внутренний фокус, Адриан без труда пробился сквозь шум заполненного помещения и коснулся её разума, отчётливо уловив трепетный вздох облегчения: *«Какое счастье... Он здесь...»*

Юноша мысленно обратился к ней:

«Ая».

Услышав в собственном сознании этот дорогой голос, возвращения которого она так страстно и нетерпеливо ждала всё это время, девушка еле заметно вздрогнула. Это секундное движение было практически невидимым для посторонних глаз. Замерев над тарелкой, поспешила направить ему ответный мысленный посыл, преисполненная восторженного осознания его близости:

«Адриан! Я так рада, что вы благополучно вернулись».

«Сегодня день равноденствия, — спокойно прозвучал в её сознании голос наследника, пока сам он невозмутимо орудовал ножом и вилкой. — Жду вас ровно в одиннадцать вечера у Чёрного озера и возьмите с собой брошь, которую вы нашли на своей тумбочке. Будьте предельно осторожны».

Не поднимая взгляда от тарелки, Ае стоило колоссальных усилий сохранять маску полного безразличия. Вся сущность девушки в эту секунду буквально пела и трепетала от волнения. Осознание, что опасный замысел удался, а до решающего свидания под покровом ночи осталось всего несколько часов, заставляло сердце биться в бешеном ритме. Её вела вперёд глубокая и искренняя любовь к Адриану, ради возможности наконец оказаться рядом с ним она была готова пойти на любой риск.

С трудом укротив душевный порыв, чтобы не выдать себя случайным свидетелям, девушка сделала едва заметный вдох и направила ему мысленный ответ, полный нежной и тихой решимости:

«Я буду на месте вовремя, Адриан».

После обеда предстояло высидеть ещё одно занятие. На лекции магистр Кассиан, мерно прохаживаясь между рядами, подробно разбирал феномен остаточного ментального эха — редкого явления, когда мощный эмоциональный всплеск оставляет в пространстве невидимый энергетический след. Он детально объяснял, как при помощи концентрации воли можно уловить эти затихшие отголоски и считать чужие чувства.

Однако Ая почти не воспринимала его слова. Обмакнув перо в чернильницу, выводила на пергаменте бессмысленные штрихи. В груди бушевало настоящее пламя, мысли упрямо возвращались к предстоящему свиданию под покровом ночи. Девушка чувствовала, как сладко замирает сердце при одном лишь воспоминании о глубоком голосе Адриана. Осознание, что впереди её ждёт встреча с любимым, полностью лишало возможности сосредоточиться на лекции.

Вместе с восторгом душу то и дело обжигала лёгкая тревога от осознания масштаба опасного предприятия, которое им предстояло совершить этой ночью. Шаг в неизвестность пугал и одновременно манил. Общую панику усугублял странный гул в голове: голоса, которые обычно фонили на периферии сознания привычным, монотонным фоном, сегодня вели себя иначе. Метались, обрывались и фонили как будто с явной тревогой. Ая изо всех сил пыталась вслушаться в этот ментальный шум, но из-за собственного волнения ничего отчётливого разобрать так и не могла.

Смятение в мыслях разжигало острое желание отыскать глазами единственную надёжную опору, но Адриана в аудитории не было. Взгляд девушки непроизвольно сорвался с конспекта и устремился в конец класса, где его пустующее место отзывалось в душе тоскливой тревогой.

Кое-как дождавшись окончания занятия, Ая поспешно покинула аудиторию. Внутри замка было невыносимо душно, словно каменные стены Люминар со всей своей вековой историей начали давить на неё, лишая кислорода. Не имея аппетита, девушка намеренно пропустила ужин и направилась напрямиком к Чёрному озеру.

На часах было всего лишь семь вечера — до назначенного Адрианом времени оставалось долгих четыре часа. Однако, на свежем воздухе, сковывающая грудь тревога начала понемногу отступать. Странный гул в голове, который во время лекции метался нарастающей тревогой, постепенно утих. Голоса плавно улеглись и вновь превратились в привычный, едва различимый монотонный фон. Чтобы окончательно успокоить мечущиеся мысли и отвлечься от предстоящего, Ая решила полностью погрузиться в неторопливую прогулку по вечернему саду. Медленно пошла по тенистым аллеям, вслушиваясь в переливчатые трели птиц, которые выводили свои замысловатые мелодии в густых кронах деревьев.

Проходя мимо мраморного фонтана, Ая невольно остановилась и засмотрелась на парящие в воздухе хрупкие капельки воды. Они волшебным и невероятно красиво переливались, вспыхивая радужными искрами в последних, угасающих лучах заходящего солнца. Девушка заворожённо наблюдала за этим безмятежным танцем стихии, как вдруг сознание вновь потревожил тот самый странный, хаотичный гул. Едва успокоившийся фон, только что тихо дремавший на периферии разума, внезапно проснулся и сделался чуть громче, наполнившись глухим, настойчивым шёпотом. В неровном ритме голосов сквозила отчётливая, предостерегающая тревога, словно невидимые собеседники упорно пытались пробиться и уберечь от опрометчивого шага. Ая сосредоточилась, изо всех сил стараясь зацепиться за этот тонкий поток, и среди общего невнятного ропота едва сумела разобрать обрывки слов:

«...опас... бере...»

Звуки растаяли, оставив после себя лишь глухое эхо. Ая удивлённо нахмурилась, продолжая свой путь к озеру, слегка прижала пальцы к вискам. Смысл этих ломаных слов ускользал от неё. Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие, но взгляд на темнеющую гладь Чёрного озера напомнил, обратного пути уже нет.

Девушка медленно подошла к кромке воды и опустилась на прохладную каменную скамью, откуда открывался вид на потрясающей красоты закат. Угасающий день окрасил небосвод в совершенно невиданные, глубокие тона: у самого горизонта небо налилось густым, почти осязаемым цветом спелой сливы, который выше плавно переходил в тончайшие полосы расплавленного янтаря и нежной, дымчатой лаванды. Солнечный диск, медленно погружаясь в далёкую туманную гряду, казался огромным, остывающим янтарным сердцем, чьи последние косые лучи пронзали пушистые края облаков и ложились на зеркальную гладь Чёрного озера длинными, медными дорожками.

Заворожёнno смотря на это великолепное зрелище, в душе продолжало зреть странное, щемящее ощущение. Казалось, будто природа устроила всё это грандиозное представление лично для неё, словно тихо и грустно прощаясь перед лицом грядущих перемен. В этот момент Ая отчётливо осознала: её привычная жизнь неумолимо сторает вместе с этим закатом. Ничего не оставалось, кроме как безропотно принять неизбежное и полностью сдаться на волю судьбы.

Она сидела совершенно неподвижно, не шевелясь заморожёнno глядя на тонущий в густеющей дымке сумерек горизонт. Словно растворяясь в этой остывающей небесной палитре, погрузилась в глубокие мысли, позабыв о времени. Из этого блаженного, умиротворяющего небытия её вывел шуршащий звук шагов по песчаной дорожке совсем недалеко.

Ая обернулась, из темноты сгустившихся сумерек медленно выступил высокий силуэт, плотно закутанный в длинный дорожный плащ. Сердце девушки замерло, но вместо страха она ощутила странную, совершенно противоречащую случаю отвагу. Решительно поднявшись со скамьи, смело повернулась к незнакомцу лицом.

Тёмная фигура продолжала уверенно приближаться по песчаной дорожке. Лицо оставалось полностью скрыто глубоко надвинутой шляпой, отбрасывающей плотную тень. Незнакомец подошёл вплотную, в мягком и призрачном свете взошедшей луны, Ая наконец смогла разглядеть, из-под полей шляпы на неё смотрело такое родное и милое её сердцу лицо Адриана.

Юноша выглядел сосредоточенным, взгляд, устремлённый на неё, мгновенно утратил былую холодность. Ая удивлённо моргнула, осознав, что за созерцанием угасающего неба она совершенно потеряла счёт времени — на часах, вероятно, уже было одиннадцать часов вечера.

Де Мор сделал ещё шаг, сокращая последнее расстояние между ними, плавно притянул Аю к себе и заключил в крепкие объятия. Он уткнулся подбородком в её макушку, ощущая, как трепетно бьётся её сердце. Так они стояли какое-то время в абсолютной ночной тишине, затерянные среди глухих садовых теней и совершенно не нуждаясь в словах. В безмолвном прикосновении сквозило столько скрытого тепла и привязанности, что весь остальной мир просто перестал для них существовать.

Затем юноша немного отодвинул её от себя, бережно придерживая за плечи. Серьёзно посмотрел в синие глаза, в которых отражался холодный блеск луны, и тихо спросил:

— Вы готовы?

Ая, чувствуя, как внутри крепнет белая отвага, твёрдо ответила:

— Да.

Тогда Де Мор взял её ладонь, крепко сжав прохладные пальцы в своей руке, и повёл за собой. Они начали обходить Чёрное озеро с правой стороны, где деревья подступали к самой кромке зеркальной воды. Молодые люди медленно пробирались по узкой, едва заметной тропинке, заросшей дикой травой и скрытой свисающими ветвями кустарников. Обогнув ровную гладь водоёма, они свернули вглубь леса и постепенно удалились от берега на весьма почтительное расстояние.

Вокруг воцарилась кромешная тьма. Густые кроны деревьев заслоняли лунный свет, Ая совершенно не могла разобрать дороги ступая по невидимой земле. Адриану эта глухая лесная тропа, видимо, была прекрасно знакома. Он шёл уверенно и твёрдо ведя беззащитную девушку за собой сквозь ночной мрак, словно точно знал каждый поворот и каждый корень под ногами.

Они продвигались сквозь лесную глушь, пока чаща не расступилась, и взору открылось подножие отвесной скалистой горы. В каменном склоне, таилось устье пещеры. Вход настолько плотно зарос густым кустарником, пустившим цепкие корни в глубокие трещины породы, что случайный путник просто миновал бы это надёжно укрытое место.

Адриан остановился, безмолвным жестом повелевая Ае не двигаться. Приблизился к густым кустам, уверенно пошарил среди веток и извлёк два факела. Юноша на мгновение сосредоточился, сорвал со своих пальцев короткую магическую искру и поджёг просмоленную древесину. Яркое пламя разорвало ночную тьму, выхватив из мрака холодную гранитную породу.

Сделав пару шагов вперёд, уверенным движением отодвинул плотную стену дикой растительности, полностью загораживавшую проход, молодые люди прошли внутрь. Медленно пошли по длинному, сырому и узкому каменному тоннелю, стены которого тускло поблёскивали в колеблющемся пламени факелов. Мрачные подземные своды уводили их всё глубже, пока извилистый путь не привёл героев к массивным кованым воротам.

В самом центре тяжёлых створок выделялась круглая печать, сплошь испещрённая ломаными рунами, с глубоким рельефным углублением ровно посередине.

Адриан остановился и повернулся к девушке. В багровых отсветах огня его лицо выглядело предельно серьёзным.

— Брошь, которую вы нашли на своей тумбочке... у вас с собой? — негромко спросил он.

Ая запустила руку в потайной карман платья, аккуратно достала старинное украшение и протянула его Адриану. Юноша бережно взял вещь, шагнул к воротам и приложил её в углубление печати. Ломаные руны на створках одна за другой загорелись ровным красным светом, раздался тихий металлический щелчок.

Адриан упёрся ладонью в холодный металл и уверенно толкнул ворота внутрь. Тяжёлые створки поддались с протяжным скрежетом, который гулким эхом покатился по подземным галереям, открывая проход в подземный грот.

Шагнув под своды просторного зала, юноша высоко поднял факел. Пляшущие языки пламени разогнали мрак, в багровом сиянии молодые люди увидели пробудившегося стража. Чудище было поистине исполинских размеров, голова как у медведя сидела на теле ископаемой рептилии. Мощное туловище покрывала толстая, растрескавшаяся шкура землисто-серого цвета, местами заросшая жёсткой, похожей на проволоку щетиной и покрытая налётом многолетней пыли. Из массивного загривка существа торчали острые костяные наросты, напоминающие обломки скал.

Монстр медленно поднял свою уродливую, приплюснутую голову на толстой жилистой шее. У неё были мертвенно белые лишённые зрачков глаза и слепой взор устремленный в никуда. Вместо зрения природа наделила тварь обострённым слухом и обонянием: широкие ноздри судорожно втягивали воздух, улавливая чужеродные ароматы, а уши нервно подёргивались. Чудище глухо, утробно зарычало, заставив каменный пол под ногами ощутимо завибрировать, и приоткрыло огромную пасть, усаженную несколькими рядами неровных, жёлтых клыков, с которых на камни капала густая вязкая слюна.

Тварь пришла в движение. Опираясь на массивные, когтистые лапы, тяжело поковыляла к замершим у входа гостям, каждый её шаг отзывался глухим ударом в груди Аи. Время стремительно утекало. Адриан, сбросив оцепенение, быстро выхватил из внутреннего кармана камзола добытый пергамент. Развернув старинный свиток в подрагивающем пламени факела, начал быстро зачитывать древнее заклинание. Слова мёртвого языка звучали резко, словно удары кремня, заполняя пространство пещеры звенящей магической силой.

Чудище, подгоняемое слепым инстинктом, успело подойти почти вплотную. Огромная уродливая морда оказалась в считанных шагах от молодых людей, монстр обдал их волной зловонного, горячего дыхания, от которого перехватило горло. Адриан выкрикнул последнее

слово заклятия, тварь замерла на полушаге, словно наткнувшись на невидимую стену. Яростное рычание перешло в глухой, затихающий хрип, а тяжёлые веки бессильно опустились. Издав глубокий вздох, исполинский зверь подкосился и с оглушительным грохотом повалился на каменный пол. Пещера содрогнулась, поднялось облако пыли, чудовище погрузилось в глубокий сон.

Ая перевела дыхание, чувствуя облегчение, повернулась к Адриану, готовая разделить с ним эту невероятную победу и наконец сделать то, ради чего они сюда явились — разорвать завет между аркой и родом Де Моров. Юноша неторопливо свернул похищенный пергамент и убрал его обратно во внутренний карман камзола. В этот момент сзади, из густого тумана у входа, раздался звучный, раскатистый голос, заставивший Аю оцепенеть:

— Какое трогательное зрелище. Глупая, предсказуемая самонадеянность.

Девушка резко обернулась. В багровых отсветах факелов стоял Доминик Де Мор. Лицо Верховного магистра светилось ледящим торжеством, за спиной безмолвными тенями замерли многочисленные стражи в чёрных доспехах. Доминик не смотрел на сына — его хищный, торжествующий взгляд был прикован к ошеломлённой девушке.

— Неужели ты действительно поверила, будто сможешь уничтожить вековую силу нашего рода, девчонка? — Доминик сделал медленный шаг вперёд, и стража синхронно двинулась за ним.

Ая замерла, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Вся её отвага в одну секунду превратилась в безжизненный пепел. Отчаянно цепляясь за последнюю надежду, она бросилась к Адриану, заглядывая в его лицо:

— Адриан... Пожалуйста, скажите, что это не так! Зачем он здесь? Вы... вы привели его сюда? Скажите хоть слово!

Но юноша оставался неподвижен. Его лицо, ещё недавно казавшееся живым, превратилось в ледяную маску, в глазах застыла бескрайняя пустота. Адриан упорно молчал, плотно сжав губы, отрешённый взгляд был устремлён куда-то мимо, в пустую стену пещеры. Он даже не повернул головы в её сторону, игнорируя мольбу и безмолвно подтверждая худшие опасения.

— Ему незачем отвечать тебе, — снисходительно усмехнулся Доминик и резко вскинул руку, окутанную багровым сиянием. — Взять девчонку!

С пальцев Верховного магистра сорвалась искра, мгновенно пробившая сознание Аи. В глазах всё поплыло, а сокрушительный удар лишил тело последних сил. Теряя сознание и проваливаясь во тьму, она унесла с собой лишь один образ: холодный, абсолютно равнодушный силуэт Адриана.

Сознание возвращалось медленно. Первым, что почувствовала Ая, был холод грубого тесаного камня под спиной и сырость, от которой першило в горле. В голове глухо и болезненно шумело.

Она с трудом приоткрыла глаза и осмотрелась. Помещение, где она находилась, оказалось тесным, глухим каменным мешком с покрытыми плесенью углами и низким давящим сводом. Из мебели здесь был лишь соломенный тюфяк на полу. Напротив высилась массивная железная дверь с маленьким зарешёченным окошком, через которое внутрь пробивался тусклый свет от факела, висящего где-то далеко в коридоре.

Попытавшись подняться, девушка услышала резкий металлический скрежет. Руки и ноги были закованы в тяжёлые цепи. Ая попробовала дотянуться до своего внутреннего источника магии, но сила не отзывалась.

Страшнее тяжёлых цепей и темноты подземелья была невыносимая, разрывающая грудь душевная боль. Адриан предал её. Человек, которому она без остатка отдала своё сердце и ради которого пошла на смертельный риск, просто использовал её как ключ к древней печати, безжалостно бросив в руки своего отца. Сквозь пелену горьких слёз, в памяти ожили предостережения Илая, когда он просил её держаться подальше от наследника:

«Род Де Моров никогда ничего не делают бескорыстно. Ложь, притворство и безжалостный расчёт у них в крови, а любой, кто поверит в их искренность, неизбежно станет лишь расходным материалом в их жестоких играх за власть».

Илай был абсолютно прав. Отрезанная от всего мира, преданная любимым, она осталась одна в темноте, лицом к лицу со своей разрушенной жизнью.

Конец первой книги.

Анонс второй книги. «Империя крови и обещаний. Часть II»

Предательство, разбившее сердце на осколки, и подземелье — вот и всё, что осталось у Аи после рокового часа Равноденствия.

Удастся ли Ае выбраться из каменного мешка, вернуть заблокированную силу и выжить в этой жестокой игре высшей аристократии? И увидит ли она ещё когда-нибудь Адриана — того, кто стал для неё одновременно и величайшей любовью, и самым страшным палачом? Какую игру на самом деле ведёт наследник рода Де Моров?

Об этом читатель сможет узнать во второй книге, которая обещает перевернуть всё представление о героях и поднять ставки до максимума.

Первые две главы можно уже будет прочитать 11 июля. Не пропустите продолжение!